

МОЙ МУЖ.
МОЙ МУЧИТЕЛЬ.

ОБМАН #1

ОБЕТ
ОБМАНА

<https://vk.com/neviofal>

РИНА КЕНТ

Обет Обмана - Рина Кент

Книга: Обет Обмана

Автор: Рина Кент

Серия: Обман #1

Перевод группы: <https://vk.com/neviofal>

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Не использовать русифицированные обложки книг в таких социальных сетях, как: Тик Ток, Инстаграм, Твиттер, Фейсбук. Спасибо.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Привет, дорогой друг!

Если тебе раньше не доводилось познакомиться с моими книгами, возможно, ты не знаешь, но я пишу мрачные истории, которые могут тебя расстроить и вызвать беспокойство. Мои книги и главные герои не для слабонервных.

Обет Обмана — первая книга трилогии, а не отдельная книга.

АННОТАЦИЯ

Мой муж. Мой мучитель.

Самый известный человек в городе предлагает мне работу.

Вести себя как его покойная жена.

Адриан Волков не из тех, кто принимает «нет» за ответ.

Он командует железным кулаком, и все его приказы выполняются.

Когда он подходит ко мне с предложением, у меня есть два варианта.

Отправиться в тюрьму или навлечь на себя его гнев.

Я предпочитаю иметь крышу над головой. Что такого сложного в актерской игре, правда?

Неправильно.

В тот момент, когда я встаю на место его жены, все выходит из-под контроля.

Мой единственный способ выжить – это Адриан. Или нет?

ПЛЕЙЛИСТ

Snuff – Slipknot

Demons and Angels – LOWBORN

Darkness in Me – Fight The Fade

I Don't Know What to Say – Bring Me The Horizon

Designer Drugs - FNKHOUSER

Virgin – Manchester Orchestra

Simple Math – Manchester Orchestra

Pale Black Eye – Manchester Orchestra

Warning Sign – Coldplay

Hemorrhage – Red

Crawling – Dream State

Ashes – Claire Guerreso

Survivin' – Bastille

Heavy Rain – Solence

Apprehension – Manchester Orchestra

Mighty – Manchester Orchestra

Flares – The Script

Haunted – Acacia Ridge

In The Shadows – Amy Stroup

Under Your Scars – Godsmack»

Пролог

Смерть может прийти в виде допбельгангера (прим. пер. в литературе эпохи романтизма двойник человека, появляющийся как тёмная сторона личности или антитеза ангелу-хранителю).

Существует миф, старый как мир, который гласит, что, когда вы встретите кого-то, кто выглядит точно так же, как вы, один из вас умрет.

Вопрос в том – кто.

Кто умрет первым? Я или она?

Согласно мифу, тот, кто первым увидит другого, обязательно встретит свой конец. В том же десятилетии. В том же году. Возможно, даже в тот же день.

Я поднимаю дрожащие руки и смотрю на кровь, покрывающую их, переплетающуюся с пальцами и ползущую под ногтями.

Ох.

Думаю, это значит, что я увидела ее первой. Сначала я посмотрела ей в глаза.

Какое невезение. Но, наверное, у меня никогда не было хорошего типа. Не тогда, когда я родилась, и уж точно не тогда, когда меня втолкнули в эту жизнь.

Мое внимание остается на темно-красном, покрывающем мои руки, как вторая кожа. Она густая, липкая, и ее темный цвет горит у меня в голове. Я потираю ладони, чтобы стереть ее, но от этого лучше не становится. Во всяком случае, свежая теплая кровь размазывается дальше, как будто она уже выбрала мои руки в качестве постоянного места жительства.

Я закрываю глаза, втягивая в себя резкие потоки воздуха. Звук хриплый, гортанный, скрежещущий по поверхности легких длинными ржавыми гвоздями.

Все в порядке. Когда я открою глаза, я проснусь. Это не реально. Это только мое дикое воображение и мое суеверие объединили свои силы, чтобы мучить мой разум.

Это. Не. Реально.

Мои веки словно склеились, когда они пытаются оторваться друг от друга.

Кровь все та же – теплая, липкая и почти черная из-за отсутствия света. Я сжимаю кулаки, мое тело напрягается, как натянутый хлыст.

Просыпайся. Просыпайся, мать твою.

Ногти впиваются в ладони, но я ничего не делаю, чтобы вырваться.

Ничто не остановит этот отвратительный цикл.

Я поднимаю голову и осматриваюсь. Дикие деревья окутывают меня, как кокон. Они такие высокие, что темное небо едва видно сквозь небольшое отверстие над головой.

Облака сгущаются над серебристым оттенком луны, и я вздрагиваю. Тонкий свитер поверх хлопчатобумажного платья едва защищает меня от холода.

Ощущение холода должно быть хорошим знаком, но это не так. Это не ясное указание на то, реально это или нет.

Кровь на моих руках не исчезнет, как и дрожь, пробегающая по моему телу.

Она преследует меня.

Если он найдет меня, он убьет меня.

Я сжимаю веки и считаю вслух: «Три, два, один».

Когда я снова открываю их, деревья все те же, и холод тот же. Кровь стала холоднее. Гуще. Более липкой. Как будто демон овладел моим разумом и начал с моих рук.

Нет.

Я впиваюсь ногтями в длинный шрам на запястье и изо всех сил царапаю кожу, намереваясь снять его и заглянуть под него. Увидеть, как на самом деле течет кровь, отличить этот кошмар от реальности.

Если боли нет, значит, это не по-настоящему. Это всего лишь очередное жестокое проявление моего подсознания и очередное самонаказание. Скоро все закончится, и я проснусь целой и невредимой.

Моя кожа разрывается под натиском ногтей, и жгучая боль взрывается на ране.

Мой рот приоткрывается, и с век скатывается слеза.

Это реально.

Это не кошмар. Я не спала и проснулась в аду. Я пошла туда своими собственными ногами.

Нет.

Нет...

Мои сухие губы дрожат, когда несколько капель крови падают из раны и присоединяются к кровавой бане на моих руках.

Такое количество крови может означать только одно.

Я отняла жизнь.

Мои демоны победили.

Теперь они молчат, даже не пытаюсь шептать те злобные вещи, те мысли, которые мучили меня днем и ночью. Они стали громче, грохоча и царапая мою голову, пока я не услышала их.

Пока я не осуществила их желание.

«Я не убийца. Не убийца...» – Я бормочу эти слова про себя. Может быть, если я продолжу это делать, то смогу исправить то, что произошло.

Может быть, я смогу вернуться и изменить это.

Я смотрю на мрачное, унылое небо, слезы льются из глаз. – Если там кто-то есть, пожалуйста, позволь мне вернуться и изменить это. Я не такой человек. Не позволяй мне быть таким человеком. Пожалуйста...

Только завывание ветра отвечает мне, его звук эхом отдается в пустом лесу, как мстительные духи с желтыми глазами и разинутыми ртами.

– П-пожалуйста... – умоляю. – Пожалуйста, перестань мучить меня самой собой. *Пожалуйста.*

Я знаю, что мои мольбы не имеют никакого эффекта, но это последняя надежда, за которую я могу держаться. Последняя нить, которая может спасти меня. Потому что я отчаянно нуждаюсь в спасении прямо сейчас.

И я не доверяю себе, чтобы сделать это. Если я попытаюсь, то сделаю только хуже. Я выйду из-под контроля и соскользну вниз по пути без возврата.

Следующее, что я узнаю, это то, что я стану своими собственными демонами.

Я сама себя погублю.

Я буду тем, от кого убегала всю свою жизнь.

– Пожалуйста, останови это, – Мой голос задыхается, и я всхлипываю. – Пожалуйста. Я сделаю все, что угодно.

На этот раз ветер – не мой ответ. Из-за деревьев доносится шарканье.

Мои ноги подкашиваются, и я перестаю дышать. Мои демоны не могли найти меня так скоро.

Хотя... *Подождите.* Это реальность. Мои демоны не появляются в реальности. Это значит, что следы принадлежат кому-то более опасному, чем они.

Я разворачиваюсь и бегу вперед, расталкивая локтями низкие ветки. Опавшие листья хрустят под моими плоскими ботинками, но я не останавливаюсь, чтобы подумать о звуке, который я издаю, который дает четкое представление о том, где я нахожусь. Сейчас это не важно. Если меня поймают, меня убьют.

На самом деле моя судьба будет намного хуже смерти.

Живи. Ты боец. Ты была рождена, чтобы жить.

Мамины слова эхом отдаются в моей голове, заряжая меня большой дозой адреналина. Я должна жить и оставаться живой для нас обоих.

Мне *нужно* жить.

Шаги приближаются с каждой секундой, пока не раздаются прямо за моей спиной. Я не оглядываюсь и даже не пытаюсь. Вместо этого я использую деревья как маскировку, бросаясь между ними так быстро, что мои сухожилия кричат от боли.

Если мой образ жизни неправильный, он меня не найдет. Если я буду непредсказуемой, то смогу избежать когтей смерти.

Меня учили никогда не брать короткий конец палки или иметь меньше, чем я заслуживаю. Ирония в том, что он научил меня этому, но теперь идет за мной.

Какая ирония.

Деревья расступаются, и я с визгом останавливаюсь на вершине утеса. Галька вырывается из-под моих ног и скатывается вниз по огромным валунам и, наконец, к темной мутной воде, которая разбивается о камни. Шум бушующих волн эхом отдается в воздухе, словно симфония смерти.

Небо теперь полностью затянуто тучами, отбрасывая мрачную тень на сердитое море.

Когда я смотрю вниз, странная, но знакомая мысль играет у меня в голове.

Было бы так легко покончить с этим. Так просто.

Один шаг – это все, что нужно. Один шаг – и я утоплю своих демонов собственными руками.

Один шаг, и я убью их раз и навсегда, так что они никогда больше не выйдут.

– Сделай это.

Дрожь пробегает по моей спине от зловещего голоса, доносящегося сзади.

Он нашел меня.

Я разворачиваюсь так быстро, что теряю равновесие и качаюсь назад. Я тянусь к нему и хватаю его за руку обеими руками, впиваясь ногтями в

рубашку. Кровавые пятна на светло-серой ткани – свидетельство моего отчаянного желания жить.

Он неподвижен, как холодная статуя, а я остаюсь висеть в воздухе. Его лицо в тени, и я не вижу ничего, кроме контуров его подбородка и волос.

Так как я знаю, что он не сделает ни малейшего движения, чтобы помочь мне, я пытаюсь использовать свою хватку на его рукаве, чтобы подтянуться.

– Ты покончишь с жизнью. – Его спокойный, но угрожающий тон останавливает меня.

Я яростно качаю головой.

– Я н-не хочу.

– Это все равно случилось.

– Нет, пожалуйста... не надо....

– Умри за свои грехи. – Он выдергивает руку, и я, спотыкаясь, падаю вниз со скалы.

Я открываю рот, чтобы закричать, но не издаю ни звука. Падение оказалось не таким болезненным, как я ожидала. Это что-то... умиротворяющее.

Бросив последний взгляд на силуэт, глядящий на меня сверху вниз, я закрываю глаза, выпуская слезы.

Это конец.

Глава 1

Адриан

Запах роз превратился в зловоние смерти.

Я смотрю на кровь, хлещущую из ее ран, на жизнь, упрямо покидающую ее тело, не останавливаясь и не раздумывая.

Красный цвет портит ее светлую кожу, рисуя ручейки на руках и ногах и очерчивая нежное лицо.

Ее глаза открыты, но она не смотрит на меня. Их синева пуста, исчезла, уже существует где-то, где мне не место.

Я баюкаю ее голову в своих руках, нежно поглаживая ее темно-каштановые волосы. Приподняв мокрую прядь, я глубоко вдыхаю, ища то, что, возможно, является моей последней дозой роз. Не имеет значения, если они колючие и будут колоть меня в процессе. Этот метод не имеет для меня никакого значения, пока я что-то делаю.

То, что меня встречает, дальше всего от роз. Это даже не смерть. Это еще хуже.

Незначительность.

Онемение.

Место, где она не может и не хочет меня чувствовать. Где она покончила со всем, чтобы запечатать свое сердце и душу.

Просто чтобы она могла... исчезнуть.

Я убираю волосы с ее лица и провожу губами по ее лбу.

– Я найду тебя снова.

Люди говорят, что смерть – это конец.

Для меня это только начало.

Глава 2

Уинтер

Кажется, я перестала чувствовать.

Дело не в том, что я отключила свои эмоции, но я почти уверена, что потеряла чувствительность в своих руках и ногах.

Я почти вижу волдыри от холода на моих пальцах внутри порванных перчаток и между пальцами ног, которые покрыты старыми носками и мужскими ботинками, которые слишком велики, заставляя мои ноги сутулиться с каждым шагом. Холодный воздух проникает даже сквозь барьер из моих четырех тонких свитеров и пальто, которое мне велико на три размера.

В этом году по Нью-Йорку сильно ударил снежный сезон. Я чувствую себя ходячим снеговиком под тяжестью одежды, которую ношу. Ни одна из вещей не чувствуется достаточно мягкой или защищающей, но это лучше, чем умереть от переохлаждения.

Было бы забавно, если бы я умерла от холода, когда меня зовут Уинтер.

Судьба слишком цинична или что? Она, должно быть, думала об этом моменте, когда шепнула моей маме, что она должна назвать меня в честь самого холодного, самого сурового сезона.

Судьба также выбрала худшее состояние, чтобы бросить меня. Мало того, что зимы здесь холодные, ветреные и влажные, как ад, но и лето невыносимо при всей влажности.

Но кто я такая, чтобы жаловаться? По крайней мере, здесь я смогу незаметно проскользнуть сквозь толпу.

Как будто меня не существует.

Невидимость – мощный инструмент. В городе, где проживает более восьми миллионов человек, таким, как я, легко остаться незамеченными.

Но холод заставляет меня больше выделяться. Когда я иду по мокрым улицам среди сотен тысяч людей, на меня иногда смотрят. Не всегда из

жалости – часто с осуждением. Я слышу, как они говорят: «*Вы могли бы быть лучше, юная леди*».

Но большинство ньюйоркцев настолько бесчувственны, что им наплевать на такое ничтожество, как я.

Я стараюсь не обращать внимания на людей, выходящих из пекарен с едой на вынос, но я не могу игнорировать божественные запахи, которые проносятся мимо меня. Я открываю рот, затем закрываю его, как будто это поможет мне почувствовать вкус угощения.

Если бы только я могла сейчас съесть горячего супа или теплого куска хлеба.

Я сглатываю слюну, которая образуется во рту при этой мысли. Всякий раз, когда я умираю с голоду и не имею доступа к еде, я представляю себе стол, полный вкусных блюд, и притворяюсь, что пирую ими. Но мой желудок просто верит в это на полминуты, прежде чем снова начинает урчать.

Его трудно обмануть.

Однако, как бы я ни была голодна, мне бы хотелось выпить еще.

Я поднимаю банку пива, завернутую в коричневый бумажный пакет, и опустошаю ее. Вот и последние капли, которые должны были помочь мне пережить этот день.

Сейчас только полдень, а я ела в последний раз... Когда это было? Два дня назад?

Может быть, мне стоит вернуться в приют за едой и куском хлеба...

Я отбрасываю эту мысль, как только она приходит. Я никогда не вернусь туда, даже если мне придется спать на улице. Думаю, мне следует поискать другое убежище, где я смогу провести остаток зимы, иначе я действительно замерзну на улице.

Мои ноги останавливаются перед плакатом в рамке, висящим на стене здания. Не знаю, почему я останавливаюсь.

Я не должна.

Обычно я этого не делаю.

Я не останавливаюсь и не смотрю, потому что это привлечет ко мне внимание и разрушит мои шансы на обладание сверхспособностями невидимости.

Но по неизвестным причинам на этот раз я останавливаюсь. Моя пустая банка уютно устроилась между пальцами в перчатках, повиснув в воздухе, пока я изучаю объявление.

Афиша Нью-Йоркского Городского балета, рекламирующая одно из их выступлений. Все его пространство занято женщиной в свадебном платье, стоящей на пуантах. Вуаль закрывает ее лицо, но она достаточно прозрачна, чтобы различить печаль, суровость... отчаяние.

«Жизель» написано у нее над головой. Внизу – имена режиссера и примы-балерины, Ханны Макс, а также других балерин, участвующих в шоу.

Я моргаю один раз и на секунду вижу свое отражение в стекле. Мое пальто поглощает мое маленькое тело, а мои огромные кроссовки с высоким верхом напоминают клоунские туфли. Моя зимняя шапка из искусственного меха закрывает уши, а светлые волосы растрепаны и сальные, их концы спрятаны под пальто. Моя шапка слегка сдвинута назад, открывая темные корни. Чувствуя себя как-то подсознательно, я натягиваю капюшон пальто на голову, позволяя ему затенить мое лицо.

Теперь я выгляжу как серийный убийца.

Ха. Я бы посмеялась, если бы могла. Серийный убийца достаточно умен, чтобы не оказаться на улице. Они достаточно умны, чтобы не захлебнуться в алкоголе так сильно, что поддержание работы становится невозможным.

Я снова моргаю, и плакат снова появляется на экране. Жизель. Балет. Прима-балерина.

Внезапное желание выколоть женщине глаза переполняет меня. Я делаю вдох, потом выдох. У меня не должно быть такой сильной реакции на незнакомку.

Я ее ненавижу. Я ненавижу Ханну Макс, Жизель и балет.

Развернувшись, я ухожу, прежде чем у меня появляется искушение разбить плакат о землю.

Я сминаю банку и бросаю ее в ближайший мусорный бак. Эта перемена настроения совсем не к добру.

Это из-за недостатка алкоголя в моем организме. Сегодня я выпила слишком мало пива, чтобы напиться при свете дня. Холод становится более терпимым, когда мой разум онемел. Мои мысли не так громки, и я не испытываю убийственных чувств из-за безобидного балетного плаката.

Я рассеянно перехожу улицу, как делаю это каждый день. Это стало моей рутинной, и я больше не обращаю на это внимания.

Это моя ошибка – принимать все как должное.

Я не слышу гудка, пока не оказываюсь посреди улицы.

Мои ноги застывают на месте, как будто тяжелые камни приклеивают их к земле. Когда я смотрю на аварийные огни фургона и слышу его непрерывный гудок, я думаю, что моя двадцатисемилетняя жизнь от рождения до сегодняшнего дня пройдет перед моими глазами. Вот что происходит в момент смерти, верно? Я должна вспомнить все.

С того момента, как мама перевезла нас из одного города в другой, пока жизнь не забросила меня в Нью-Йорк.

С момента моего расцвета и до несчастного случая, превратившего меня в неизлечимого алкоголика.

Однако ни одно из этих воспоминаний не приходит. Даже фрагментов нет. Единственное, что вторгается в мою голову, – это маленькие пальчики. Крошечное личико и тело, которое медсестра вложила мне в руки, прежде чем ее увезли навсегда.

Комок подступает к горлу, и я дрожу, как мелкий листок на холодных зимних улицах Нью-Йорка.

Я обещала жить ради нее. Почему, черт возьми, я умираю сейчас?

Я закрываю глаза. *Мне так жаль, малышка. Мне очень жаль.*

Большая рука хватается меня за локоть и тянет назад с такой силой, что я спотыкаюсь. Та же рука мягко держит меня за руку, чтобы я не упала.

Я медленно открываю глаза, наполовину ожидая увидеть свою голову под фургоном. Но вместо этого гудок гудит, когда он проезжает мимо меня, водитель кричит в окно.

– Смотри, куда едешь, чертова сумасшедшая сука!

Встретившись с ним взглядом, я показываю ему средний палец свободной руки и продолжаю делать это, чтобы убедиться, что он видит это в зеркале заднего вида.

Как только фургон исчезает за углом, я снова начинаю дрожать. Короткая волна адреналина, ударившая меня, когда меня оскорбляли, иссякает, и теперь я могу думать только о том, что могла умереть.

Что я *действительно* подвела бы свою маленькую девочку.

– Ты в порядке?

Я резко оборачиваюсь на звук голоса с акцентом. На секунду я забыла, что кто-то оттащил меня от фургона. Что если бы он этого не сделал, я была бы уже мертва.

Мужчина, русский, судя по тонкому акценту, с которым он только что говорил, стоит передо мной, его рука все еще сжимает мой локоть. Это нежное прикосновение по сравнению с грубой силой, которую он использовал, чтобы оттащить меня назад.

Он высокий, и, хотя большинство людей выше моих пяти футов четырех дюймов (прим. пер. 162 см.), он идет гораздо выше. Наверное, шесть-два (прим. пер. 188 см) или больше. На нем черная рубашка и брюки с расстегнутым темно-серым кашемировым пальто. Это может быть цвет или длина пальто, которое достигает его колен, но он выглядит элегантным, умным, как адвокат, и, вероятно, работал моделью, чтобы заплатить за обучение в колледже.

Однако его лицо говорит совсем о другом. Не то чтобы он был некрасив, просто он такой, с резкими угловатыми чертами лица, которые подходят к его

модельному телу. У него высокие скулы, отбрасывающие тень на заросшую густой щетиной челюсть.

Его глаза насыщенного серого оттенка, граничащего с черным. Хотя цвет его одежды, возможно, усиливал их внешний вид. Факт остается фактом: в них слишком... неудобно смотреть. Вы знаете, когда что-то или кто-то, настолько красив, что на самом деле все болит внутри, чтобы смотреть на них? Это тот самый незнакомец. Вглядываясь в его глаза, какими бы странными они ни были, я испытываю чувство неполноценности, от которого не могу избавиться.

Хотя его слова выражали беспокойство, я не вижу ничего написанного на его лице. Никакого сочувствия, на которое способно большинство людей.

Но в то же время он не похож на человека, который притворяется обеспокоенным. Во всяком случае, он был бы похож на остальных прохожих, которые едва смотрели в сторону почти дорожной аварии.

Я должна быть благодарна, но единственное, чего я хочу, – это вырваться из его цепких лап и из его беспокойных глаз. Его глубокие, умоляющие глаза, которые мало-помалу расшифровывают мое лицо.

Кусочек за кусочком.

– Я в порядке, - выдавливаю я, высвобождая локоть.

Он хмурит брови, но это быстро, почти незаметно, прежде чем он возвращается к своему прежнему выражению, отпуская меня так же мягко, как сжимал. Я жду, что он развернется и уйдет, чтобы я могла списать все это на несчастливый зимний день.

Но он просто стоит, не двигаясь, не моргая, не делая ни единого шага в любом направлении. Вместо этого он предпочитает смотреть на меня, его густые брови нависают над глазами, в которые я действительно не хочу смотреть, но я все равно оказываюсь втянутой в их дикую серость.

Они похожи на резкость облаков над головой и беспощадный порыв ветра со всех сторон. Я могу притвориться, что их не существует, но они все

равно заставляют меня терять ощущение конечностей. От них у меня волдыри и боль.

– Ты уверена, что с тобой все в порядке? – он спрашивает снова, и почему-то кажется, что он хочет, чтобы я сказала ему, что это не так.

Но почему? И с какой целью?

Я всего лишь одна из тысяч бездомных в этом городе. Такой человек, как он, окруженный непроницаемой атмосферой уверенности, намекающей на то, что он занимает какое-то видное положение, не должен был даже смотреть в мою сторону.

Но он смотрел.

А теперь он спрашивает, все ли со мной в порядке. Привыкнув к невидимости, я начинаю нервничать, когда вдруг становлюсь видимой.

С тех пор, как этот русский незнакомец схватил меня за руку, у меня под кожей появился зуд, побуждающий меня отпрыгнуть в тень.

Сейчас.

– Да. – выпаливаю я. – Спасибо.

Я уже собираюсь повернуться и уйти, когда властность в его голосе останавливает меня.

– Подожди.

Мои большие ботинки скрипят по бетону, когда я следую его команде. Обычно я этого не делаю. Я не умею слушать приказы, поэтому и нахожусь в таком состоянии.

Но что-то в его тоне привлекает мое внимание.

Он тянется к своему пальто, и в моей голове проносятся два сценария. Первый – он вытащит пистолет и выстрелит мне в голову за неуважение к нему. Второй – он будет обращаться со мной, как со многими другими, и даст мне деньги.

Это чувство неполноценности поражает снова. Хотя я обычно принимаю милостыню от людей, чтобы купить себе пиво, я не прошу ее. Мысль о том, чтобы взять деньги этого незнакомца, заставляет меня чувствовать себя

грязной, менее чем невидимой и больше похожей на пылинку на его черных кожаных ботинках.

Я намереваюсь отказаться от его денег, но он только достает носовой платок и вкладывает его мне в руку.

– У тебя что-то на лице.

Его кожа на секунду касается моих перчаток, и, хотя контакт короткий, я вижу его.

Обручальное кольцо на левом пальце.

Я сжимаю кусок ткани в руке и киваю в знак благодарности. Не знаю, почему я ожидала, что он улыбнется или хотя бы кивнет в ответ.

Он не делает этого.

Его глаза проникают в мои на несколько секунд, затем он поворачивается и уходит.

Именно так.

Он вычеркнул меня из своего злополучного дня и теперь возвращается к жене.

Учитывая крайний дискомфорт, который я чувствовала в его присутствии, я решила, что почувствую облегчение, когда он уйдет.

Напротив, мне кажется, что моя грудная кость впивается в чувствительную плоть моего сердца.

Какого черта?

Я смотрю на платок, который он вложил мне в руку. На нем вышиты буквы «А. В.» и, похоже, это ручная работа. Что-то ценное.

Зачем он вообще дал мне его?

Что-то на твоём лице.

У меня на лице куча дерьма. На самом деле слой грязи. Потому что я уже давно не была в общественном туалете. Неужели он действительно думает, что чертов носовой платок будет решением?

Разозлившись на него и на свою реакцию на него, я бросаю платок в мусорное ведро и бросаюсь в противоположном направлении.

Сегодня мне нужна горячая еда и постель, и, если для этого придется снова встретиться с дьяволом, так тому и быть.

Глава 3

Уинтер

Я останавливаюсь, прежде чем завернуть за угол в сторону убежища.

Сказать, что я встречу с дьяволом лицом к лицу, и на самом деле сделать это – две разные вещи. В конце концов, я вцепилась ему в лицо, пнула по яйцам, а потом толкнула его к столу в последний раз, когда видела.

Он действительно может поймать меня и заставить провести день в полицейском участке.

Низкий рык вырывается из моего желудка, и я вздрагиваю, когда он сжимается. Я почти чувствую, как он открывает рот и, когда ничего не находит, издает этот ужасный звук.

Я обхватываю себя рукой за талию, как будто это волшебным образом уймет боль.

Хорошо, я только попробую украсть немного супа и уйду. Многие бездомные, которые не ночуют здесь, приходят только за едой, так что мой план не должен быть странным.

Я натягиваю капюшон на голову и, завернув за угол, потираю руки в тщетной попытке согреть их.

Перед приютом припаркованы две полицейские машины с включенными синими и красными фарами. Несколько новостных фургонов разбросаны вокруг обшарпанного здания. Репортеры и операторы повсюду, как жуки, ищущие сочный кусок мусора, чтобы откусить.

Только не говорите мне, что этот скользкий засранец вызвал полицию и СМИ из-за меня. Я только пнула его. Окей, может быть, я вцепилась ему в лицо и даже ударила, но это была самозащита. Это он вызвал меня в свой кабинет и ощупывал там, где не должен был касаться.

Может, у меня мало что есть – окей, ничего – но я могу защитить себя от таких ублюдков, как он.

Но если я расскажу об этом полиции или СМИ, они мне не поверят. Зачем уважаемому директору приюта для бездомных, который тоже баллотируется в мэры, трогать такого ничтожного, грязного человека, как я?

Мне действительно нужно искать другое убежище. Но впустят ли меня, если Ричард уже внес меня в черный список?

Были ли это когти, удары или пинки, которые скрепили сделку для него? Если последнее, то пусть будет так. Потому что пнуть его по яйцам – это совсем не то, о чем я жалею.

Камешек ударяет меня по голове, и я вздрагиваю, оборачиваясь. Улыбка приподнимает мой рот, когда я смотрю в глаза единственному человеку, которого я бы назвала своим другом в этой дыре.

– Ларри! – Я шепчу-кричу.

– Иди сюда. – Он жестом приглашает меня присоединиться к нему в маленьком переулке, который используется для выбрасывания мусора.

Я быстро подхожу к нему и морщусь от запаха мусора. Не то чтобы мы с Ларри были самыми благоухающими людьми в округе, учитывая ограниченное количество времени, которое у нас есть, чтобы принять душ.

В тени загорелая кожа Ларри кажется еще темнее. Это мужчина средних лет – лет пятидесяти пяти, как он мне сказал, – и морщинки вокруг глаз говорят о том, сколько времени он провел на этой земле. Черты его лица резкие, угловатые, а кость в носу выступает из-за того, что он был сломан раньше.

На нем поддержанное кашемировое пальто ярко-оранжевого цвета, которое он получил от какой-то благотворительной организации. Сапоги и перчатки у него темно-синие. Очевидно, его чувство стиля лучше моего.

Мы встретились несколько недель назад на одной из станций метро, и он поделился со мной своим ужином. Я отдала ему половину своего драгоценного пива, и мы каким-то образом стали лучшими друзьями. Единственное, что мне больше всего нравится в компании Ларри, – это то, что он не болтлив. Мы оба мечтаем в присутствии друг друга, не утруждая себя лишними вопросами. Мы нашли товарищество в молчании. В том, чтобы закрыть дверь в мир. Однако

он знает о моей проблеме с алкоголем и сказал мне, что он тоже был пристрастен к нему.

Ларри привел меня в эту дыру, сказав, что мы получим бесплатную еду и теплую постель. Мы держимся друг за друга, поэтому, когда один спит, другой стоит на страже, чтобы никто нас не трогал. Когда свободных кроватей нет, мы садимся рядом, я кладу голову ему на плечо, и мы так спим.

– Я искал тебя повсюду. – выдыхает он. – Где ты была?

– Повсюду.

– Ты опять украла пиво?

– Нет!

– Уинтер ... – он щиплет себя за переносицу, как будто я наглый ребенок.

– Окей. Только одно. У меня не было мелочи.

– Мы же договорились никогда не воровать.

– Отчаянные времена, Ларри. Кроме того, ты же знаешь, что я не люблю трезвую себя. У нее есть проблемы. – Может быть, поэтому я весь день чувствовала себя не в своей тарелке. У меня низкая толерантность к алкоголю, но даже мне нужно больше, чем одно пиво, чтобы напиться.

– Уинтер...

– Забудь обо мне. – Я пренебрежительно махаю рукой в сторону убежища. – Что здесь произошло?

Он разжимает губы, прежде чем отпустить их. – Я должен спросить тебя об этом.

– Меня?

– Да, тебя. Как ты думаешь, почему здесь полиция и пресса?

– Потому что Ричард позвал их, чтобы демонизировать меня?

– Не совсем.

– Тогда почему?

– Сегодня утром Ричарда нашли мертвым в его кабинете.

Я замираю, странное ощущение сжимает мне горло и лишает воздуха. Когда я говорю, это напряженный шепот.

– Что?

– Уборщики нашли его в луже собственной крови, и полиция подозревает, что это сделала ты.

– Я?

– Ага. Я не знаю, звонил ли им Ричард перед смертью, или персонал и другие засвидетельствовали, что ты была последним человеком, который видел его живым.

Мои кулаки сжимаются по обе стороны от меня.

– Я не убивала его, Ларри. Я этого не делала.

Он вздыхает, и его брови опускаются на морщинистые глаза. У него толстая кожа с какими-то пятнами, вероятно, из-за того, что он столько лет провел на солнце.

– Я знаю.

– Серьезно?

– Серьезно, Уинтер. Ты маленькая сумасшедшая, но ты не убийца.

Я слегка улыбаюсь.

– Кого ты назвал сумасшедшей, старина?

– Я не старик, маленькая засранка.

– Ты ведешь себя, как старик, Ларри.

Он бьет меня головой, а затем быстро отталкивает. Ларри всегда держал дистанцию, между нами, как будто боялся прикоснуться ко мне, и я благодарна ему за это. Не потому, что его прикосновение плохо, а потому, что я не люблю, когда ко мне прикасаются. Вот почему я предпочитаю невидимость.

– В любом случае, тебе нужно уйти, пока они тебя не нашли.

– Я не сделала ничего плохого, и, если я прячусь, это значит, что я признаюсь в преступлении, которого не совершала.

– Так что ты планируешь, женщина? Ты думаешь ворваться в гущу этих полицейских? Что ты собираешься сказать? Типа: «Э-э-э, эй, офицеры, это я,

по-вашему, убила Ричарда, но на самом деле это не я, так что давайте просто пожмём друг другу руки»?

– Я просто расскажу им, что произошло.

– Никто тебе не поверит, Уинтер. Твои отпечатки пальцев повсюду в его кабинете, и ты была последней, кто видел его живым, прежде чем исчезнуть. Ты виновата в их глазах. А если ты туда войдешь, тебя посадят на двадцать лет. Хорошего адвоката ты тоже не получишь, потому что назначенные государством адвокаты – дерьмо.

Его слова проникают в мой мозг, медленно обретая смысл, но я хочу отбросить их как можно быстрее. Я хочу, чтобы они были неправдой. Потому что я не могу принять этот вариант.

– Так что ты предлагаешь мне делать, Ларри? Сбежать?

Старик щелкает пальцами.

– Вот именно. Затаись на некоторое время, а потом мы придумаем, как вытащить тебя из этого города.

Это самое логичное, что можно сделать в данных обстоятельствах. Да. Но я всегда была привязана к этому безжалостному городу суперклеем. Кроме того, это место, где у меня есть воспоминания с моей маленькой девочкой, и если я уйду, это будет похоже на то, что я оставляю часть себя.

– Но... Ларри...

Он вздыхает, засовывая обе руки в карманы оранжевого пальто.

– Ты не хочешь уходить?

Я отрицательно качаю головой.

– Но тебя могут посадить.

– Я знаю. Ты... пойдешь со мной?

– Совершенно, верно, женщина. Мы едем вместе и умираем вместе.

– Похоже на лозунг какого-то мотоклуба.

– Я его украл. – Он выглядывает из-за угла, его карие глаза сияют сосредоточенностью, прежде чем он фокусируется на мне. – А теперь иди. Не оставайся на открытых местах и избегай камер. Я тебя прикрою.

Я оборачиваю свои руки вокруг него, заключая в краткие объятия.

– Как мы встретимся снова?

– У меня есть информация о бездомных. Я найду тебя. Просто заляг на дно.

После того, как я неохотно отпускаю его, я осторожно пробираюсь через заднюю часть переулка.

Я оглядываюсь, чтобы бросить последний взгляд на Ларри, но он уже ушел.

***

Обычно, когда мы не в приюте, мы с Ларри ночуем на станции метро. Скамейки – наши друзья, предельная тишина лучше, чем шумный город снаружи.

Так что сначала я иду туда, но вскоре осознаю свою ошибку, когда вижу новости о смерти Ричарда по телевизору на станции.

Двое мужчин средних лет, которые, судя по их синим бейсболкам, являются футбольными фанатами, останавливаются передо мной, чтобы посмотреть новости. Я отступаю назад и сливаюсь со стеной на случай, если кто-нибудь здесь меня узнает.

– Какой бардак. – говорит один из них, закуривая сигарету, несмотря на запрещающие знаки.

– Может быть, это знак того, что он не собирался баллотироваться в мэры, – отвечает другой, пожимая плечами.

– Не собирался? Ты вообще когда-нибудь жил в этом городе?

– Что? Почему?

– Ричард Грин был главным кандидатом на пост мэра. – Мужчина с сигаретой наклоняется к своему другу и понижает голос, как будто делится секретами Центрального разведывательного управления. – Ходят слухи, что его поддерживала мафия.

– Мафия? – шепотом кричит другой.

– Говори потише, идиот. Ты хочешь, чтобы нас замочили?

Я насмехаюсь над тем, как он подражает знаменитым фильмам о гангстерах, но ловлю себя на том, что подхожу ближе, сохраняя дистанцию, чтобы уловить их разговор. Если Ричарда поддерживала мафия, то страшные люди в темных костюмах имели больше смысла, так как они время от времени заглядывали к нему в офис.

– Это итальянцы? – спрашивает некурящий.

Мужчина с сигаретой выпускает облако дыма, и я закрываю нос и рот тыльной стороной ладони, чтобы не закашляться.

– Нет. Братва.

– Русские?

– Так говорят слухи.

– Неужели эти грязные русские опять лезут в нашу политику?

– Да, чувак. А их мафия – это не шутка. Слышал, они убивают людей, как мух.

– Это страна закона.

Мужчина с сигаретой раздражается смехом, размахивая рукой, чтобы отдышаться.

– Какие права человека? Эти монстры творят закон, куда бы они ни пошли.

– Ты хочешь сказать, что смерть Ричарда не так проста, как ее рисуют СМИ?

– Да, именно это я хочу сказать. Все это – отвлекающий маневр. – Ричард Грин, кандидат в мэры Нью-Йорка, был убит одним из бездомных в приюте, которым он руководил.

Я щурюсь на телевизор и хмурюсь. Моя фотография должна быть во всех новостях с надписью «разыскивается». Почему они даже не упомянули мое имя? Неужели полиция еще не дала конкретных заявлений в СМИ?

Но в этом нет никакого смысла. Мои отпечатки рук повсюду в кабинете Ричарда, и я, без сомнения, их главный подозреваемый. Так почему же я просто бездомный в его приюте? Даже мой пол не упоминается.

– Русские страшные, чувак». – говорит мужчина с сигаретой.

– Хуже, чем итальянцы?

– Прямо сейчас? Намного хуже. Их власть и влияние глубже, чем у любой другой преступной группировки. – Он бросает сигарету на бетон, не гася ее, и вместе с другом спешит на поезд.

Я иду туда, где они стояли, и гашу сигарету подошвой ботинка. Тема по телевизору сменилась на какие-то другие мировые новости, и я продолжаю смотреть на обгоревший окурок. Как огонь оставил черную линию на белой поверхности. Так что даже после того, как он исчез, улики остаются.

Как и моя жизнь.

Я касаюсь нижней части живота, где мой шрам аккуратно спрятан под бесчисленными слоями одежды. Он все еще горит, как будто мои пальцы в огне, прорываясь сквозь одежду и обжигая мою кожу.

Еще один протест голода исходит из моего желудка, и я вздыхаю, покидая станцию. Мне нужно пойти в более тихое место, потому что, хотя они и не раскрыли мою личность, в конце концов, они это сделают.

Разговор фанатов "Гигантов" продолжает звучать у меня в голове, пока я крадусь из одного переулка в другой, мои шаги легкие и быстрые.

Когда мужчина с сигаретой упомянул русских, единственной мыслью, которая пришла в голову, был незнакомец из сегодняшнего дня. Его акцент был очень русским, но не таким грубым, как я слышала раньше. Он был гладким, легким, почти так, как я представляла себе русскую королевскую семью, если бы они когда-нибудь выучили английский.

Мог ли он быть частью мафии, о которой упоминал мужчина с сигаретой?

Я внутренне качаю головой. С чего бы мне связывать его с мафией только потому, что у него русский акцент? Он мог бы быть русским бизнесменом, как те тысячи, которые постоянно кишат в Нью-Йорке.

Или *шпионом*.

Дрожь сотрясает мои внутренности при этой мысли. Мне действительно нужно обуздать свое буйное воображение. Кроме того, в каком мире шпион так привлекателен? Кроме Джеймса Бонда, но он вымысел. Русский незнакомец привлек к себе столько внимания, и самое странное, что он, казалось, ничего не замечал. Или, может быть, его это беспокоило, как будто он не хотел быть в центре внимания, но он все равно был вынужден занять эту позицию.

Я лезу в карман и достаю платок, который он мне дал. Окей, я выбросила его в мусорное ведро, но потом вытащила. Не знаю почему. Наверное, это была пустая трата времени.

Пробегая пальцами в перчатке по инициалам, я задаюсь вопросом, сделала ли его жена это и спросит ли она его о платке. Хотя, похоже, он из тех, кто задает вопросы, а не наоборот.

Засовывая платок обратно в карман, я выталкиваю странного незнакомца из головы и делаю несколько поворотов, пока не оказываюсь в подземном гараже, который мы с Ларри часто посещаем.

Охранник храпит у входа, бормоча, о каком-то бейсболисте-идиоте. Чтобы проскользнуть мимо него, особых усилий не требуется. Теперь все, что мне нужно сделать, это уйти рано утром, пока он не проснется.

Гараж не большой и не шикарный, вмещает всего около сотни машин, и половина мест не занята. Только одна треть неоновых ламп работает, но даже если бы они все ослепили меня, это не имело бы значения. Я спала в местах и похуже, с более сильным освещением и более громкими звуками.

Ключ к безопасности – спать с одним открытым глазом. Не в буквальном смысле. Но в основном я сплю чутко, так что малейшее движение пробуждает меня.

Когда я сажусь на бетонный пол между двумя машинами и закрываю глаза, я хорошо слышу жужжание от наполовину разбитых фар и свист машин, проезжающих по улицам наверху. Я даже слышу бормотание охранника, хотя не могу разобрать его слов.

Если он остановится, я буду знать, что он проснулся, и мне нужно быть начеку. Он может вызвать полицию, а это последнее, чего я хочу в моей нынешней ситуации – да и вообще в любой ситуации.

Я стараюсь устроиться поудобнее в своей позе, хотя холод просачивается сквозь мои кости от стены позади меня и пола подо мной.

Я стараюсь не обращать внимания на урчание в животе и пульсирующую потребность выпить.

Я пытаюсь думать о том, что делать дальше, когда меня официально объявят в розыск.

Довольно скоро усталость берет свое, и я проваливаюсь в сон без сновидений.

Я не вижу снов. Никогда. После аварии мой разум словно превратился в чистый холст.

Бормотание прекращается, и охранник начинает говорить. Мои глаза распахиваются, и я смотрю на маленькое отверстие напротив меня, которое служит окном. Все еще ночь, и, судя по отсутствию гудящих машин, уже достаточно поздно, чтобы сюда не подъезжали другие машины.

И все же черная машина медленно въезжает в гараж. Здесь так тихо, что я бы не услышала его, если бы не была так настроена на шум внешнего мира.

Я подтягиваю колени к груди и обхватываю их руками, затем натягиваю капюшон пальто на голову, чтобы полностью прикрыть ее. Только один мой глаз заглядывает в узкую щель.

Пока она не припаркуется на месте напротив меня, я буду в порядке. Логичнее выбрать одно из бесчисленных мест у входа.

Звук приближается, и я вижу черную машину. Я сжимаюсь в тесном пространстве между "Хендаем" и стеной, благодаря все святое за мою маленькую фигурку. Это помогает в моей схеме невидимости.

Но, делая это, я заблокировала свое видение того, что делает машина. Долгие секунды не слышно ни звука. Ни открывания дверей, ни писка замка.

Присев на корточки, я заглядываю под машину и вижу пару мужских ног, стоящих прямо перед "Хендаем". Я подношу руку в перчатке ко рту, чтобы заглушить любой звук, который могу издать.

Гнилой запах от того дерьма, к которому я прикасалась, вызывает чувство тошноты и рвоту.

Я дышу ртом, продолжая следить за его ногами. На нем коричневые ботинки, и он не двигается, как будто чего-то ждет.

Уходи. Убирайся!

Я повторяю мантру в своей голове снова и снова, как будто это заставит это случиться.

Мама часто говорила мне, что если верить во что-то достаточно сильно, то это случится.

И, как по волшебству, коричневые туфли уходят. Я вздыхаю с облегчением, но оно обрывается, когда сильная рука выдергивает меня из-за машины за капот.

Сила настолько сильна, что я на мгновение зависаю в воздухе, прежде чем громоздкий мужчина со страшными чертами лица говорит с русским акцентом.

– Поймал ее, босс.

Глава 4

Уинтер

Поймал ее, босс.

Я не останавливаюсь, чтобы подумать, что могут означать эти слова. Моя первая и самая важная роль в жизни – это выживание. Я живу не для себя. Я живу ради своей малышки. Ради жизни, которую она не может иметь.

Человек, который схватил меня, громоздок и велик, как гора. Выражение его лица суровое, грозное, как будто он родился с постоянным хмурым взглядом. Волосы у него короткие, белокурые, а светлые глаза холодны и безжалостны, как лед.

Как только он ставит меня на ноги, я извиваюсь, чтобы выскользнуть из его хватки на моем капюшоне. Брыкаясь и извиваясь, я хватаю его за руку и пытаюсь вырвать ее, но с таким же успехом я могла бы быть мышью, сражающейся с кошкой.

Он выглядит совершенно безразличным, когда тянет меня за собой, и моя борьба нисколько его не останавливает. Я наступаю ему на ногу, но он лишь крепче сжимает мой капюшон, продолжая уводить меня. Мои ноги волочатся по полу, и я теряю одну из туфель.

– Помогите! – кричу я во всю глотку. – Помогите... – Мужчина кладет мне на рот каменную руку, отрезая любой звук, который я могу издать.

В отличие от вони моих гнилых перчаток, его рука пахнет кожей и металлом. Несмотря на довольно терпимый запах, все равно душно, как будто меня запихивают в маленькое место, где я не помещаюсь.

Мои конечности дрожат от такой перспективы. Я пытаюсь оторвать от него свой разум, но он уже вырос и расширился, разрывая плоть и кости, чтобы материализоваться передо мной.

Я нахожусь в замкнутом пространстве, там так темно, так темно, что я не вижу своих рук. Запах мочи наполняет мои ноздри, и мое собственное

дыхание звучит как красноглазое чудовище из моих самых ужасных кошмаров.

Я в ловушке.

Я не могу выбраться.

– Выпустите меня! – шепчу я с хриплым отчаянием. – Пожалуйста, выпустите меня....

– Где этот маленький монстр?

Нет!

Я царапаю руку, держащую меня, того, кто убьет меня. Я им не позволю.

Я должна жить.

Не успеваю я опомниться, как меня запикивают на заднее сиденье черной машины. Должно быть, я была настолько захвачена этим моментом из прошлого, что не обратила внимания на расстояние, которое он протащил меня. Громоздкий блондин отпускает меня и захлопывает дверь.

Мои пальцы дрожат, и остатки воспоминаний о том темном, тесном пространстве все еще бьются под моей кожей, как демон, собирающийся поднять свою уродливую голову. Обычно после таких эпизодов я выбегаю на открытое пространство и продолжаю бежать и бежать, пока воздух не обжигает легкие и не стирает изображение.

Не сейчас, правда.

Теперь мне нужно заставить свое тело быть на высоте, чтобы я могла выжить.

Выживание важнее всего. Важнее боли. Важнее психиатрических тюрем.

Важнее всего.

Я пытаюсь открыть дверь до того, как громоздкий блондин сядет за руль и отвезет меня Бог знает куда.

Но он не садится в машину.

Вместо этого он стоит перед ней спиной ко мне. К нему присоединяется еще один мужчина, и когда он поворачивается в сторону, я мельком вижу его

профиль. Он ниже ростом и выглядит моложе, чем громоздкий блондин. Его телосложение также более худощавое, и его пиджак не цепляется за плечи, как у более крупного мужчины. У него длинные каштановые волосы, собранные в низкий пучок, и кривой нос, который я наверняка видела раньше, но где?

Мгновение нерешительности исчезает, когда Кривой Нос и Громоздкий Блондин отворачиваются от меня.

Я дергаю за ручку, но дверь не открывается.

– Дерьмо.

Упираясь в нее ногой в носке, я толкаю, затем тяну, пока жар не поднимается по моим щекам. Я нажимаю кнопку, чтобы опустить стекло, но оно тоже заперто.

– Это бесполезно. Сэкономь свои усилия.

Я вздрагиваю, мои движения резко останавливаются. В моем адреналиновом тумане я не заметила, что кто-то еще был на заднем сиденье со мной.

Все еще сжимая ручку, я медленно поворачиваю голову, чертовски надеюсь, что то, что я только что услышала, было игрой моего воображения.

Что я так долго думала о нем, что у меня начались галлюцинации.

Нет.

Мои губы приоткрываются, когда я смотрю в эти напряженные серые глаза из сегодняшнего дня. Они кажутся темнее, более затененными, как будто ночь наложила на них заклятие.

Я прекращаю зрительный контакт, как только делаю это, потому что, если я буду продолжать смотреть, моя кожа будет ползти, моя голова закружится, и я буду чувствовать, как меня вырвет мой пустой желудок.

Упираясь ногой в дверь, я изо всех сил тяну и толкаю ручку. Сначала я подумала, что этот громоздкий человек может быть из полиции и что он арестует меня за убийство Ричарда, но этот русский незнакомец никак не может быть полицейским.

Он на него не похож.

Может быть, он все-таки шпион. Это кажется странно похожим на начало какого-то шпионского фильма о неудачнике – обо мне – которого завербуют для секретной работы в разведывательном агентстве.

Когда все эти толчки и рывки не приносят мне никаких результатов, я толкаю локтем стекло. Боль пронзает всю мою руку, но я не остановлюсь, пока не выберусь отсюда.

Мне начинает казаться, что это проклятая закрытая коробка. Мне нужно выйти.

Я собиралась ударить стекло кулаком, когда голос незнакомца наполняет воздух, – Оно пуленепробиваемое, так ты только навредишь себе.

Моя рука безвольно лежит рядом. Я могу пожертвовать болью, но я не буду делать этого без результата.

– Ты закончила? – спрашивает он спокойным, почти безмятежным тоном – совсем как королевская особа. Голос у него бархатистый, гладкий, как шелк, но все равно глубокий и мужественный.

Я не смотрю на него и вместо этого бросаюсь на переднее сиденье. Если я смогу открыть дверь или вылезти в окно, я побегу и...

Сильные руки хватают меня за бедра и с легкостью дергают назад. Теперь я так близко к нему, что его бедро касается моего.

Я жду, что он отпустит меня теперь, когда я рядом, но он этого не делает. Во всяком случае, его хватка сжимает мои бедра, и несмотря на то, что я одета в несколько слоев одежды, я чувствую контролирующее тепло в его руках. Это отличается от жары в машине. Это горит, разрывая дыры в моей одежде и целясь в мою кожу.

Так близко, я чувствую его запах – или, скорее, я вынуждена вдыхать его с каждым вдохом. Его запах – смесь кожи и дерева. Силы и таинственности.

Он говорит мне прямо в ухо, его тон падает в пределах слышимости с целью закрепить слова в моих костях:

– Бесплезно бороться со мной, потому что ты только пострадаешь. Ты не на моем уровне, так что не доставляй мне неприятностей, иначе я без

колебаний брошу тебя на съедение волкам. Я протягиваю тебе руку, так что будь любезна, поблагодари свою счастливую звезду и прими ее, не задавая никаких гребаных вопросов.

Мои губы были сухими все время, пока он говорил. Он явно угрожает, но звучит как спокойный адвокат, представляющий дело перед судьей.

У него особая манера говорить. Его слова обдуманно, уверенно и имеют командный оттенок, не слишком бросаясь в глаза.

– Чего ты хочешь от меня? – Мне хочется пнуть себя за этот тихий голос. Голос у меня почти испуганный. Забудьте. Я *определенно* говорю испуганно, потому что, черт возьми, это так. Я только сегодня познакомилась с этим человеком, и за несколько часов моя жизнь перевернулась с ног на голову.

До сих пор моей единственной целью было жить, но даже это сейчас кажется невозможным.

– У меня есть к тебе предложение, Уинтер.

Откуда ты знаешь мое имя? Я хочу спросить об этом, но это бесполезно. Он похож на человека, который знает все, что ему нужно.

– Какое предложение?

Его губы касаются раковины моего уха, когда он шепчет.

– Будь моей женой.

Глава 5

Уинтер

Моя мама говорила, что лучший способ обезоружить человека – это сказать ему то, чего он меньше всего ожидает.

Не знаю, что я ожидала услышать от русского незнакомца, но «Будь моей женой», конечно, было не то.

Несколько секунд я тупо смотрю на него, находясь в состоянии шока, от которого не могу избавиться. Он остается спокойным и собранным

С тех пор как я встретила его сегодня днем, он был крепок, как дуб, и неподвижен, как статуя. Теперь я понимаю, почему мне хотелось, чтобы он улыбнулся раньше, почему я ждала этого, затаив дыхание. Это немного очеловечило бы его, и я отчаянно и иррационально искала какую-то человеческую черту в его роботизированных чертах.

Но сейчас? Он кажется какой-то силой. Током. Тиранией, которая вот-вот сметет все на своем пути, прежде чем сменить полосу движения на что-то другое.

Будь моей женой.

Его слова, хотя и произнесенные спокойно, взрываются в моей голове, как фейерверки четвертого июля. Они такие громкие, что топят мои собственные мысли в паутине небытия. Они заперты где-то за пределами досягаемости, в этом крошечном черном ящике, который вызывает дрожь всякий раз, когда я думаю об этом.

Самая правильная реакция на его нелепое предложение – рассмеяться. Но у меня нет для этого чувства юмора. И я подозреваю, что ему не понравится, если я вдруг расхохочусь перед ним.

Он так серьезен, что это запечатлелось в его чертах, манерах и даже в том, как он говорит – как будто он никогда в жизни не улыбался.

Как будто улыбка была бы для него оскорбительной.

Он и люди снаружи ненормальны. Я вижу это и без того, чтобы узнать, кто они на самом деле. Это можно попробовать в воздухе. Он мгновенно сместился, как только они вошли в кадр.

С опасными людьми нужно обращаться осторожно, а не силой, потому что второй вариант только навредит мне.

– Быть твоей женой? – повторяю я тихим голосом, но в нем сквозит недоверие.

Русский незнакомец отпускает мои бедра, и я перемещаюсь на другую сторону машины, стараясь держаться как можно дальше.

Отсутствие его прикосновений – это как потеря тепла посреди ледяной бури. Но я скорее замерзну, чем буду сожжена им до смерти.

– Правильно. – Он сцепляет пальцы на коленях. Они длинные и ухоженные, и я не могу не смотреть на обручальное кольцо на его левой руке.

– Ты уже женат.

Его взгляд скользит к кольцу, как будто он забыл, что оно было там все это время. Его густые черные ресницы обрамляют глаза, пока он изучает его. У него странное выражение лица. Когда кто-то думает о своем супруге, он обычно либо смягчается от обожания, либо мрачнеет от печали или отчаяния.

Он не делает ни того, ни другого.

Его губы складываются в линию, что предполагает, что он хочет задушить кольцо и того, кто надел его на палец.

Прежде чем я успеваю прочесть его реакцию, его внимание скользит от руки ко мне, и эмоции, которые я видела в его стальных глазах, исчезают, как будто их никогда и не было.

– Ты будешь притворяться моей женой.

– Притворяться? – Не знаю, почему я продолжаю задавать ему эти вопросы, развлекая его, но ситуация настолько сюрреалистична, что кажется, будто меня втянули в одну из этих рождественских сказок.

– Моя жена умерла несколько недель назад, и никто больше не может выполнять ее обязанности, так что ты будешь ее заменой.

– Ох. – Я не хочу произносить это вслух, но оно все равно вырывается.

Я смотрю на него с другой точки зрения. На его прямую, уверенную осанку, на его выбор темного гардероба, на его черные волосы и густую щетину, на тени, вызванные его скулами. И, наконец, на тусклость в его серых глазах, словно вырезанных из мрачного Нью-Йоркского неба.

Чувствовала ли я себя неловко рядом с ним из-за этой негативной энергии, которую он излучает? Теперь, когда я узнала, что причиной этой энергии является недавняя смерть его жены, я не знаю, как себя чувствовать.

Тем не менее, беспокойство скрывается под моей кожей, как свернувшийся кровеносный сосуд, блокируя нормальный приток кислорода к моему сердцу.

Его руки, хотя и покоятся на коленях, ощущаются так, будто они упираются в мою душу, давят и пытаются прорваться.

Это... опасно. Даже страшно.

Я могла бы оказаться на улице, но мои инстинкты не пострадали, и они, по крайней мере, могут распознать опасность.

Этот человек и есть ее определение.

Его приятная внешность, сильное телосложение и непринужденная уверенность не обманывают меня. Во всяком случае, я рассматриваю их как его орудия разрушения.

– Мне жаль Вашу жену. – говорю я как можно спокойнее. – Но я ничем не могу помочь.

– Мне не нужны твоя неискренняя жалость. Просто делай, что тебе говорят.

– Ты что, не слышал, что я сказала? Я не могу быть твоей женой.

– Да, ты можешь. На самом деле, ты единственная, кто способен соответствовать этой роли.

– Единственная? Ты меня *видел*?

Он постукивает пальцами по бедрам, пока его взгляд скользит от моего лица к торсу и вниз к ноге, на которой не хватает обуви. Это я спросила, видел

ли он меня, но теперь, когда я попала под его пристальный взгляд, чувство неполноценности после сегодняшнего дня снова охватывает меня.

Он, должно быть, видит монстра, причем вонючего, и хотя я редко стесняюсь своего образа жизни, сейчас я это делаю. Неприятное ощущение врезается в меня с такой силой, что у меня перехватывает дыхание.

Я начинаю извиваться, но останавливаюсь.

– Я вижу тебя. – говорит он медленно, как будто за этими словами скрывается другой смысл. Постукивание его пальцев прекращается. – Четко.

– Тогда... ты должен понять, что я не гожусь в жены никому.

Не говоря уже о нем.

Он лезет в карман пиджака, и я ожидаю, что он вытащит пистолет и выстрелит мне в лицо за то, что я зря трачу его время. Тем не менее, он достает черный кожаный бумажник, открывает его и вытаскивает фотографию.

Легкий вздох слетает с моих губ, когда я смотрю на женщину на ней. Это ее снимок в свадебном платье. Ее темно-каштановые волосы собраны в элегантный пучок, открывающий нежную шею. Вырез платья спадает с ее плеч, подчеркивая их изгибы и ключицы.

Нос у нее миниатюрный, а контур лица четко очерчен, оставаясь при этом мягким. Легкий макияж покрывает ее светлую кожу, усиливая ее спокойную красоту. Ее полные губы выкрашены в телесный цвет, и тени для век такого же оттенка.

Ее глаза бирюзового цвета, такие голубые, как будто она заглядывает мне в душу и ждет, когда она ответит ей.

Легкая улыбка растягивает ее губы. Она загадочная, как будто не хочет улыбаться, или, возможно, у нее есть другая цель.

Но ее красота и элегантность – не причина моих дрожащих пальцев.

Это *всё* она.

Я смотрю на темноволосую, чистую и ухоженную версию себя. Я едва помню, когда в последний раз была такой же чистой, как она, но я помню свое

отражение в зеркале в больнице несколько недель назад, и я определенно выглядела как эта женщина, только со светлыми волосами.

– Вот почему это должна быть ты.

Я вздрагиваю от голоса незнакомца. Пока я была погружена в фотографию его жены, я почти забыла, что он был здесь все это время.

– Но как...?

– Как? – повторяет он, слегка нахмутив брови.

– Как это возможно? Я была единственным ребенком в семье, так что она... – Я бросаю на нее еще один взгляд. – Она не может быть моей сестрой или близнецом.

– Она не родственница тебе по крови.

– Тогда... как ты объяснишь это сходство? – Страшное, к тому же. У нее даже мой долбанный цвет глаз, который я всегда считала чертовски редким.

– Ты веришь в доппельгангеров (прим. пер. в литературе эпохи романтизма двойник человека, появляющийся как тёмная сторона личности или антитеза ангелу-хранителю), Уинтер?

– Доппельгангеры? – Я усмехаюсь. – Ты что, шутишь?

– Разве я похож на тех, кто шутит? – Властность в его тоне заставляет меня приклеиться к закрытой дверце машины. Дерьмо. Он действительно ужасен.

– Н-нет.

– Правильно.

– Ты хочешь сказать, что мы с ней доппельгангеры? Как это возможно?

– Это встречается чаще, чем ты думаешь.

– Я все еще... не верю в это.

– Не имеет значения, во что ты веришь. Это уже происходит.

– Уже происходит?

– Да. Ты будешь моей женой.

– Нет. Я на это не соглашалась.

– Не соглашалась на это, – задумчиво произносит он, как будто мои слова звучат комично. – Ты веришь, что у тебя есть такая возможность? Кем, черт возьми, ты себя возомнила?

Я медленно продвигаюсь к двери, пока ручка не впивается мне в бок.

– Я свободный человек.

– Свободный? Как ты определяешь свободу? Спя в гаражах и выпрашивая еду?

– То, как я живу, тебя не касается.

– Не смей больше со мной разговаривать, иначе тебе не понравится моя реакция. – Он так спокойно произносит свою угрозу, но это не уменьшает ее воздействия. Хотела бы я стать одним целым с ковриком или дверью – я не привередлива.

Он смотрит на меня слишком долго, чтобы убедиться, что его слова попали в цель, прежде чем продолжить:

– У тебя будет крыша над головой, теплая постель и горячая еда весь день.

Картина, которую он рисует, искушающая, но *он* не такой. Он далеко не соблазнитель. Он такой страшный, что даже сидя рядом с ним, я чувствую тревогу. Я чувствую, что мне нужно быть в режиме «дерись или беги» рядом с ним. На самом деле, мне придется выбрать вариант «беги», потому что вариант боя определенно убьет меня.

Так что, хотя я действительно хочу все, что он перечислил, их цена – быть с ним – не та, которую я могу позволить себе заплатить.

Мне нужно найти выход.

– Если ты все еще не уверена, хорошо.

Я вскидываю голову, чтобы встретиться с его пустым взглядом.

– Ты меня отпускаешь?

– Если хочешь.

Я прищуриваюсь.

– Неужели?

– Да, но в нескольких кварталах отсюда дежурит полиция. Как только ты выйдешь из машины, тебя арестуют за убийство Ричарда Грина.

Я задыхаюсь. Как... откуда, черт возьми, он знает об этом?

– Я запретил полиции и СМИ разглашать твоё имя и фотографию, но если ты предпочитаешь жить на улице, то не возражаешь против тюрьмы. Ты должна поблагодарить меня, правда. Там, по крайней мере, кормят.

Я чувствую, как машина приближается ко мне, её сиденья превращаются в щупальца осьминога, чтобы задушить меня.

Он спланировал все – от убийства до полиции и того, что они никогда не упоминали обо мне никаких подробностей. Но он разыгрывал свои карты, одну за другой, методично, как психопат. С самого начала он не собирался давать мне выбора. Он пришел сюда с целью сделать меня своей женой, и я ничего не могу сделать, чтобы избежать этой участи.

– Почему... – Я сглатываю слезы и ком в горле. – Почему ты не использовал эту угрозу с самого начала? Почему ты дал мне надежду, что я смогу отказаться от этого?

– В мои намерения не входило давать тебе надежду. И ты не могла мне отказать, Уинтер. Ты – никто. Вредитель, которого все топчут, не глядя дважды. Безымянное, забывчивое лицо, которое никто не помнит. Будь благодарна, что я делаю тебе это предложение. Скажи спасибо и иди с этим.

Я поднимаю руку и бью его по лицу так сильно, что боль обжигает мою ладонь и стреляет вниз по руке.

Станный тип гнева охватил меня при его словах, и мне нужно было как-то облегчить это. Это единственное решение, которое пришло мне в голову.

То, которое, как я теперь понимаю, может стоить мне жизни.

Глаза незнакомца темнеют, под щетинистой челюстью тикает мускул.

Я полностью ожидаю, что он ударит меня в ответ, и сжимаю дрожащие губы, готовясь к удару.

Однако его рука обхватывает мой затылок, и он тянет меня так, что мое лицо оказывается всего в нескольких дюймах от его.

– Последний человек, который осмелился прикоснуться ко мне, теперь похоронен на глубине шести футов.

Я сглатываю комок в горле. Одни его слова душат меня и роют мне могилу. Я бы предпочла, чтобы он ударил меня.

– Это первый и последний раз, когда ты это делаешь. Повторишь это, и тебя ждет худшая участь, чем быть похороненной в могиле.

Он отпустил меня, и я, спотыкаясь, попятилась к двери, мое сердце билось так громко, что я слышала звон в ушах.

– Что ты собираешься со мной делать? – Мой голос тихий, испуганный.

– Все, что пожелаю.

Мои зубы стучат по другой причине, чем холодная погода, но я не могу сопротивляться дикой потребности задать вопрос.

– Ты собираешься причинить мне боль?

Его внимание приковано ко мне, глаза становятся пепельными, пустыми.

– Зависит от обстоятельств.

– От чего?

– От того, умеешь ты выполнять приказы или нет.

Я смотрю на него, делая еще один глоток. Я не умею, правда, не умею. Но мне нужно начать, потому что я не хочу давать этому человеку повод причинить мне боль.

Не то чтобы он был ему нужен.

– Ты приведешь себя в порядок, прежде чем придешь ко мне. – Он бросает на меня снисходительный взгляд, подтверждая тот факт, что действительно считает меня вредителем.

– Когда это будет?

– Сейчас.

– С-сейчас?

– У тебя есть возражения?

Я отрицательно качаю головой. Я хочу снова увидеть Ларри, но это, вероятно, подвергнет его опасности с этими людьми, поэтому я решаю не делать этого. У меня будет возможность навестить его, когда я стану... кем-то другим.

Это осознание поражает меня глубже, чем я ожидала.

Я буду жить как кто-то другой.

Я больше не буду Уинтер Кавано.

Мои мысли укрепляются, когда русский говорит.

– Отныне ты – Лия Волкова. Жена Адриана Волкова.

Глава 6

Адриан

Я никогда не верил во вторые шансы.

Вера в то, что кто-то может измениться, – это принятие желаемого за действительное в девяноста девяти процентах случаев. Это пустая трата времени и энергии.

Однако всегда есть этот надоедливый один процент. Аномалия.

Отклонение человеческого поведения.

Тот факт, что почти невозможно предсказать или поймать такой момент, делает его особенным. Даже желательным.

Это грех, ожидающий своего совершения.

Нетронутая роза, которую вот-вот сорвут, чтобы она завяла в месте, далеком от ее естественной среды обитания.

И даже этому одному проценту нельзя доверять. Дело не в том, что люди меняются по собственной воле. Их вынуждают к этому внешние усилия, обстоятельства и трагедии.

В каком-то смысле второго шанса на самом деле не существует. Это миф, рассказываемый время от времени, чтобы успокоить эмоционально хрупких людей, чтобы они могли с нетерпением ждать новых дней, а не впадать в депрессию.

Однако рано или поздно они осознают, что таких вещей не существует, и впадают в более глубокую депрессию, которая в конечном итоге приведет их к гибели.

Я не верю в мифы. Я человек фактов. Я могу исказить их в свою пользу, я могу использовать искаженную версию, чтобы достичь определенного конца, но я не гоняюсь за иллюзиями.

И все же есть исключение.

Иллюзия, которую я буду преследовать.

Женщина, сидящая рядом со мной на заднем сиденье моей машины, сама миф.

Доппельгангер.

– Ты веришь в доппельгангеров? – спросила меня однажды Лия, когда мы сели завтракать.

Я подняла бровь. – Доппельгангеров?

– Не смотри на меня так. Они существуют! Говорят, что у каждого есть сорок человек, которые выглядят точно так же, как они. Они разбросаны во времени и пространстве, поэтому крайне редко можно найти своего двойника в одном и том же месте и в одно и то же время.

– Прелестно.

Она прищурилась.

– Ты мне не веришь.

– Я только сказал «прелестно».

– Ты говоришь с сарказмом.

– Я?

– Да, ты, Адриан!

– Хм. Как ты можешь быть так уверена?

– Дело не в этом.

– А в чем тогда?

– Представь себе, что мой доппельгангер сейчас где-то в мире. – Она мягко улыбнулась мне. – Если бы ты ее увидел, то не смог бы нас различить.

– Это невозможно.

– Вполне возможно. Надеюсь, это случится с тобой.

– Похоже, именно ты намерена встретиться с ней. Почему ты не хочешь этого?

– Нет, Адриан! Мы не можем встретиться с нашими доппельгангерами. Первый, кто увидит другого, умрет. – испуганно прошептала она последние слова.

Первый, кто увидит другого, умрет.

Именно это и произошло. Лия увидела эту бездомную и просто исчезла, как будто ее никогда и не было.

Когда вы не верите во что-то, и это в конечном итоге происходит, вы обвиняете это что-то, потому что вы не можете просто начать верить в то, чего у вас никогда не было.

Эта женщина – что-то такое.

Это она убрала Лию и думала, что сможет прожить свою жизнь на грязных улицах без последствий.

Она смотрит в окно, когда мой старший охранник Коля ведет машину по оживленным улицам. Другой мой ближайший охранник, Ян, сидит на пассажирском сиденье, не сводя глаз с дороги, его рука близко к пистолету на поясе. Это сильные, верные и молчаливые люди, которые говорят больше действиями, чем словами. Именно так, как я предпочитаю.

Уинтер обеими руками сжимает дверную ручку. Это не может быть из-за того, что Коля ведет машину, потому что поездка спокойная. Это не может быть из-за того, что она загнипнотизирована ночным видом Нью-Йорка, потому что ее глаза расфокусированы.

Это почти, как если бы она фантазировала о том, чтобы открыть дверь и выпрыгнуть, пока автомобиль мчится по дороге.

Она немного непредсказуема, так что я бы не стал оставлять это без внимания. Я до сих пор чувствую жжение от ее пощечины на своей коже, и часть меня требует, чтобы я наказал ее за это оскорбление.

Но со временем все будет хорошо.

Оставшуюся часть пути она не смотрит на меня, вероятно, боясь, что я буду действовать по своим прежним угрозам. Временами она умна, но в других случаях ведет себя глупо. Она все еще не знает, кто я и чем занимаюсь, но уже поняла, что я не тот человек, с которым она может себе позволить связываться. И для этого все ее стены обмотаны проволоками.

Чего она не понимает, так это того, что я могу и буду разрушать эти стены, пока не получу то, чего хочу.

Если я чему-то и научился у своих поганых родителей, так это быть как река с сильным течением. Мало того, что другие дважды подумают, прежде чем перейти мне дорогу, но я также уберу все на своем пути, будь то друзья, враги или она.

Мы подъезжаем к одному из наших торговых центров в центре города. Он принадлежит легальной стороне Братвы, «V Corp», компании, которым в настоящее время управляет внучатая племянница Пахана, Рай.

Я не прошел через нее, чтобы прийти сюда, потому что никто не должен знать об этом.

Коля и Ян выходят первыми и стоят на страже у машины, отвернувшись от меня. Уинтер смотрит на меня из-под ресниц, молча спрашивая, что мы здесь делаем.

– Сними пальто – говорю я ей.

– Зачем?

– Перестань спрашивать и делай, что тебе говорят.

Я вижу искру бунта в ее глазах цвета морской волны, потребность снова задать мне вопрос. Я жду этого момента, намереваясь раздавить его раз и навсегда, но она моргает, подавляя это желание, и выбирает свои битвы.

Она расстегивает пальто и расстегивает молнию, прежде чем снять его и положить на колени. Я вытаскиваю эту вещь из-под ее пальцев и выбрасываю в окно. Коля ловит его и идет с ним к мусорному ведру.

Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами, как будто я убил ее любимого щенка.

– Зачем ты это сделал?

– Оно воняет и делает тебя похожей на нищенку.

– Я гребаная нищенка. – огрызается она, а затем сжимает губы, когда понимает свою ошибку.

– Что я говорил насчет того, чтобы отвечать? Ты хочешь провести несколько лет в тюрьме?

– Н-нет.

– А похоже на то.

– Извини. Окей?

Мне не нравится тон, которым она со мной разговаривает. Это совсем не похоже на извинение. Во всяком случае, это немного саркастично. Эта женщина сильно отличается от моей Лии.

Решив пока оставить все как есть, я изучаю ее, постукивая пальцами по бедру. Она одета в мешковатые джинсы и уродливый полосатый свитер, который поглощает ее крошечную фигуру, делая ее похожей на бежавшего подростка. Но ее одежда не воняет так, как моча и рвота – запах от ее пальто.

Но пахнет чем-то еще.

– Сними перчатки.

На этот раз она не спрашивает зачем, и делает то, что ей говорят. Я тоже выбрасываю их в окно. Черные полосы грязи укрылись под ее обкусанными ногтями, а несколько красных волдырей покрыли ее пальцы из-за холода.

Я протягиваю руку к пульту рядом с водительским сиденьем и достаю несколько влажных салфеток. Она напрягается, когда я беру ее руки в свои, ее зрачки расширяются, когда я вытираю их. Они такие же хрупкие и маленькие, как у Лии, и бледные, почти до тошноты. Только красные волдыри и зеленые вены, выглядывающие из-под ее кожи, показывают отличие цвета.

Сунув руку в карман, я достаю обручальное кольцо жены и надеваю его ей на палец. Выражение ее лица расширяется, она напрягается, но, к счастью, держит рот на замке.

Вместо того чтобы попросить ее снять шапку, я делаю это сам. Она остается неподвижной, когда ее сальные светлые – или полусветлые – волосы падают на плечи. После того, как я выбрасываю грязный клочок меха в окно, чтобы присоединиться к другому мусору, я использую влажные салфетки, чтобы очистить ее лицо.

Она пытается сделать это сама, но один мой взгляд заставляет ее опустить руки на колени. Я провожу салфеткой по ее лбу, мягким очертаниям щек и горбинке носа. Когда я подхожу к ее потрескавшимся губам, они слегка

приоткрываются. Я пытаюсь встретиться с ней взглядом, чтобы понять, о чем она думает, но она смотрит на свои руки, безвольно лежащие на коленях.

Когда мой большой палец останавливается на ее нижней губе, темное желание охватывает меня, и я испытываю искушение прикусить ее и насладиться потрескавшейся поверхностью. Посмотреть, закричит ли она.

Словно почувствовав мои мысли, Уинтер дрожит, но совсем не от желания.

Страх. Грубый, сильный страх.

Я отпускаю ее, и она откидывается на кожаное сиденье.

Открыв дверцу машины, я выхожу и глубоко вдыхаю ночной воздух. Я подхожу к ее стороне и открываю дверь.

– Выходи.

Она делает это осторожно и тут же дрожит, обхватив себя руками. Когда я снимаю пальто и накидываю его на нее, она смотрит на меня со странным выражением, которое говорит, что она никак не ожидала, что кто-то вроде меня сделает это.

Коля сбрасывает куртку и протягивает мне, но я отрицательно качаю головой. Мне не холодно. Во всяком случае, сегодня мне было жарче, чем обычно.

– Иди за мной. – говорю я, и она начинает ковылять.

Когда я оборачиваюсь, чтобы осмотреть проблему, она останавливается, ее нога в носке покоится на другой.

Я обнимаю ее за спину, поднимаю под колени и несу в свадебном стиле. Она слишком худая и костлявая, это должно быть преступлением.

Она напрягается, хотя ее пальцы сжимают мою рубашку.

– Я могу идти сама.

– У тебя не хватает башмака.

– Я справлюсь.

– Или ты можешь сидеть спокойно.

– Ты... – Она откашливается и, словно не желая, чтобы Коля и Ян, которые следуют по пятам, услышали, шепчет. – Ты сказал, что от меня пахнет.

– Позволь мне побеспокоиться об этом.

Она открывает рот, чтобы возразить, но, кажется, передумывает и закрывает его.

Как только мы входим в один из универмагов и заходим в один из лифтов, я нажимаю кнопку, и мы вчетвером поднимаемся на десятый этаж. Торговый центр закрыт, но менеджер задержался по моей просьбе.

Как только двери открываются, нас встречают она и трое ее самых доверенных работников, которых Коля заставил подписать соглашение о неразглашении кровью, прежде чем мы отправились за Уинтер. Менеджер, женщина лет пятидесяти, с нарисованной улыбкой на губах, кивает при нашем появлении.

Уинтер не замечает этого жеста, потому что полностью очарована открывающимся перед нами видом – дизайнерской одеждой, висящей под ярким белым светом, роскошными зонами отдыха и высококлассным декором.

Ее ногти впиваются в мою рубашку, как будто она считает это место угрозой. Однако она тоже считает меня угрозой, так что этот жест ничего не значит.

Я поставил ее на ноги, и она пошатнулась, прежде чем встать. Когда ее огромные глаза осматривают все вокруг, она заметно съеживается от грандиозности происходящего. Ей требуется около минуты, прежде чем она, наконец, смотрит на менеджера, принимая ее улыбку кивком.

– Я хочу, чтобы она была как новенькая. – говорю я.

Уинтер морщит нос от моих слов, но не протестует, как я ожидаю.

– Да, сэр, – отвечает мне менеджер и снова улыбается Уинтер. – Пожалуйста, следуйте за мной.

Уинтер поднимает нос, затем делает, как ей говорят.

Мой взгляд следует за ней, ковыляющей на одной туфле, пока она не исчезает за углом, но мое внимание остается на пустом месте, которое она оставила позади на секунду слишком долго.

Откашливание вырывает меня из этого мгновения.

– Вы останетесь здесь, сэр? – спрашивает Коля по-русски. – Ян или я можем отвезти ее обратно.

– Все в порядке.

Я сажусь на красный кожаный диван и достаю телефон. Коля и Ян стоят по обе стороны от меня, скрестив руки. Ян, в частности, не является поклонником того, что я решил, и его хмурые черты – которые соперничают с бесстрастными чертами Коли – были постоянными в течение всей поездки.

– Расслабьтесь, ладно? – Я говорю по-русски.

Каждый из них расширяет свою позицию, но не меняет ее. Они могут быть двумя моими ближайшими охранниками, но они так же отличаются друг от друга, как день и ночь. Коля, мой ровесник, более дипломатичен – болтун, умиротворитель, который может все время носить с собой бомбу, а может и не носить на случай, если эти методы умиротворения не сработают.

Ян моложе, более безрассуден, меньше мыслитель и больше мускулистый человек, который всегда готов свернуть кому-то шею и ампутировать чужую руку одновременно. Его характер очевиден в его волосах, которые он держит длинными, хотя каждый из моих других мужчин не упускает пошутить об этом. Он почти не обращает на них внимания, потому что он также вспыльчив и уже имеет удары против них, на которые ему придется ответить.

Они были со мной с самого детства. Но мы с Колей в основном воспитывали Яна. Отец готовил их к тому, чтобы они стали моим внутренним кругом. На самом деле он привел их только для того, чтобы шпионить за мной, но все давно изменилось.

Мышцы Коли напрягаются, когда он достает телефон. Ян всегда называл его горой из-за его телосложения и характера. Мой младший охранник

худощав, что делает его быстрее, но он все еще завидует, что никакие тренировки не могут сделать его таким же большим, как Коля.

Мой заместитель кладет телефон в карман.

– Игорь пытался связаться с вами, сэр.

– Игнорируй его.

– Михаил тоже.

– Не обращай на него внимания. Если только это не *Пахан*, мне не перед кем отвечать.

Он коротко кивает, пока я просматриваю свои электронные письма. Я периодически меняю свой номер телефона, и с тех пор, как я недавно это сделал, элитная группа Братвы прослушивает Колю от моего имени.

Мое положение в Братве достаточно высоко, чтобы мне сходило с рук неуважение к другим лидерам. Бригадиров четыре головы, из них двое – Игорь и Михаил. Я – *общак*, что означает, что единственный человек, перед которым я отчитываюсь, – это сам *Пахан*.

Единственный другой член на моем уровне – *советник* Владимир, но он не требователен. Мы существуем для Братвы так же, как существовали последние двадцать лет, с тех пор как Николай официально завербовал нас в пятнадцать лет. Или, скорее, Владимира завербовали. Я родился в этом мире. Но даже при том, что мой отец был каким-то дворянином в Братве, мне пришлось приложить дополнительные усилия, чтобы добраться туда, где я сейчас. Я даже превзошел его по званию и продолжаю это делать.

Другие думают, что я делаю это ради семейной чести, в то время как на самом деле я заинтересован в уничтожении всего, что сделал мой отец. Если я подавлю его, никто не заговорит о нем.

Мой сеанс чтения электронных писем прерывается миганием номера на экране. Я не сохраняю имена на своем телефоне, хотя он зашифрован, и я могу практически уничтожить его в тот момент, когда он будет украден.

Одно из преимуществ тирании моих родителей состоит в том, что они научили меня всегда быть наготове. Никогда не принимайте ничего и никого как должное.

Поэтому, узнав цифры на экране, я смотрю на Колю.

– С каких это пор у Кирилла мой новый номер?

Он хмурится.

– Понятия не имею, сэр.

Я подумываю проигнорировать его, как и двух других бригадиров, но Кирилл не звонит, чтобы поболтать.

– Волков, – отвечаю я.

– Морозов, – передразнивает он мой замкнутый тон.

– Чего ты хочешь, Кирилл? – Я говорю по-русски.

– Значит ли это, что я не могу проверить тебя после твоего отсутствия на собрании Братвы? – спрашивает он на том же языке.

– Я вешаю трубку.

– Иисус Христос. Расслабься немного.

– Я расслаблюсь после смерти.

– Сомневаюсь.

– Ты что-то имеешь в виду, Кирилл? Потому что ты просто потратил впустую время, которое я мог бы использовать, чтобы выяснить лучший инвестиционный маршрут для «V Corp» в ближайшие месяцы.

– Я жду прибытия груза, так что ты не единственный, кто занят, придурок.

– Тебе нужна помощь с таможней?

– Об этом уже позаботились. Не это причина моего звонка.

– Тогда что же?

– Информация и слухи, которых, как мне казалось, тебе следует опасаться. С чего мне начать?

Кирилл не из тех, кто предлагает что-то по доброте душевной. Он хитер и дает только тогда, когда знает, что может взять вдвое больше. Если я получу

от него что-нибудь сейчас, он без колебаний попросит меня о чем-нибудь в будущем. Я мог бы повесить трубку и не обращать на него внимания, но у него есть свои способы узнавать важные детали, которые даже я не могу уловить.

Разница, между нами, в том, что я стратегически методичен. Он стратег, но в хаотическом смысле. Он ждет, когда что-то произойдет, прежде чем отреагировать на это, что делает его абсолютным оппортунистом (прим. пер. человек, который следует своим интересам, в том числе обманным путём).

– Информация. – говорю я.

С его конца доносится шорох и отдаленная болтовня по-русски. Я представляю себе, как он и его люди ждут на холоде в укромном складе прибытия груза.

– Расследуется убийство Ричарда Грина.

– Ничего нового. Я знаю, что полиция сует нос не в свое дело.

– Это не полицейское расследование. Оно принадлежит Владимиру. Пахан приказал ему разобраться.

Я делаю паузу, пока до меня доходят его слова. Я ожидал, что Сергей попросит меня продолжить расследование, а не Владимира.

– Я знаю, о чем ты думаешь. – продолжает Кирилл. – У меня были те же мысли. Зачем спрашивать Владимира, если обычно этим занимаешься ты? К счастью для тебя, я быстро соображаю и придумал два возможных сценария. Хочешь послушать?

– Выкладывай. И перестань тратить мое время.

– Как я успеваю за тобой – загадка. Во всяком случае, вернемся к моим сценариям. Во-первых, Пахан не хочет отвлекать тебя от расширения нашего союза с итальянцами. Во-вторых. – он делает драматическую паузу. – Он подозревает тебя.

Я постукиваю пальцами по подлокотнику дивана, когда смысл его слов доходит до меня громко и ясно. Если Сергей подозревает меня, то и все остальные тоже. Поэтому я решаю проверить Кирилла.

– Почему он подозревает меня?

– Не знаю, позволь мне сделать дикое предположение. – он говорит медленно, слишком медленно, растягивая слова в провокационной манере. – Давай посмотрим. Мы все рассчитывали на то, что Ричард станет мэром, чтобы мы могли получить в свои руки легкие грузы, не угрожая Управлению по борьбе с наркотиками (УБН) на каждом шагу, но вдруг он мертв. Внезапно кандидат итальянцев оказался на пути к тому, чтобы стать мэром. Если бы я был Сергеем, то заподозрил бы того, кто дружит с итальянцами.

Имеет смысл. По крайней мере, никто из них не понял истинной причины.

– На твоём месте я бы показывался чаще. – продолжает Кирилл. – Твое отсутствие позволяет другим говорить только за твоей спиной.

– Другим? То есть ты не участвуешь в заговоре?

– За кого ты меня принимаешь? Я не кусаю руку, которая меня кормит. Иисусе.

– Вешаю трубку.

– Ты не собираешься спросить о слухах?

– Не интересуюсь слухами.

– Это касается твоей жены.

Мои пальцы перестают постукивать на секунду, прежде чем я продолжаю. Если я покажу Кириллу хоть каплю интереса, он вцепится в нее, как бешеный пес.

Он оппортунист, причем беспощадный.

– Все равно не интересуюсь. – голос у меня скучающий, даже для моих собственных ушей.

– Все равно слушай и отвечай «да» или «нет». – по мере того как он говорит, русские звуки становятся тише. – Михаил рассказал нам, что его жена видела, как Лия ночью одна входила в особняк Сергея. Некоторые говорят, что она предает тебя, рассказывая все твои секреты Сергею или Рай. Некоторые говорят, что у нее там роман с кем-то. Правда ли что-нибудь из этого?

Моя челюсть напрягается.

– Нет.

– Серьезно? – он растягивает слово.

– Ты думаешь, я позволил бы ей вздохнуть еще секунду, если бы это было так?

– Правильно. Ты бы не позволил. – Он замолкает, когда на другом конце провода раздаются какие-то звуки. – Мой груз уже здесь.

Гудок – единственное, что я слышу после того, как он вешает трубку.

Я убираю телефон от уха и сжимаю его до тех пор, пока костяшки пальцев не побелеют.

– Коля. Ян. Мне нужно, чтобы вы собрали все слухи, ходящие о Лие. Начните с копания в том, что говорит жена Михаила, и двигайтесь оттуда. Ни хрена не упускайте.

– Да, сэр. – говорит Коля.

Я пристально смотрю на Яна, когда не слышу его подтверждения.

– У тебя какие-то проблемы?

Он смотрит прямо на меня, его светлые глаза сталкиваются с моими.

– Помимо проблемы, которую вы создали, сэр?

– Ян! – Коля свирепо смотрит на него из-за его неподчиненного поведения.

Я отмахиваюсь от старшего охранника рукой.

– Пусть продолжает. Похоже, тебе есть что сказать. Давай послушаем, Ян.

Он даже не приглаживает свой взгляд.

– Это неправильно, и вы это знаете, сэр. Прекратите это безумие.

Коля бьет его кулаком в лицо.

– Заткнись.

Удар такой силы, что Ян отшатывается назад, сжимая челюсть и глядя на Колю с болью, смешанной со злостью. Он думает, что Коля ударил его, чтобы причинить боль, но Ян иногда бывает идиотом. Он не понимает, что

всегда такой дипломатичный Коля сошел с его пути и ударил его, потому что это уменьшит мою реакцию на его дерзость.

Но даже жест Коли не спасет Яна.

Я встаю, и мой заместитель пытается встать у меня на пути.

– Он не повторит этого, сэр.

– Хорошая попытка, Коля. – Я похлопываю его по руке, обхожу его и хватаю за плечо.

Мой охранник выпрямляется, на его щеке уже проступает красный синяк. Я говорю спокойно, не позволяя эмоциям взять надо мной верх, хотя у него есть много ударов, чтобы сосчитать.

– Чей ты охранник, Ян?

– Ваш.

– Правильно. Тогда почему ты ведешь себя, как будто это не так?

– Я не подразумевал этого.

– Как давно ты меня знаешь?

– С трех лет.

– Тебе сейчас двадцать пять, значит, двадцать два года. Это так долго, не правда ли?

– Да.

– Жаль было бы покончить с ними с отрубленной на хрен головой, – я хватаю его за затылок, заглядывая в глаза. – Мы с Колей вырастили тебя и сделали из тебя мужчину. Не заставляй меня сожалеть об этом.

– Но, босс...

– Заткнись на хрен, Ян, – скрипит рядом со мной Коля, и это умудряется заставить замолчать младшего охранника.

Я отпускаю Яна, а Коля хватает его за затылок и заставляет кивнуть в знак извинения.

Игнорируя его угрюмое присутствие, я сосредотачиваюсь на работе. Следующие два часа я провожу, открывая электронные письма и просматривая информацию, которую присылают мне хакеры. Некоторая из

них незначительна, но другая сохраняется до тех пор, пока я не смогу обеспечить их целостность.

Все это время мое внимание рассеяно тем, что сказал Кирилл. Хотя первая часть – то, что *Пахан* подозревает меня – должна привлечь мое внимание, именно вторая половина занимает мои мысли.

Долбаные слухи.

Я уничтожу их все до единого, пока правда не смешается с ложью. Я достаточно хорошо использую эту тактику, чтобы даже самые близкие мне люди были одурачены.

Как Ян.

Какое-то движение передо мной заставляет меня поднять голову.

– Она готова, сэр. – Управляющая улыбается с такой гордостью, словно из гадкого утенка сделала лебедя.

Но это не так. Она всегда была лебедем, только скрытым.

Уинтер выходит из-за спины управляющей и встает передо мной.

Как я и просил, у нее темно-каштановые волосы. Они собраны в пучок, и лицо у нее сияющее, хотя и немного худое.

Простое бежевое платье, достигающее ей до колен, облегает изгибы груди и бедер. Черные каблуки покрывают ее ноги. На ней тот же макияж, что и на свадебной фотографии, которую я показывал ей раньше.

Разница лишь в том, что она не улыбается.

Как будто она уже встала на место моей жены.

Как и следовало.

Уинтер больше не Уинтер. Она – Лия.

Она отняла жизнь у моей жены, и ее наказание – провести остаток жизни, заменяя Лию.

Я вытащу свою Лию из этой женщины, даже если это будет последнее, что я сделаю.

Глава 7

Уинтер

Я остаюсь неподвижной, как труп, под пристальным взглядом незнакомца.

Адриан. Незнакомца зовут Адриан Волков, и теперь я должна быть его женой.

Персонал отвел меня в специальный массажный кабинет, раздел и поместил в ванну с пеной, полную роз, аромат которых теперь исходит от меня. После того, как я была определением мусора, сейчас я чувствую себя розой, сорванной с поля.

И не в том смысле, что я уйду в лучшее место, а в том, что я, вероятно, увяну и погибну.

Девушки делали с моим телом все, что угодно. Они красили мне волосы, натирали воском, делали маникюр и макияж. Потом они одели меня в прямое коричневое платье, которое немного больше моего худого тела. Каблуки идеального размера, хотя они неудобные, и я едва могу стоять в них, не говоря уже о том, чтобы ходить.

Все это время, пока они поворачивали меня направо и налево, делали то одно, то другое, я чувствовала себя куклой. Тот тип, с которым играют и отбрасывают в сторону, как только веселье заканчивается. Я уже чувствовала, что теряю волю.

Я не хотела менять цвет волос. Как бы отвратительно это ни было, блондинка была тем, что я выбрала. Когда я сказала это, менеджер, представившаяся Эмили, сказала, что выполняет приказ господина Волкова, и никто из нас не имеет права голоса.

Я решила не усложнять ей работу, учитывая, что она и остальные ее сотрудники задержались допоздна только ради меня. Адриан может чувствовать себя нормально, делая это с другими людьми, но я не такая, как

он. Мне не нравится быть источником дискомфорта для других – это дерьмовый вариант.

Адриан все больше и больше похож на социопата, поэтому я сомневаюсь, что его волнует, кто может пострадать из-за его требований. Пока он получает то, что хочет, к черту всех остальных.

Поэтому, несмотря на то что Эмили и ее персонал были внимательны, у меня мурашки побежали по коже. Никакие ванны из роз или роскошная одежда не заставили бы меня чувствовать себя комфортно.

Как будто меня втолкнули в альтернативную реальность, и с сегодняшнего дня я живу в густом, темном воздухе. С тех пор, как я попала в ловушку его серых глаз. С тех самых пор, как я совершила ошибку, оказавшись в его пространстве. И теперь я начинаю думать, что найти выход будет невозможно.

Но даже если бы я это сделала, куда бы я отправилась? В тюрьму?

Конечно, дискомфорт от пребывания здесь лучше, чем тюрьма.

По крайней мере, мне хотелось бы в это верить.

В тот момент, когда я посмотрела в зеркало после того, как Эмили и другие закончили, я увидела отражение женщины на свадебной фотографии, которую Адриан показал мне.

Лия.

Я стала ею, и слезы чуть не скатились с моих глаз при этой мысли.

Есть ли что-нибудь более жестокое, чем стирание своей личности? Чем стереть сущность бытия, как будто ее никогда и не существовало?

Потому что именно это я чувствую сейчас, стоя перед ним. В его глазах я не Уинтер. Я уже Лия, и он намерен закрепить этот факт в моем костном мозге.

Он не сможет добиться успеха.

Меня зовут Уинтер Кавано, и я живу ради себя и своей маленькой девочки. Никто не сможет стереть эти факты из моей головы, даже такой страшный человек, как Адриан.

По обе стороны от него – Громоздкий Блондин и Кривоносый. Тот, что покрупнее, не смотрит на меня, но Кривоносый с секунду смотрит на меня, прежде чем переключить внимание на свои руки, сцепленные перед ним.

На щеке у него красный синяк, которого я раньше не заметила, и не знаю, почему мне не нравится его вид. Я не знаю этого человека, и я уверена, что, если бы его босс приказал ему казнить меня, он сделал бы это в мгновение ока.

Адриан встает, отвлекая меня от моих мыслей. Он высокий, темноволосый и красивый, когда сидит. Но когда он встает, возвышаясь над моим невысоким телом, я чувствую, как мне хочется выскочить из своей кожи.

Он показывает мне пальцем, чтобы я повернулась. Я так и делаю, мои щеки пылают от сдерживаемого гнева. Я знаю, он думает, что я принадлежу к низшему классу, но он действительно считает меня своим домашним животным или что-то в этом роде?

– Вам нравится, сэр? – с надеждой спрашивает Эмили, как будто его одобрение – это проклятие ее существования.

Он кивает, когда я останавливаюсь и смотрю на него. Эмили широко улыбается, как будто только что угодила королю джунглей, и он вознаградит ее.

– Вот ваше пальто, госпожа Волкова. – Она протягивает его мне, и я надеваю его, радуясь, что оно скрывает глубокий вырез платья без рукавов. Может, у меня и маленькая грудь, но ее очертания были заметны.

Адриан хватается меня за локоть и ведет к лифтам. Громоздкий Блондин и Кривоносый следуют за нами, но держатся на расстоянии. Эмили и остальные сотрудники стоят перед прозрачным стеклом лифта в знак уважения.

Адриан должен быть кем-то важным, если за ним повсюду следуют охрана и персонал, стоящий наготове, когда он уходит.

Я не думаю, что он шпион, но он кажется более опасным, чем простой бизнесмен. Я бросаю на него быстрый взгляд. Он все еще держит меня за локоть, его прикосновение мягкое, но твердое. Я знаю, потому что, когда я пытаюсь убрать руку, он крепче сжимает ее, запрещая любые движения.

Его послание ясно: я должна соглашаться со всем, что он пожелает. Я подписала ему свою судьбу в тот момент, когда он принудил меня к этому.

Или, может быть, это было, когда он впервые увидел меня и решил, что я буду его женой.

Когда именно это было? Когда он спас меня от проезжавшего мимо фургона? Или когда он попросил меня протереть лицо, как будто пятна на двойнике его жены оскорбили его? Или, может быть, он увидел меня в убежище и с тех пор преследует?

Все время, пока Эмили и другие превращали меня в Лию, я продолжала думать о том, как он нашел меня в гараже. Я не чувствовала, что кто-то идет за мной, и я остро ощущаю свое окружение, учитывая мой статус бездомной.

Бывшая бездомная теперь.

Любой из моих собратьев-бездомных почувствовал бы себя польщенным такой возможностью, но мой желудок скручивался в узел с тех пор, как Громоздкий Блондин схватил меня за капюшон и толкнул в сторону своего босса.

Когда мы выходим из лифта, Громоздкий Блондин спешит к машине и открывает заднюю дверь. И тут я замечаю, что на Адриане только рубашка и брюки.

– Твое пальто наверху. Может, сходим за ним?

– Нет.

– Но там же холодно.

Какое-то время он пристально смотрит на меня.

– Тебе тепло?

– Да, но я уже надела пальто.

– Тогда все в порядке. – Он кладет ладонь мне на поясницу, а другую руку кладет на крышу машины, чтобы я не ударилась головой, и усаживает меня внутрь.

Мои пальцы дрожат, и я сжимаю их на коленях, когда меня окружает запах кожи от сидений. Что это за чувство? Никто не должен быть таким благородным и в то же время пугающе опасным.

Но я должна помнить, что сейчас он меня не видит. Он видит *во мне* Лию. Я не знаю, почему это заставляет меня хотеть протянуть руку и... что? Убрать себя с ее кожи? Возможно ли это вообще?

Как только Адриан присоединяется ко мне, а охранники занимают свои места впереди, мой желудок урчит. Звук такой громкий, что Громоздкий Блондин и Кривоносый замирают.

Я поджимаю губы, но чувствую, как кровь приливает к щекам. Черт возьми. До этого момента я никогда не стеснялась своего голода.

Спокойный взгляд Адриана скользит ко мне, безразличный – даже скучающий. Я представляю его разозленным, но немедленно выкидываю эту мысль из головы. Он ужасен в своем спокойном состоянии, и я не хочу представлять, как он выглядит, когда злится.

– Что ты хочешь поесть? – спрашивает он.

– Я в порядке.

Он постукивает указательным пальцем по бедру, прежде чем остановиться.

– Ты явно голодна. Еда входит в сделку, и поэтому тебе не нужно стесняться просить ее.

Это одна из главных причин, по которой я согласилась на это в первую очередь.

– Все, что угодно. – Мой голос чуть выше шепота.

– Все, что угодно, – не еда. Выбери что-нибудь.

– Мне все равно, лишь бы это была... еда.

– А что, если я принесу тебе жареных тараканов?

Мой нос морщится, когда я смотрю на него.

Он приподнимает бровь в ответ на мою реакцию.

– Ты сказала что угодно.

– Только не это.

– Тогда уточни. Если ты не будешь выражать себя, то ничего от меня не получишь.

Он всегда так... бесит?

– Сэндвич, – огрызаюсь я и сжимаю губы, надеясь, что он не уловил этого.

Если ему не нравится мой тон, он ничего не говорит и вместо этого обращается к Кривоносому на иностранном языке, который, как я предполагаю, является русским.

Он выглядит немного по-другому, когда говорит на нем, но не совсем в лучшем смысле. Скорее авторитетным и не подлежащим обсуждению. Он также излучает эту атмосферу своим тонким русским акцентом, но на родном языке это звучит яснее. Хотя, может быть, потому что я не говорю на этом языке.

Кривоносый кивает и выходит. После десяти минут полной тишины он возвращается с пакетом еды. У меня слюнки текут от запаха горячего хлеба и свежих овощей. Жаль, что со мной нет Ларри, обычно он крадет для меня бутерброды, и я делюсь ими, но он всегда говорит, что сыт. Ему не нравится, что я ворую алкоголь, но он не против воровать еду. У этого старика извращенное чувство морали.

Однако ни один из бутербродов, которые он мне приносил, никогда не пах так божественно. Как будто прямо из духовки.

В животе снова урчит, и на этот раз я не пытаюсь это скрыть.

Кривоносый протягивает пакет Адриану, а не мне. Ни он, ни Громоздкий Блондин не смотрят в мою сторону.

Адриан открывает пакет и протягивает мне сэндвич. Я даже не останавливаюсь, чтобы посмотреть, что там внутри. Я вгрызаюсь прямо в него, заполняя рот одним махом. Он тает у меня на языке, и я не жую его как следует, прежде чем проглотить.

Я собираюсь откусить еще кусочек, когда его вырывают из моих пальцев.

– Ч-что ... – Я недоверчиво смотрю на преступника, Адриана, который схватил мой сэндвич. Пожалуйста, не говорите мне, что он купил мне еду только для того, чтобы забрать ее.

– Ешь помедленнее, а то у тебя будет несварение. – Он отрывает кусочек и кладет мне в рот. Я пытаюсь отнять его у него, но он качает головой.

Я действительно не забочусь о последствиях, пока ем прямо сейчас, поэтому я широко открываю рот и позволяю ему положить его мне в рот. Как только он оказывается внутри, я проглатываю его одним глотком.

– Медленнее, – повторяет он, на этот раз более твердо. – Сначала пожуй.

И тут я понимаю, что мы действительно движемся. Я была так сосредоточена на бутерброде, что потеряла всякое представление о том, что меня окружает.

Кроме Адриана.

Так или иначе, он присутствовал здесь с тех пор, как я впервые встретила его. Он – тихая сила, которая медленно вползает под мою кожу и заставляет меня задыхаться. В любом случае, он там, под моей кожей, и невозможно дышать, не ощущая его присутствия.

Странно думать, что я прожила двадцать семь лет и никогда не испытывала такого напряжения. Такая... грубая, тихая демонстрация силы.

Я всегда думала, что власть имущие обеспечивали грубыми методами, что они убивали или строили заговоры. Что они были громкими и выкрикивали приказы – как Ричард. Адриан – полная противоположность этому понятию – он молчалив, спокоен, но излучает такую грубую власть, что это даже страшнее, чем те, кто обладает громкой властью.

Когда Адриан дает мне еще один кусок сэндвича, я жую, позволяя пряному вкусу взорваться во рту. Это богатая и изысканная еда, и, возможно, это самая вкусная еда, которую я когда-либо пробовала ... когда-либо.

Я не протестую, когда он продолжает кормить меня, его пальцы касаются моих губ с каждым куском. У него действительно мужские пальцы – длинные, худые и достаточно мозолистые, чтобы вызвать странное ощущение, когда они встречаются с моей кожей, независимо от того, насколько короткий контакт.

Он терпелив, не пытается ускорить процесс, как будто у него есть все время в мире, чтобы накормить меня. Он бросает на меня неодобрительный взгляд, делая паузу, когда я недостаточно долго жую или, когда делаю это быстро, и это мой сигнал замедлить ход, иначе он отнимет у меня еду.

К тому времени, как сэндвич закончен, я уже сыта. Не раздутая, как тогда, когда Ларри решил пойти и украсть три бутерброда, но я достаточно сыта, чтобы проглотить последний кусочек со вздохом. Я закрываю глаза, чтобы запечатлеть вкус в памяти на случай, если это последняя вкусная еда за последние месяцы.

Было бы прекрасно, если бы к нему прилагалось немного алкоголя. Я чувствую головную боль, начинающуюся в затылке, и не могу позволить себе быть трезвой слишком долго.

Когда я открываю глаза, то вижу, что Адриан пристально смотрит на меня. Его указательный палец постукивает по бедру в спокойном ритме, как будто участвует в его наблюдении.

Я уже готова разорвать зрительный контакт – потому что это все еще чертовски нервирует, – когда его следующий жест останавливает меня. Я не смогла отвести взгляд, даже если бы захотела.

Адриан погружает указательный и средний пальцы в рот, посасывая кончики, которые немного жирные от того, что он кормил меня. То, как его губы обхватывают его кожу, вызывает во мне странное ощущение. Я хочу, чтобы это прекратилось, но в то же время не знаю, понравится ли мне, если это прекратится.

Он высовывает пальцы и заканчивает тем, что облизывает большой палец, прежде чем воспользоваться бумажной салфеткой.

Я заставляю себя отвести взгляд и смотрю в окно. Бесконечные здания города пролетают мимо нас, но я вижу только, как он засовывает пальцы в рот, как будто... засовывает их куда-то в другое место и ...

Мои совершенно неуместные мысли прерываются, когда машина останавливается перед черными металлическими воротами, такими же высокими, как во дворце.

Они медленно открываются с громким скрипом, который слышен изнутри машины. Громоздкий Блондин въезжает внутрь, прежде чем дверь полностью открывается.

Я смотрю назад, и, конечно же, ворота уже закрываются.

Это здесь живет Адриан?

По дороге сюда я не особо обращала внимание на дорогу, но мы проехали достаточно далеко, чтобы оказаться где-то на окраине города.

Я позволила своему взгляду скользнуть вперед, думая, что я должна выгравировать детали в своем мозгу на случай, если мне понадобится использовать их позже. Но для чего и куда идти? В тот момент, когда черные ворота закрываются, я чувствую себя как в ловушке в лабиринте. Тот факт, что Громоздкий Блондин продолжает ехать все дальше и дальше по подъездной дорожке, возможно, имеет какое-то отношение к этому, но это не единственная причина, по которой я чувствую, что ступила в место, где не должна была находиться.

Единственное, что я могу разглядеть, – это тени деревьев, похожие на привидения на пороге ворот богатого принца, ожидающие, чтобы лишить его жизни за его жестокость. Не было ли когда-то такой истории? Принц, который отказывался кормить бедных, был проклят ведьмой, чтобы стать зверем.

Наконец машина останавливается перед гигантским особняком.

Нет, это больше похоже на средневековый замок, но построенный в наше время.

Луна – единственный свет, падающий на него, и этого едва хватает, так как она частично скрыта за облаками.

Жуткая тень падает на темное здание с его двухэтажной архитектурой и внушительными размерами, расположенное на большом участке земли.

Когда люди видят грандиозное здание, они либо реагируют с благоговением, либо запугиванием, либо и тем, и другим. А я?

Мне хочется убежать.

Как будто я должна бежать к черным воротам и карабкаться по ним, чтобы спастись.

Адриан и его охранники выходят из машины первыми. Я никуда не тороплюсь. Я даже могу провести здесь ночь. Здесь тепло, а кожаные сиденья удобнее, чем все, на чем я спала.

Однако у Адриана другие планы. Он открывает дверь и протягивает мне ладонь. Я испытываю искушение отказаться, но это только начало нежелательной битвы. Я так устала от событий этого дня, и все, что я хочу сделать, это забиться в угол и уснуть.

Поэтому я беру его за руку с громким вздохом. Он вытаскивает меня и кладет ладонь мне на поясницу. От меня не ускользает жест собственника, его притязания, но я и не зацикливаюсь на этом, потому что он не делает этого со мной.

Он делает это со своей женой.

Пока я не буду считать себя его женой и смогу отделить реальность от той роли, которую играю, все будет хорошо.

И самое главное, я выживу.

Я позволяю ему подвести меня к двойной металлической двери с кодовым замком наверху. Он проводит кончиком пальца по сенсору, и дверь открывается со звуковым сигналом.

Он мягко подталкивает меня вперед, и я чуть не спотыкаюсь от чудовищных каблучков, причиняющих боль моим ногам. Адриан обнимает меня за талию, поддерживая. Как только я убеждаюсь, что могу стоять, я пытаюсь отстраниться.

Его присутствие все еще вызывает у меня странное чувство. Мурашки смешались со страхом и... чем-то еще, что я предпочла бы не идентифицировать.

– Перестань отталкивать меня, Лия.

– Я не Лия, – шепчу я.

– Да, ты Лия, и ты начнешь вести себя соответственно.

– Я не могу вести себя как другая женщина.

Он замолкает, постукивая пальцем по бедру.

– Ты только что мне ответила?

– Нет, – Мой голос слабый. Я действительно не хочу вызывать его гнев прямо сейчас. Или вообще никогда, если уж на то пошло.

Он не выглядит убежденным, но говорит очень спокойно/

– Твое присутствие здесь только по одной причине – быть Лией. Ты научишься так себя вести. На самом деле, ты будешь ею.

Ага, точно.

Но я не озвучиваю эту мысль, потому что, судя по его краткой вспышке гнева, это только навлечет на меня неприятности.

Я ожидаю, что Громоздкий Блондин и Кривоносый последуют за нами, но они этого не делают. Дверь за нами со щелчком закрывается, и автоматически включается свет в огромной приемной с белоснежными стенами, темным деревянным полом и круглой люстрой, свисающей с потолка.

Посреди комнаты стоит простой белый стол, окруженный кремовыми стульями с высокими спинками. Широкая лестница с белыми перилами ведет вверх. Зал элегантен и намекает на минималистический, утонченный вкус, но здесь что-то не так.

Ни семейных фотографий, ни картин. Ничего.

Как будто в этом доме не живут люди. Она чистая, но безличная.

Я все еще изучаю свое окружение, когда сверху доносится мягкий глухой звук. Я замираю, пальцы впиваются в ладонь. Может быть, мое предчувствие насчет этого дома все-таки сбудется, и на меня нападут.

Но потом я узнаю этот звук. Это не угроза, во всяком случае, кажется, что...

Мои мысли обрываются, когда шаги приближаются, и на верхней ступеньке лестницы появляется маленький мальчик. Он спускается, держась за перила, его крошечные пальцы сжимаются вокруг них, как тиски. На вид ему не больше пяти, плюс-минус.

Нет никаких сомнений, кто этот маленький мальчик.

Он вылитый Адриан с его темными волосами и серыми глазами. Только у него они светлее и больше.

Мои подозрения подтверждаются, когда он спрыгивает с последних двух ступенек, крича.

– Папа!

Когда он бежит к нам со всех ног, мои каблук запинаются. Жесткая, неподатливая тяжесть давит на мою грудную клетку, словно намереваясь раздавить кости и пронзить сердце.

Вид мальчика пробуждает воспоминания, которые я так долго хранила в себе.

Крошечные ручки и ножки.

Маленькое личико.

Запах ребенка.

– Помедленнее, Джереми. – говорит Адриан рядом со мной, но я слышу его так, словно нахожусь под водой.

Мальчик, Джереми, поднимает голову и останавливается на полпути. Его огромные серые глаза встречаются с моими, и они расширяются еще больше, когда он шепчет.

– Мамочка?

Я не знаю, то ли это слово, то ли то, как он смотрит на меня, когда говорит это, как будто он нашел мир после того, как потерял его, но слезы, которые я не проливала слишком долго, хлынули из моих глаз.

Они быстро и сильно стекают по моим щекам, пропитывая кожу и вырывая рыдания из горла.

– Лия? – Адриан хватается меня за плечи и опускает голову, чтобы посмотреть мне в лицо. Мое зрение настолько затуманено, что я не вижу его. В этот момент я понимаю, что дрожу, и мои конечности больше не могут держать меня.

– Лия!

– Я *не* Лия, – шепчу я, когда темнота уносит меня прочь.

Глава 8

Адриан

Тело Лии обмякло у меня на руках, веки закрылись, пот выступил на висках. Я прижимаю ее маленькое тело к себе за талию, когда ее ноги теряют всякую силу.

Положив руку ей под колени, я поднимаю ее, как и раньше. Ее голова склонилась в неловком положении, прежде чем упасть мне на плечо. Ее губы дергаются, а лицо становится таким бледным, что вены все отчетливее проступают сквозь кожу.

– Мамочка...?

Я смотрю на Джереми, который держит игрушечного солдатика и борется со слезами. Он должен быть в своей постели в такое позднее время, и все же он здесь. Должно быть, он обманул свою няню, чтобы спуститься и встретиться со мной. Последние несколько недель он часто так делает, хочет меня видеть и устраивает истерики, чтобы я уделил ему внимание.

Я точно знаю, почему он так себя ведет. Потеряв мать, он не хотел потерять и меня. Иногда он прокрадывается в мою спальню, просто чтобы убедиться, что я там.

– Она просто уснула, Malysh. – говорю я с американским акцентом. Русский акцент – для одних ситуаций, а американский – для других.

Поскольку меня воспитывала мать – наполовину американка, а отец – чистокровный русский, акценты для меня естественны.

Джереми, однако, большую часть времени проводил с Лией, которая говорила только по-английски, и поэтому он смущается, когда я говорю с ним по-русски. Хотя в будущем это изменится, я не стану заставлять его понять это сейчас. Это худшее время, чтобы добавить ему стресса.

– Твоя мама только что уснула.

– Правда? – Он шмыгает носом.

– Да.

– Но... но ты сказал, что она долго путешествовала. Значит ли это, что путешествие окончено, папа?

– Так и есть, Malysh.

– И она будет здесь каждый день? – Его голос срывается, а в огромных глазах вспыхивает надежда.

Мое внимание скользит по ее неподвижному телу, прежде чем я снова сосредотачиваюсь на сыне.

– Каждый день.

– Обещаешь, папа?

– Обещаю.

– Ты всегда держишь свое слово.

– Да. Она увидится с тобой завтра, хорошо?

Он отворачивается, пыхтя.

– Я не хочу ее видеть.

– Ты все еще злишься на нее?

– А ты нет, папа? – Он шмыгает носом и вытирает слезы тыльной стороной ладони. – Она ушла, не попрощавшись.

– Но сейчас она здесь.

– Я все равно ее не вижу. – Он топает вверх по лестнице, его маленькое тело излучает больше энергии, чем ребенок вдвое старше его.

У него определенно характер матери.

Все еще неся Лию, я подхожу к входу и нажимаю на интерком, соединяющийся с рацией Коли.

– Зайди в дом и убедись, что Джереми заснул.

– Да, сэр.

Я несу ее наверх, перешагивая через две ступеньки, и направляюсь в хозяйскую спальню. Когда я кладу ее на высокую кровать, я позволяю ее голове мягко упасть на подушку.

Она не шевелится, пока я медленно снимаю с нее туфли и ставлю их у кровати. Несколько порезов покрывают ее лодыжки, а подошвы ног шершавые на ощупь. Они также холодные, поэтому я кладу их на кровать и натягиваю одеяло, чтобы прикрыть. Когда я снимаю с нее пальто, она по-прежнему никак не реагирует.

Я держу ее руки в своих и смотрю на волдыри, которых не должно быть на ее коже. Они тоже мерзнут, как будто ее мозг все еще думает, что она спит на улице, в грязных, холодных гаражах.

Поднеся ее ладони ко рту, я дую на них, пока они не становятся достаточно теплыми, а затем опускаю их под одеяло. Я собираюсь устроить ее поудобнее, когда раздается стук в дверь.

Я подтягиваю одеяло к ее подбородку и бросаю последний взгляд на ее лицо.

– Я сейчас вернусь, Lenochka.

Выйдя, я медленно закрываю за собой дверь, стараясь не издавать ни звука.

Коля стоит в коридоре, заслонив мне обзор своей фигурой и нахмутив брови.

– Джереми спит?

– Да, но у него был стресс.

– Он делает паузу.

– Если хочешь что-то сказать, говори, Коля. У меня нет времени на всю ночь.

– Он казался испуганным после того, как сказал мне, что... ну, его мама заснула стоя.

По крайней мере, он считает, что она заснула.

– Сэр.

– Что?

– Могу я говорить свободно?

Я поднимаю бровь.

– А когда ты этого не делал?

– Это неправильно.

– Это?

– Все это. – Он показывает головой на закрытую дверь спальни. – Ее присутствие здесь. Сейчас.

– Ян что, достает тебя?

– Нет.

– Ты не обязан его защищать, Коля.

– Дело не в Яне, и вы прекрасно это понимаете.

– Позволь мне беспокоиться обо всем здесь, пока ты будешь следить за тем, что происходит в остальном братстве. Мы не можем остаться позади.

– Мы не будем, но она...

– Перестань говорить о ней, Коля. Дело сделано.

– Она упала в обморок, сэр.

– Откуда ты это знаешь?

– Люди не засыпают стоя. Я не Джереми.

– С ней все будет в порядке.

– А что, если она...

– Коля, – оборвал я его, мой голос стал жестче. – Брось это.

– Это может иметь неприятные последствия.

– Я сказал, чтобы ты прекратил говорить о ней.

Он бросает на меня неодобрительный взгляд, который говорит: «Ты облажался, и я сожалею, что был рядом с тобой в течение тридцати лет», но он знает, что не стоит испытывать меня в подобных обстоятельствах, поэтому он кивает и уходит.

Я расстегиваю рубашку на обратном пути в свою комнату.

Это будет чертовски долгая ночь.

Глава 9

Уинтер

– Lenochka.

Я бормочу во сне, голова тяжелая и болезненная, как будто по ней стучали молотком.

У меня перехватывает дыхание.

Я задыхаюсь, только чтобы быть встреченной чем-то... мягким? Мои глаза резко распахиваются, и я обнаруживаю себя лежащей на животе, уткнувшись лицом в подушку.

Длинные пальцы расстегивают молнию на моем платье и скользят по ткани вниз по телу.

На секунду я настолько дезориентирована, что даже не знаю, где нахожусь, не говоря уже о том, что происходит. Я не должна спать на кровати, и не просто на любой кровати, эта теплая, мягкая, я улавливаю запах таинственного дерева и богатой кожи.

Реальность возвращается с кувыркающейся силой, которая заставляет меня хватать ртом воздух. Я пришла с Адрианом к нему домой. После того, как я увидела его сына, у меня появилось внутреннее воспоминание о моей дочери, а потом... что?

Что случилось потом? Где я?

Что еще более важно, что происходит прямо сейчас?

Воздух ударяется о мою голую кожу, образуя мурашки. Платье исчезло, и на мне только бюстгальтер без бретелек и кружевные трусики, которые Эмили дала мне раньше.

Мои плечи сжимаются в жесткую линию, а лоб покрывается потом. Мне страшно оглянуться назад и увидеть выражение его глаз прямо сейчас. Если я это сделаю, то окажусь в ловушке и буду загнана в точку невозврата. Однако воздержание от взгляда на него не умаляет его присутствия или подавляющего

жара, который он излучает. Он исходит от моей кожи, как пламя, лижущее ее, или смерть, целующая ее.

Мой разум вспыхивает во всех направлениях, когда реальность происходящего с глухим стуком оседает на дне моего живота.

Адриан не мог быть настолько жестоким, чтобы сделать это, верно?

О чем я только думаю? Конечно, он таков. Все, что он сделал до сих пор, чтобы держать меня под каблуком, только доказывает, на что он пойдет, чтобы получить то, что хочет.

Может быть... может быть, если я притворюсь спящей, он остановится. Может быть, он просто хотел снять с меня платье.

Даже думая об этом, я знаю, что просто обманываю себя. Он не из тех, кого можно остановить. Я знаю это, я видела это в его глазах и сейчас чувствую это его твердым прикосновением.

– Что ты делаешь? – Мой голос медленный, надломленный и такой чертовски испуганный.

– Не разговаривай. – говорит он с американским акцентом. Русского акцента сейчас нет.

Он щелкает ремешком моего лифчика, и я напрягаюсь, когда он вытаскивает его из-под меня, оставляя меня полуобнаженной. Мои груди соприкасаются с мягким матрасом, но он ощущается как холодный металл, готовый прорезать мои соски.

– Адриан, пожалуйста... – шепчу я, и по моей щеке катится слеза. – Не делай этого.

– Делать что?

– Что бы ты ни делал. Мне страшно.

– Тебе нравится бояться.

– Н-нет...

– Да, тебе нравится. Ты также любишь просить милостыню, Lenochka, так умоляй меня.

Его пальцы цепляются за пояс моих трусиков, и рыдание застревает у меня в горле.

– Пожалуйста... пожалуйста... не надо...

Он стягивает нижнее белье с моих ног одним движением, и я вскрикиваю, громкий всхлип эхом разносится в воздухе.

Его большие руки, которые я заметила ранее сегодня – даже продолжала думать об этом – хватают меня за бедра безжалостной хваткой, когда он погружается в меня сзади.

Мой хриплый крик пронзает тишину, когда его член разрывает меня. Он суров, беспощаден и предназначен для наказания.

Он не дает мне времени привыкнуть и толкается с нарастающим ритмом. Мои стенки горят от дискомфорта, власти, насилия.

Мои крики и рыдания эхом разносятся в воздухе, когда я умоляю и плачу. Но мое тело не двигается. Даже немного. Я не пытаюсь вцепиться в него ногтями, сопротивляться или извиваться.

Я ничего не пробую.

Если я это сделаю, он причинит мне боль. Он меня ударит. Он заставит меня истекать кровью.

Поэтому я остаюсь как кукла, которую используют и оскорбляют без борьбы.

Я пытаюсь вырваться в своей голове, но его толчки запрещают мне это. За ними стоит какая-то животная сила, что-то, что удерживает меня здесь и сейчас, заставляет чувствовать каждую секунду происходящего.

Запретить мне идти куда-либо еще более жестоко, чем сам жестокий акт.

Даже чудовищно.

Моя голова падает на подушку, чтобы заглушить мои крики, мои слезы, все. Мои пальцы впиваются в матрас, пальцы ног напрягаются, но ничто не может стереть досаду или смешанные чувства, которые охватили меня одновременно.

Я молюсь, чтобы это прекратилось, но это продолжается и продолжается. Он не заканчивает. Это не избавляет меня от мучений.

И довольно скоро я снова оказываюсь в своей голове. Я закрываю глаза и пытаюсь вспомнить самое красивое место, где я была. Зеленый сад с разноцветными розами и поющими птицами.

Но затем небо темнеет, и все цветы истекают алой жидкостью, похожей на... кровь.

Я задыхаюсь, глаза распахиваются, когда он вырывается из меня и переворачивает меня лицом к себе.

Адриан обнажен, его мускулистая грудь покрыта блестящими от пота тонкими волосками. У него двойные рукава татуировок, но я не могу разглядеть их в темноте.

Даже его лицо затенено, как будто он – Мрачный Жнец, пришедший забрать мою жизнь.

– Куда ты, черт возьми, ушла Lenochka?

– Пожалуйста... Адриан... пожалуйста... – Мой голос срывается с каждым словом. – Пожалуйста... перестань...

Он снова погружается в меня, и моя голова откидывается назад от его силы. Мои рыдания и слезы вырываются наружу, когда его толчки разрывают их.

Потом я издаю странные звуки – они длиннее, пронзительнее, и это не рыдания. Мое тело сжимается от чего-то другого, чем дискомфорт, когда острые покалывания атакуют низ живота.

– Ты душишь мой член, Lenochka, – хрипит он. – Ты собираешься кончить?

Я отчаянно трясу головой, но как только я это делаю, волна жара взрывается под моей кожей, и я кричу совсем по другой причине.

Жаль, что я не лежу лицом к подушке, чтобы заглушить свой голос, но так как это невозможно, я использую свою руку, кусая ее изо всех сил.

Ощущения, проходящие через меня, похожи на освобождение из этого черного ящика. Я спотыкаюсь о собственные ноги и бегу к открытому воздуху, который со взрывом попадает мне в легкие.

Оргазм сильный, резкий, и ничего подобного я раньше не испытывала. Все мое тело дрожит, а внутренности – сплошное месиво покалываний и дрожи.

Я жду, что Адриан закончит, но он продолжает и продолжает, как машина без кнопки выключения. Мое тело скользит по матрасу, и изголовье кровати ударяется о стену при каждом его движении. Он поднимает мою ногу в воздух и толкается в меня с удвоенной энергией, как будто только начал. Его пальцы впиваются в мою кожу, и он сжимает мой сосок так сильно, что я вижу неоновые звезды в темноте.

Та же волна, что и раньше, снова бьет меня, и на этот раз у меня даже нет сил кричать.

Я так высоко наверху, что не думаю, что когда-нибудь вернусь.

Но я возвращаюсь.

Мое тело обмякло на матрасе, поскольку последствия оргазма заставляют мои конечности дрожать.

Адриан все еще не закончил.

– Пожалуйста... – Я всхлипываю. – Я больше не могу... *Пожалуйста.*

– Можешь. Твоя киска была создана для меня, Lenochka.

– Адриан ...остановись.

– Нет.

– Остановись! – Я кричу, и мои глаза распахиваются.

Я лежу на животе на кровати, лицом вниз. Пот покрывает меня под одеждой и простынями.

На мне платье, которое выбрала для меня Эмили, и... мои пальцы находятся внутри моих трусиков, толкаясь в мою киску и выходя из нее.

Мою *мокрую* киску.

Другой рукой я сжимаю сосок под лифчиком.

Я вздрагиваю и сажусь, убирая руки, как будто меня застукали за мастурбацией на площади. Мой рот отвисает при виде соков, покрывающих пальцы, которые были у меня между ног.

Приподняв платье, я ужасаюсь открывшемуся виду. Мои внутренние бедра липкие, а трусики определенно испорчены. Не только это, но и мои соски болят, пульсируя под материалом моего лифчика.

Было ли... все это сном?

Нет. Я не вижу снов, не говоря уже о том, чтобы меня изнасиловали.

И все же я совершенно одна в комнате, и моя одежда цела. Меня даже укрыли одеялом. Не говоря уже об уликах, которые покрывают мои пальцы.

Почему, черт возьми, я коснулась такого кошмара?

Я откидываюсь на спинку кровати, подтягиваю ноги к груди и жду... чего? Признака того, что у меня нет развращенного ума, который наполняет меня такими кошмарами?

Держи себя в руках, Уинтер. Это был просто кошмар. Это не реально.

Я осторожно встаю с кровати и заглядываю под нее. Я задерживаю дыхание, ожидая, что на меня набросится какое-нибудь чудовище.

Когда я никого не нахожу, меня не охватывает чувство облегчения.

Потому что я знаю, я просто знаю, что настоящие монстры более опасны. Они тоже кажутся людьми, прежде чем выпустить свое звериное «я» в мир.

Как в моем кошмаре.

В комнате, где я нахожусь, есть большая кровать, на которой я проснулась, с металлическим изголовьем, украшенным золотыми мотивами. Такой же комод с большим зеркалом стоит прямо напротив него, и я почти до смерти пугаюсь, когда прохожу мимо него и чувствую свою тень.

Я направляюсь к единственной двери в поле зрения и молюсь, чтобы это была ванная. Мне нужно принять душ, чтобы избавиться от липкости, прилипшей к телу.

Как только я открываю ее, я застываю в дверном проеме.

Адриан находится в ванной, полной воды. Его глаза закрыты, голова склонилась набок, а руки скрещены на груди.

На секунду я не знаю, спит ли он на самом деле или... мертв.

Я хочу развернуться и уйти. А еще лучше, я хочу вернуть свою беззаботную жизнь с улицы. После жестокого сна, который мне только что приснился, последнее, чего я хочу, – это разговаривать с Адрианом.

Но он может быть мертв – или будет мертв, если продолжит спать в ванне.

Мои шаги осторожные, медленные, когда я приближаюсь к нему. Я касаюсь его плеча и замираю.

Следы укусов.

На моей руке остался след от укуса, когда я укусила ее во время кошмара.

Было ли это в самом деле кошмаром?

Прежде чем я успеваю подумать об этом, сильная рука хватается меня за запястье и тянет к себе. Я кричу, теряя равновесие.

– Наконец-то ты проснулась, Lenochka.

Глава 10

Уинтер

Я открываю рот, когда мое колено ударяется о край ванны.

Находясь так близко, я становлюсь его заложницей – и не только из-за его хватки на моем запястье. Он голый, и хотя вода покрывает большую часть его тела, она прозрачна, и каждый дюйм его тела обнажен.

Широкие плечи, обрамляющие четко очерченные бицепсы. Черные татуировки нанесены по всей длине его напряженной руки, которая держит меня. Другая его рука лежит близко к заостренной талии, которая ведет к твердому, как камень, животу.

Не уверена, что это из-за воды, но его бедра кажутся мощными и твердыми, как в тех рекламных роликах с футболистами. Я заставляю себя смотреть куда-то еще, а не на его наполовину возбужденный член.

Как это возможно для кого-то излучать такое физическое совершенство? Его красота не такая громкая, как у кинозвезды или модели. Он тихий, как и его личность. Убийственный, потому что, если бы его глаза были ножом, я бы сейчас истекала кровью в этой ванне.

Я хмурюсь, глядя на этот образ.

Адриан прерывает ход моих мыслей, когда подносит мою руку к своему носу, и мускул двигается под его челюстью, когда он делает долгий вдох. – Ты трогала себя, Лия?

– Нет... – Мой голос сдавленный, приглушенный и немного хриплый, как будто я все еще в ловушке этого кошмара.

– Не лги мне, – его тон спокойный, но угрожающий. – Я чувствую запах твоей киски на этих пальцах.

– Я сказала «нет».

– Это твой первый промах. Соври мне еще раз, и я накажу тебя.

Воспоминания из кошмара душат меня за горло и подавляют каждую унцию воздуха из моего окружения.

Сейчас он разденет меня догола и трахнет. Он возьмет меня, как животное, и оставит ни с чем. Он отнимет у меня силу и волю.

Его хватка на моем запястье крепка и нагревает мою плоть, как тысяча языков пламени, намереваясь сжечь меня изнутри.

Мои губы дрожат, и я впиваюсь ногтями в керамический край ванны, чтобы удержаться в согнутом положении.

– Пожалуйста... не надо... не надо...

Адриан отпускает мою руку, и я спотыкаюсь, пока не ударяюсь спиной о стеклянную дверь душа. Я остаюсь там, обе ладони прижаты к холодной поверхности, а мои босые ноги прижаты к плиткам.

– Что случилось? – Он говорит с русским акцентом, а не с американским из моего кошмара.

– Н-ничего.

Он встает весь мокрый и... голый.

Он совершенно голый.

Хотя я мельком видела его в ванне, ничто не могло подготовить меня к такому зрелищу. Его бедра мускулистые и выше, чем я ожидала. Тонкие волоски образуют дорожку на его тугой груди и спускаются вниз к...

Я резко поднимаю взгляд, прежде чем начать пялиться на его член. В моей попытке изучить что-либо, кроме него, я застигнута врасплох его татуировками. Одну я видела раньше, но не другие. Обе его руки в татуировках. Полные рукава чернил переплетаются на его руках, как лабиринт.

Совсем как в кошмарном сне.

Я могу галлюцинировать о том, чтобы укусить себя за руку, но это не может быть выдуманно. Я никогда не видела Адриана раздетым, так что ни за что бы не догадалась, что у него татуированные руки.

Я тянусь за ближайшей вещью, которую могу найти, которая оказывается керамической бутылкой из-под мыла, и направляю ее в его сторону.

– Держись от меня подальше!

– Лия, – тихо произносит Адриан.

– Я не Лия! Я – Уинтер!

– Успокойся. – Он продолжает приближаться ко мне бесшумными шагами, которые я едва слышу.

– Я сказала, держись от меня подальше! – кричу я, мой голос становится истеричным.

Он останавливается, поднимая руку.

– Прекрасно. Я держусь подальше, так что положи это.

Я отчаянно трясу головой, впиваясь ногтями в твердую керамику.

– Я ухожу. Я больше ни минуты не проведу ни в этом богом забытом месте, ни с тобой!

Тень пробегает по его лицу, громовая и тихая, как будто он... сердится. Почему, черт возьми, он должен это делать? Это я злюсь. Это я была вынуждена выйти из своего безопасного кокона, чтобы быть здесь.

– Дай мне эту бутылку, Лия.

– Нет! И перестань называть меня Лией!

Мои руки мечутся, и я слышу треск прежде, чем вижу его. Бутылка ударяется о стену и разбивается о нее. Белое жидкое мыло стекает по моей руке на землю, а затем следует кровавый след.

Осколок керамики впился мне в кожу. Укол боли взрывается на моей плоти, прежде чем кровь течет из моей ладони. Я выпускаю то, что осталось от бутылки, позволяя ей упасть на землю.

– Черт! – Адриан спешит ко мне, вырывает кусок, оставляя небольшую рану, которая горит, когда мыло смешивается с ней.

Адриан бросает окровавленный керамический кусок в раковину и вытирает мыло. Его брови хмурятся над потемневшими глазами, а губы сжимаются в тонкую линию.

Я извиваюсь в его объятиях.

– Отпусти меня, монстр! Отпусти меня!

– *Стой.* – приказывает он, и я вздрагиваю, обмякнув.

Это слово, хотя и единственное в своем роде, звучит настолько авторитетно, что мои мышцы напряглись, услышав его.

Адриан хватается бежевое полотенце, опускает его под кран и прижимает к моей ладони. Он выдыхает, когда кровь не впитывается долго. Как будто он беспокоится обо мне. Как будто мое благополучие означает дерьмо в его повестке дня.

Почему он так себя ведет? Я просто не могу понять, почему он не такой черствый дьявол, каким должен быть.

Его внимание не отрывается от моей ладони, когда он говорит.

– Я не знаю, с чего ты вдруг так себя ведешь, но почему бы тебе не рассказать мне?

– Ты пытаешься притвориться, что не знаешь?

– Не знаю что?

Я поджимаю губы. Секунду назад я была уверена, что это не кошмар, но теперь я так не думаю. Однако след от укуса и татуировки не могли быть плодом моего воображения.

– Ты только что изнасиловал меня, – Мой голос начинает звучать тихо, затем становится громче. – Ты взял меня силой, даже когда я умоляла тебя остановиться!

Рука Адриана останавливается на моей ране, и он встречает мой взгляд своими темными глазами. Впервые с тех пор, как я его встретила, мне очень, очень хочется заглянуть в эти глаза. Просто чтобы знать, что там происходит. Какие мысли приходят в его ненормальный мозг?

– Я тебя не насиловал. – говорит он как ни в чем не бывало.

– И ты думаешь, я в это поверю?

– А следовало бы.

– Я знаю, что я чувствовала. – Это был слишком яркий кошмар, слишком... реальный. Настолько реальный, что я до сих пор чувствую его толчки.

– Если бы я хотел тебя трахнуть, мне не пришлось бы насиловать тебя для этого. – Он проводит полотенцем по моей руке. – Почему ты решила, что я сделал это?

– Я только что сказала тебе, что почувствовала это.

– Чувствовала это как? – Его голос слишком спокойный для этого разговора. Слишком раздражающий. Я хочу дотянуться до его брони и вытащить его – если, конечно, есть что выдернуть. Иногда он кажется пустышкой.

Ничто, к чему нельзя прикоснуться или изменить.

– Что это за вопрос? Я просто почувствовала это. Кроме того, я укусила себя за руку, когда ты насилдовал меня, и посмотри! – Я показываю ему следы зубов на своей неповрежденной ладони.

– Как ты это объяснишь?

– Ты могла укусить себя за руку, пока спала.

– Это невозможно, потому что я сплю совершенно спокойно. Кроме того, – я указываю на его чернила, – я видел твои татуировки, когда никогда не видела до этого момента.

– Возможно, ты проецируешь видение их сейчас в прошлое.

– В этом нет никакого смысла! Ты думаешь, я идиотка?

– И ты считаешь, что я обязан объясняться с тобой? – Его голос теряет всякую небрежность, понижается, становится жестким, *сдавленным*. – Мне не нужно принуждать тебя, и поэтому я не насилдовал тебя. Должно быть, это был кошмар.

– Это не могло быть кошмаром. Я не вижу снов.

– Возможно, ты только что начала.

– Не пытайся выставить меня сумасшедшей. Я не такая.

Он перестает скользить полотенцем по ране.

– Тебе больно?

Его вопрос застает меня врасплох, и я замираю, когда мои ноги сжимаются вместе.

– Тебе больно, Лия? Потому что, если, как ты сказала, я тебя изнасиловал, ты не могла бы пошевелиться.

– Я...

– Что?

– Мне не больно. – Кроме промокших трусиков, никакого дискомфорта ни между ног, ни в мышцах. Учитывая, что прошло уже много времени с тех пор, как я занималась сексом, мне было бы больно.

– Вот. Твой ответ. – Он бросает полотенце в раковину и достает из шкафчика аптечку.

Мышцы его плеч напрягаются от движения, а татуировки расширяются. Я хочу изучить их, чтобы увидеть, есть ли символ, который я узнаю, но его полная нагота не помогает мне сосредоточиться.

Я действительно не хочу глазеть на него прямо сейчас.

Заставляя себя отвести взгляд, я сосредотачиваюсь на невидимой точке на противоположной стене. Чувство облегчения медленно охватывает меня при мысли, что это действительно был кошмар.

Меня не волнует, был ли он моим первым, или что он каким-то образом соответствовал так близко к реальности. Может быть, это то, что происходит, когда вы не видите снов: ваш самый первый сон – это внутреннее, ужасающее переживание.

Причина, по которой я отчаянно хочу, чтобы это был кошмар, не только из-за психического повреждения. Дело в том, что я не сопротивлялась. Что я *испытала оргазм*. Что я прикасалась к себе, чтобы совершить этот отвратительный поступок.

Отталкивая эти мысли, я пытаюсь дышать, хотя бы частично, учитывая, что Адриан все еще здесь, и его присутствие всегда крадет часть моего воздуха, если не весь.

Он берет пластырь и прикладывает его к маленькому порезу на моей ладони.

– Никогда больше так не делай.

– Как?

– Бутылка. Ты должна была отдать ее мне, когда я тебе сказал.

– Я не очень хорошо соображала. – Я бормочу пренебрежительно. Но если я думала, что это подтолкнет его к тому, чтобы отпустить ситуацию, то я далеко не права.

Глаза Адриана темнеют, и воздух сгущается в ответ на его настроение. Он возвышается надо мной так, что мне приходится запрокинуть голову, чтобы посмотреть на него, а он медленно повторяет.

– Ты не *соображала*.

– Я... нет.

– Отныне ты будешь думать, прежде чем действовать.

– Окей.

– Не «окей». Скажи это.

– Я подумаю. – *Боже. Что с ним не так?*

– Иди прими душ и переоденься. Через полчаса у нас завтрак.

Я даже не заметила, что уже утро, потому что шторы в спальне задернуты.

– Окей.

Он прищуривается.

– Брось это слово.

– Почему?

– И перестань мне отвечать.

– Я просто спрашиваю, почему.

– Потому что тебе это не идет.

– Скорее, это не подходит твоей жене, – бормочу я.

– Что ты только что сказала?

– Ничего, – выпаливаю я, пораженная суровостью его тона. С этим человеком действительно не стоит связываться.

Используя полотенце, он собирает осколки керамики, один за другим, но вместо того, чтобы выбросить их в мусорное ведро, он берет их с собой, выходя из ванной.

Я пытаюсь отвести взгляд, но не могу оторвать глаз от его упругой задницы и длинных ног. Я никогда раньше не видела такого совершенного телосложения, но дело не только в этом. Все дело в том, как он держится, и в той абсолютной уверенности, которую он излучает, даже будучи голым.

Это уязвимое положение для большинства людей, но Адриан ведет себя так, словно одет в строгий костюм. Требуется большая умственная дисциплина, чтобы испускать такую вибрацию.

Это и увлекательно, и опасно.

Такой человек, как Адриан, действительно должен прийти с предупреждением об опасности, и не только из-за его упрямой самоуверенности, но и из-за него самого.

Мне требуется несколько секунд, чтобы покачать головой и перестать пялиться на него.

Как только он уходит, я запираю дверь ванной, раздеваюсь и быстро принимаю душ. Я никому не доверяю, и Адриан возглавляет этот список.

Закончив, я заворачиваюсь в халат, накрываю волосы полотенцем и приоткрываю дверь ванной. Убедившись, что там никого нет, я захожу в спальню и замечаю в углу еще одну дверь, ведущую в гардеробную.

Я осторожно захожу внутрь и вздрагиваю, когда автоматически включается белый свет. Я останавливаюсь, чтобы изучить бесконечные ряды одежды, аксессуаров и обуви. Слева – бесчисленные костюмы и рубашки, в основном черные, серые и темно-синие.

Адриан явно не любит кричащую одежду, и это понятно. Он и без них достаточно эффектен, а такие цвета подходят к его загадочному характеру.

Справа цвета более светлые, более разнообразные, но они... скучные. Как и платье, которое я носила вчера, большая часть гардероба Лии состоит из костюмных юбок приглушенных цветов, таких как бежевый, карамельный и серый. Платья у нее прямые, до колен. Здесь нет ни одной пары джинсов, джинсовой куртки или чего-то еще, что не выглядело бы так, как будто это имитирует стиль королевы Англии.

Странно рыться в одежде мертвой женщины, но я все равно это делаю, потому что не хочу сегодня надевать новое платье и убийственные каблуки.

После нескольких часов поисков в глубине шкафа я нахожу милые джинсовые шорты и розовую майку с надписью: "Особенная". Хотя обычно я выбираю самую тяжелую и теплую одежду, в доме Адриана жарко, так что я могу носить ее внутри. Я надеваю одежду и использую розовый шарф в качестве пояса для шорт, так как они немного больше. В конце концов, мы с Лией не идеально совпадаем по размеру.

На один пункт меньше в жуткой шкале.

Кроссовок я не нахожу, поэтому останавливаюсь на розовых балетках. Я использую шарф, похожий на мой пояс, чтобы собрать волосы в длинный хвост.

Глядя в зеркало, я улыбаюсь, довольная результатом. Однако моя улыбка вскоре исчезает, когда я вспоминаю, что, когда я была беременна, я покупала одинаковые платья матери и дочери, чтобы мы могли одеваться одинаково.

У меня никогда не было такой возможности.

Отказываясь погружаться в воспоминания о ней, я выхожу из комнаты и смотрю налево, потом направо, пытаюсь определить, где находится столовая. Я предполагаю, что она внизу, и неторопливо спускаюсь по ступенькам. Или, скорее, настороженно.

Даже при дневном свете это место до сих пор вызывает у меня мурашки. Хотя, нет. Это не только вызывает у меня *мурашки*, он усиливается с каждой минутой, которую я провожу в этих стенах.

Я останавливаюсь у подножия лестницы, раздумывая, куда идти дальше.

– Госпожа Волкова?

Сначала я не узнаю имя, но потом оборачиваюсь, понимая, что это имя Лии и, следовательно, мое.

Женщина средних лет, на вид лет пятидесяти, смотрит на меня с отсутствующим выражением. Она высокая, намного выше меня. Ее светлые волосы с белыми прядями собраны в тугий пучок, а квадратное лицо в сочетании с жестким выражением лица делает ее похожей на ту школьную учительницу, которая была у всех нас, чьи уроки никто не мог переносить.

Она окидывает меня взглядом, как будто я не уважаю школьный дресс-код.

– Да? – Это звучит неубедительно, но я также не знаю, как себя вести. Если я спрошу ее, где столовая, разве это сразу не выставит меня самозванкой?

– Что вы здесь делаете? – У нее русский акцент, хотя и едва заметный.

– Я ищу Адриана. – По крайней мере, это звучало немного правдоподобно.

– Следуйте за мной. – Она поворачивается и идет налево, не дожидаясь, пока я последую за ней.

У меня нет выбора, и я иду за ней по длинному коридору. Она открывает двойные двери и жестом приглашает меня войти.

Я делаю это, осознавая каждый свой шаг.

У меня перехватывает дыхание, когда я вижу Адриана, сидящего со вчерашним мальчиком, Джереми.

Я почти уверена, что мое облегчение связано с ребенком, а не с отцом. Несмотря на мою реакцию при первой встрече с Джереми, это не имело никакого отношения к нему, а все было связано со мной и прошлым, которое все еще обвивалось вокруг моего горла, как петля.

Адриан одет в черные брюки и темно-синюю рубашку. Мрачный, не выделяющийся, и такой он. Он поднимает голову, как только я вхожу, но я быстро отвожу взгляд, не желая быть пойманной в ловушку этих пепельно-серых глаз первым делом утром.

Строгая учительница подходит к свободному месту слева от него и указывает на него.

– Ваш завтрак готов, госпожа Волкова.

Я ненавижу это имя, тот факт, что я – продолжение Адриана. Что его фамилия – моя.

Но при упоминании слова «завтрак» у меня нет времени на размышления. Когда я в последний раз ужинала, а потом завтракала как нормальный человек?

Наверное, неделю назад, когда Ларри принес нам сэндвичи. И пахли они не так божественно, как яичница с беконом на столе. Я скучаю по Ларри и хотела бы взять для него кое-что из того, что здесь есть.

Как только я сажусь, я осознаю, что три пары глаз смотрят на меня, как на инопланетянина. Что? Я еще даже не начала есть и собиралась делать это медленно, не так, как свинья, которой я была прошлой ночью.

Я медленно поднимаю голову и вижу, как потемневшие глаза Адриана держат меня в заложниках.

– В чем дело? – шепчу я.

– Что на тебе надето?

Я смотрю на себя и понимаю, на что они все смотрят.

– Одежда.

– Я знаю, что это одежда. – Он понижает голос, и я предполагаю, что это потому, что он не хочет, чтобы Джереми слышал, какой мудака его отец. – Но это не твоя одежда.

– Да, это моя одежда. Я нашла ее в шкафу. – Решив сменить тему, я беру кусок хлеба и улыбаюсь Джереми, который ковыряет ложкой в желе на своей тарелке. – Хочешь вместо этого сэндвич?

Не знаю, чего я ожидала в ответ, но уж точно не хмурого взгляда. Он свирепо смотрит на меня, крепче сжимая ложку. Разве я не должна быть его матерью? Может быть, я его мачеха?

– Я с тобой не разговариваю, – надулся он.

– Джереми, – ругается Адриан.

– Она ушла, папа! Она сделает это снова. – Он свешивает свои маленькие ножки вниз, прежде чем спрыгнуть со стула. – Я наелся.

И с этими словами он поворачивается, чтобы уйти.

– Джереми! – Я зову его по имени, но он уже выбегает из столовой.

Я игнорирую свой завтрак и встаю, чтобы последовать за ним. Мне все равно, даже если он не мой ребенок, боль на его лице была такой острой.

Ни один ребенок не заслуживает таких сильных эмоций. Я знаю это лучше, чем кто-либо, учитывая свое собственное детство.

Адриан хватается меня за запястье, удерживая на месте.

– Не ходи за ним.

– Но...

Он тянет меня за руку, и я задыхаюсь, когда вынуждена встретиться с ним взглядом, когда он говорит.

– Сначала ответь мне.

Глава 11

Уинтер

Я не могу верить этому человеку. Его сын, очевидно, был ранен, и все его внимание сосредоточено на том, перед кем я отчитываюсь?

Что же это за деспотичный человек?

Я пытаюсь высвободить свою руку из его, но он использует свою хватку, чтобы затащить меня на стул.

– Садись.

– Я нужна Джереми.

– Ты нужна Джереми? – Повторяет он с завуалированной угрозой.

– Кем, черт возьми, ты себя возомнила?

– Твоей женой. Ты превратил меня в нее, помнишь?

– И ты думаешь, что это волшебным образом делает тебя его матерью?

Правильно. Я не его мать. Почему, черт возьми, я так зла? Адриан – его отец, и ему, похоже, наплевать, так что я не должна волноваться из-за этого.

И все же я волнуюсь.

Горячее пламя пузырится в моих венах от того, как Адриан так небрежно отпустил своего сына. Такие люди, как он, не заслуживают детей, да и вообще никого.

Он снова режет яйца, как ни в чем не бывало, его пальцы управляются с ножом с бесконечной легкостью. Поджав губы, я тоже решила позавтракать. В конце концов, именно по этой причине я здесь.

Чтобы поесть.

Я делаю двойной сэндвич с маслом и желе, используя три ломтика тоста, затем щедро откусываю. Непроизвольный вздох слетает с моих губ, когда еда оседает в желудке.

Только сделав глоток кофе с молоком, как я предпочитаю, я замечаю, что Адриан и его строгая учительница смотрят на меня. Их пристальные, немигающие взгляды, словно я какое-то животное в зоопарке.

Я сделала что-то против этикета или что-то еще? Я старалась есть медленно.

Мой ненастоящий муж делает глоток собственного кофе – черного, как его душа, – и продолжает наблюдать за мной поверх кружки. У него убийственный взгляд, клянусь. Не произнося ни слова, он умудряется подтолкнуть меня к краю сиденья.

– Это Огла. – Адриан мотает головой в сторону суровой учительницы. – Ты можешь спросить ее о том, как ты себя вела. Она знает, что ты потеряла память.

Я собираюсь сказать ему, что не потеряла память, что играю только роль, но потом понимаю, к чему он клонит. Если он расскажет всем, что я потеряла память, нам с ним многое сойдет с рук, когда я буду вести себя не так, как Лия.

Он умен, но и большинство придурков тоже.

Строгая учительница Огла резко кивает мне, и я неуверенно отвечаю.

Он продолжает смотреть, как я ем, и это его нервирует. Я заставляю себя жевать медленнее, но его пристальный взгляд вызывает у меня несварение желудка.

– Тебе разрешено обходить территорию, за исключением гостевого дома.

У него есть гостевой дом? Прошлой ночью было темно, так что я не смогла бы его разглядеть, даже если бы попыталась.

Теперь, когда он упоминает об этом и специально говорит мне не ходить туда, мое внимание задето. Любопытство болезненно, как голодное животное, требующее кусок мяса. Было бы лучше, если бы он не предупреждал меня с самого начала.

– Ты не должна покидать дом.

– Я не твоя пленница, Адриан.

Он поднимает бровь.

– Ты та, кем я скажу тебе быть. Названия имеют мало значения, и это зависит от тебя, как ты их используешь. Если ты предпочитаешь называть себя принцессой, а не пленницей, пожалуйста. Факт остается фактом: тебе не разрешается выходить на улицу без сопровождения и с моего разрешения.

Он только что сказал «без сопровождения»?

– Повтори, чем именно ты сказал занимаешься?

– Я не говорил, чем занимаюсь.

– Ну, ты должен, потому что я не совсем понимаю эти безумные меры.

Он прищуривается, и Огла пристально смотрит на меня, словно я капризный ребенок, которого она хочет шлепнуть по рукам.

– Что? – говорю я им обоим и делаю глоток кофе. – Я задаю искренний вопрос. Если ты не хочешь, чтобы я знала, прекрасно, но, если ты каким-то образом шпион, и я действую против правил, ты можешь винить только себя.

Адриан спокойно ставит чашку кофе на стол.

– Выйди, Огла.

Я напрягаюсь от его обманчивого спокойствия. Может быть, то, что я сказала, тоже считалось ответом. Но я не была язвительной. Я почти уверена, что нет.

Огла свирепо смотрит на меня, и даже с ее отношением я готова умолять ее остаться. Я не хочу сейчас оставаться наедине с Адрианом.

Дверь за ней закрывается с окончательностью, которая эхом отдается в моей груди.

Воздух сдвигается, сгущаясь от невысказанных слов и напряжения, которое можно резать ножом.

Я остаюсь совершенно неподвижной, мои пальцы сжимают чашку кофе, но я не осмеливаюсь сделать глоток.

Тело Адриана становится больше, чем жизнь. Он все еще сидит, но я почти чувствую, как его тень нависает надо мной, словно роковая.

– Что я говорил насчет того, чтобы отвечать мне?

– Я не хотела, – выпаливаю я. – Я только спросила.

Он встает, и мой позвоночник резко выпрямляется, когда он нависает надо мной. Я продолжаю смотреть на незаконченный тост, который оставила на столе, надеясь, что каким-то образом стану им или чашкой кофе, или любой другой посудой, просто чтобы избежать его пристального взгляда.

Адриан скользит пальцами под мой подбородок и приподнимает его. Я хочу отвести взгляд, и не только из-за общего дискомфорта, который доставляют мне его глаза. Теперь они стали более сосредоточенными, более жесткими, как будто он собирал все свое неодобрение со мной с момента нашей встречи и до сих пор.

– Ты не проявляешь неуважения ко мне в присутствии персонала. Ты не проявляешь ко мне неуважения. Точка.

– Окей.

– Я сказал забыть это гребаное слово.

– Прекрасно. В порядке.

– Это что, сарказм?

– Нет?

– Почему это был вопрос?

– Я не знаю.

Все, в чем я сейчас уверена, так это в том, что хочу, чтобы он меня отпустил.

Чем больше его кожа соприкасается с моей, тем сильнее я думаю о кошмаре. То, как его тело насильовало мое, и то, как я не сопротивлялась.

Разочарование настолько глубоко, что я хочу заглядить его сейчас, в реальной жизни, но даже я знаю, что, если я попытаюсь причинить ему боль, я заплачу за это.

Его пальцы путешествуют от моего подбородка к шее, вызывая дрожь и мурашки. Я ожидаю, что он задушит меня или что-то в этом роде, но он хватает меня за плечо, его серые глаза темнеют, как в кошмаре.

– Наклонись.

– З-зачем?

– Я говорил, что если ты будешь возражать, то будешь наказана.

Мои губы приоткрываются при этом слове. *Наказана*. Война взрывается в моей груди, и мои бедра трясутся, когда я пытаюсь торговаться.

– Но я не имела это в виду.

– Мне всё равно. Ты бросаешь мне вызов, ты наказана. Это просто.

– Я больше не буду этого делать. Я обещаю.

– Если ты не узнаешь своего наказания, ты будешь продолжать это делать.

– Просто дай мне шанс.

– Я был снисходителен со вчерашнего вечера, Лия, но ты продолжаешь бросать мне вызов и давить на меня.

– Нет. Я не делаю это.

– Вот, простой пример. Ты, кажется, не понимаешь всей реальности ситуации, и я с радостью готов запечатлеть это глубоко в твоих костях.

Его тон, хотя и тихий, пробирает меня до самых глубин души.

– Адриан... пожалуйста...

– Каждая минута, потраченная впустую, будет извлечена из твоей плоти.

– Он хватает меня за плечо, заставляя встать. Я выпускаю чашку с кофе с болезненным звуком.

Мои ноги дрожат, когда он отодвигает стул, его скрип по полу имитирует скрип стен моего сердца.

Вместо того, чтобы ждать, пока я выполню его приказ, Адриан переворачивает скатерть, на которой стоят все тарелки, и убирает ее одним безжалостным рывком. Тарелки звенят друг о друга, чашки с кофе проливаются на материал и капают на пол.

– Адриан... – Говорю я, пытаюсь сделать последнюю попытку. – *Пожалуйста.*

– Слишком рано умолять, Лия. Прибереги его на тот случай, когда он тебе действительно понадобится. – Он кладет ладони мне на спину и толкает

меня к столу. Моя щека соприкасается с холодной деревянной поверхностью, и я стараюсь не задыхаться здесь и сейчас.

Я ненавижу, когда мое тело находится в состоянии полной боевой готовности. Странный шлепок покалывает внизу живота, сжимает его, *пробуждает*.

Адриан, однако, уверен; в каждом его движении есть цель, которая должна быть достигнута. Он тянется ко мне спереди и расстегивает пояс шарфа, затем пуговицу.

Я ненадолго закрываю глаза, когда ткань скользит вниз по моим ногам и сгибается вокруг лодыжек. Я стараюсь забыть то, что он видит, мое положение – согнутая задница в воздухе и у него на виду.

Это не сложно, когда его рука касается моей задницы.

Первый шлепок отражается в воздухе, резкий и уродливый. Несмотря на то, что я все еще в трусиках, моя ягодица пылает.

После второго шлепка все мое тело катится вперед по деревянной поверхности. Я хватаюсь за край стола жесткими пальцами, когда жгучая боль усиливается.

Его рука жесткая, безжалостная, с единственной целью – наказать меня, укрепить свою власть под моей кожей.

Но в этой демонстрации власти, такой спокойной и властной, как она есть, он показывает мне часть себя, которую я не видела раньше.

Контроль.

Он процветает на этом. На самом деле, он наказывает меня, чтобы я не бросила ему вызов. И с каждым шлепком по моей заднице он запечатлевает это во всем моем существе.

Лучше бы я на это не реагировала. А еще лучше, если бы я смотрела на это, как в кошмаре, – как на надругательство. Вместо этого шок ощущений взрывается на моей коже с каждым его прикосновением. Как будто что-то дремало, и он прощупывает это, пробуждает.

Реакция моего тела на его прикосновение пугает меня больше, чем его наказание. Больше, чем кошмар.

Больше, чем все, что я испытывала раньше.

Адриан хватается мой хвостик за ленту, которой я его завязала, и дергает меня за нее.

– Кто тебе разрешил так одеваться?

Я плотно сжимаю губы, но это не только потому, что я отказываюсь говорить с ним, это также для того, чтобы заглушить странную напряженность, проходящую через мои ноги, мой живот и даже мои чертовы соски.

Это должно быть из-за беспокойства и страха. Я отказываюсь верить, что это связано с чем-то еще.

Адриан снова шлепает меня по заднице, и из моего рта вырывается жалобный звук. Я так сильно сжимаю губу зубами, что уже после пятого шлепка ощущаю металлический привкус.

Я готова окровавить губы и отрезать язык, вместо того чтобы показать ему, какой эффект он на меня оказывает. Он не получит удовольствия, увидев, как я падаю.

Никто не получит.

Даже если мои внутренности царапаются и противно издают больше звуков.

– Ты будешь знать свое место. – *Шлепок*. – Ты не станешь мне перечить.
– *Шлепок*. – Это понятно?

– Да... да... пожалуйста, перестань. – Я всхлипываю, но это совсем не от боли.

Мои внутренние бедра горячие, покалывающие, возбужденные каждым шлепком. Мне это не нравится, и я сделаю все, чтобы это закончилось.

Он делает паузу.

– Ты будешь делать то, что тебе говорят?

– Да... – Мой голос хриплый, даже знойный.

Когда он снова не шлепает меня по заднице, я думаю, что он отпустит меня, но затем два его пальца скользят по моим складкам поверх ткани трусиков.

Моя голова откидывается назад, чтобы посмотреть на него, в то время как злая ухмылка окрашивает его губы. Это делает его похожим на злодея, который только что нашел свою следующую цель.

– Так вот почему ты хотела, чтобы я остановился. Тебе нравилось, когда тебя наказывали? Тебе это понравилось?

Я отчаянно качаю головой, опровергая доказательства того, по чему он скользит пальцами.

Он наклоняется, пока его губы не касаются раковины моего уха.

– Твоя мокрая киска говорит обратное.

– Нет... – Я продолжаю качать головой, не желая верить, что я из тех людей, которых заводит подобная порочность.

Я ванильная и всегда такой буду.

– Перестань отрицать, Lenochka.

Опять это прозвище. Я не знаю, что это значит, но ненавижу его. Я не хочу, чтобы он называл меня так. Я не хочу, чтобы он использовал меня так, будто я действительно его жена.

Я не его жена. Я играю эту чертову роль только для того, чтобы выжить.

– Нет, – говорю я, на этот раз яснее.

Он продолжает гладить мои складки поверх ткани, и я закрываю глаза, ожидая, что ощущение исчезнет, но с каждым прикосновением моя кожа нагревается до тревожного уровня. Отпечатки ладоней, которые он оставил на моей заднице, горят еще сильнее, чем, когда он шлепал меня, добавляясь к моей агонии.

– Ты можешь быть упрямой сколько угодно, но ты не можешь отказать себе, Lenochka. – Он просовывает руку под мои трусики, и его большой палец находит обнаженную кожу, которую его люди начисто натерли воском.

Он движется прямо к набухшему бугорку моего клитора, как будто точно знает, где он, не глядя. Он щелкает им один раз, и моя спина выгибается над столом. В сочетании с его опытным, размеренным трением о мои складки и стимуляцией моей задницы, я чувствую, что сгораю в огне.

Одними руками он сталкивает меня с крутого обрыва. Я чувствую, как эти звуки пытаются вырваться на свободу, и сильнее прикусываю губу, ощущая вкус металла.

Но на этот раз я не могу контролировать взрыв, который вспыхивает в моей сердцевине и прорывается через все мое тело.

Он медленно выползает из меня, но, когда он поглощает меня, мне конец. Полностью и без выхода.

Я продолжаю кусать губу, даже когда меня трясет от неистового удовольствия, которое он вырывает из меня.

Я продолжаю кусать губы, даже когда чувство становится настолько сильным, что мне хочется кричать вслух. Даже когда я заглушаю себя, мне кажется, что я лишаю себя собственного удовольствия. Моего желания. Моей ужасающей похоти.

Дрожь все еще охватывает меня после того, как Адриан убирает руку с моих трусиков. Однако он не отпускает мои волосы и остается в таком положении достаточно долго, чтобы моя задница немного остыла.

Я хочу украдкой взглянуть на него, чтобы увидеть, как дьявол выглядит после того, как он получает то, что хочет. Но у меня нет возможности возразить против этой мысли, когда он переворачивает меня. Моя спина упирается в стол, и я думаю, что он трахнет меня или что-то в этом роде, но он просто продолжает смотреть на меня в этой тревожной невыразительной манере.

Я не могу поверить, что думаю об этом, но мне больше нравится, как темнеют его глаза. По крайней мере, тогда я могу сказать, что он чем-то недоволен. Но сейчас? Он кажется высокой крепкой стеной, на которую невозможно взобраться или разрушить.

Чем больше он наблюдает за мной, тем тяжелее становится мое дыхание. Я ненавижу находиться под его пристальным вниманием. Или под его крышей. Я ненавижу находиться под его властью.

Он проводит кончиком пальца по моей нижней губе и заставляет меня выпустить ее из-под зубов. Я забыла, что все еще приглушаю свой голос даже после того, как кончила от оргазма.

Он ласкает разбитую кожу, но это далеко не нежный жест. Это обманчиво, тайно грубо и бессердечно.

– Ты можешь прятаться сколько хочешь, в конце концов, я тебя вытащу.

Удачи в поиске того, чего там нет.

Адриан Волков мог бы подумать, что сорвал джекпот, найдя двойника своей мертвой жены, но он не знает, что наткнулся на оболочку.

А внутри этой оболочки нет ничего, что можно было бы вытащить.

Глава 12

Уинтер

Я еще долго стою, прислонившись к столу, после того как Адриан уходит. Я не смотрела на него, потому что если бы посмотрела, то испугалась бы полной темноты в его глазах.

Мои шорты все еще скомканы вокруг лодыжек, потому что у меня не было сил натянуть их. Мое достоинство тоже где-то на полу, так как я остаюсь здесь, обнимая стол даже после того, как щелчок двери эхом отдается в тихой столовой.

Я не хочу думать о том, что только что произошло, или о том, как неловко я на это отреагировала, но это не значит, что я этого не чувствую. Отпечатки рук, пламя на моей заднице. Проклятое покалывание внутри.

Медленно закрыв глаза, я делаю глубокий вдох и выпрямляюсь. Движение смещает покалывание, и кажется, что мой мир горит. Я осторожно подтягиваю шорты, но моя задница горит. Трение заставляет меня стонать. Теперь я не стану скрывать это, потому что его здесь нет, и он меня не услышит.

Все так запутано.

Мне нужна выпивка. *Или две.*

Я слишком долго была трезва и, наверное, поэтому так реагирую. Если я буду наполовину пьяна, как обычно, или, еще лучше, полностью пьяна, я вернусь к своему роботизированному «я», которое почти ничего не чувствует.

Ларри никогда не одобрял моих пристрастий к выпивке, и я скучаю по нему, но я не могу его видеть, так что это требует еще выпивки.

Я обыскиваю деревянные шкафы по бокам комнаты, но ничего не нахожу. Наверное, они держат спиртное на кухне.

Выйдя из столовой, я иду по тому пути, который мне показывала Огла, пока не оказываюсь в прихожей. Я иду в противоположном направлении, предполагая, что там будет кухня.

Конечно же, я нахожу ее. Пространство большое и намного чище, чем любое место для приготовления пищи, которое я видела раньше. Белые столешницы сияют, а кухонные инструменты из нержавеющей стали занимают часть стойки, ожидая, когда их используют.

Я нервничаю, когда прикасаюсь к чему-нибудь, чтобы не испортить что-нибудь. Но моя потребность выпить перевешивает это чувство. У меня постоянно болит затылок, и эта боль ослабевает только от алкоголя.

Я начинаю с холодильника. Там есть вода, фрукты, овощи и бутылки с соком. Но никаких следов пива. Поэтому я перехожу к шкафам, проверяя их один за другим. Я нахожу крупы, вероятно, для Джереми, специи, кое-какую посуду, но никаких следов алкоголя.

Мои поиски становятся все более паническими, когда я открываю и закрываю каждый шкаф, лихорадочно роясь в них.

– Вы что-то ищете, госпожа Волкова?

Я вздрагиваю, дергаюсь назад, но моя рука остается на ручке шкафа, когда я смотрю на Оглу. Она стоит у входа, выражение лица, как обычно, замкнутое.

– Я... эмм... ты знаешь, где пиво?

– У нас нет пива.

Адриан похож на сноба, который не пьет пиво, так что в этом есть смысл. Я делаю еще одну попытку.

– Виски?

– Нет.

– Вино?

– Нет.

– У вас здесь есть алкогольные напитки?

– Нет.

– Как такое возможно? Разве Адриан не пьет?

– Не в доме, госпожа Волкова.

Я хочу спросить ее, почему, черт возьми, он этого не делает, но ее замкнутый тон и лицо удерживают меня от этого. Сомневаюсь, что она ответит, если я спрошу.

От недостатка алкоголя у меня болит голова. Это даже хуже, чем несколько секунд назад. Каждый наркоман, вроде меня, держится за обещание следующего удара, глотка, чего-нибудь, чтобы облегчить боль. Вопреки распространенному мнению, мы терпим, но только потому, что наш мозг настроен на идею мгновенного удовлетворения после определенного времени ожидания. Теперь, когда мой мозг понял, что алкоголя не будет, он активно пытается расколоть мою голову, и поэтому я уступаю его требованиям.

– Я пойду в магазин за пивом. Могу я попросить их записать это на счет Адриана? – как бы невзначай спрашиваю я Оглу, пытаюсь пройти мимо нее.

Она поднимает руку, преграждая мне выход.

– Господин Волков дал четкие указания, чтобы вы не покидали территорию.

Этот мудака действительно упоминал об этом.

– Это не займет много времени, – торгуюсь я.

– Нет.

– Ты мне не начальник, Огла. Я могу оттолкнуть тебя и уйти.

– Я бы вам этого не советовала, госпожа Волкова. Охранники снаружи остановят вас менее мягкими методами.

У него есть еще охранники снаружи? Я думала, что Громоздкий Блондин и Кривоносый были единственными, и я предполагала, что они следовали за ним, куда бы он ни пошел.

– Значит, ты сходишь, – с надеждой говорю я.

Она качает головой.

– Значит, один из охранников может сходить?

– Алкоголь в доме запрещен. Вам придется к этому привыкнуть.

Я не могу просто привыкнуть к этому. Я была пьяна большую часть своей жизни. Окей, это преувеличение, но я всегда была немного пьяна, и именно поэтому мне удавалось держаться подальше от своей головы. Вот как я притупила свои чувства.

Если я трезвая, все мои эмоции будут чистыми и незащищенными, как и все, что я испытала сегодня утром. Если подумать, мне, наверное, приснился кошмар, потому что я не спала, будучи пьяной. Я не хочу знать, что будет, если я останусь в таком состоянии.

Я не готова испытать это.

Жаль, что я не могу связаться с Ларри, чтобы он мог передать мне немного пива. Но это было бы так же трудно, как искать конкретного муравья на муравьиной ферме. Ларри всегда был тем, кто находил что-то, а не наоборот. Кроме того, я понятия не имею, где находится этот особняк и как далеко он от города.

И если я попытаюсь сбежать, Адриан сдаст меня, не задумываясь.

Огла все еще смотрит на меня, как будто ожидая, что я снова буду торговаться, но я уже знаю, что она проиграла. Я не сомневаюсь, что она доложит Адриану обо всем, что я скажу или сделаю, поэтому я должна быть умной, чтобы иметь с ней дело.

Я смотрю на нее, встречая ее тихую злобу созерцанием. Адриан сказал, что я могу спросить ее о том, чего «не помню». Хмм. Манипулятивный ублюдок.

– Эй, Огла.

– Да?

– А чем именно занимается Адриан?

Она делает паузу, как будто не ожидала этого вопроса, затем говорит.

– Почему вы интересуетесь?

– Он велел спрашивать вас о чем угодно, и я полагаю, что это относится к этой категории. Я уверена, что знала все о его работе до того, как потеряла память, так что вам придется освежить ее для меня.

Я ожидаю, что она отмахнется от меня, но она говорит.

– Господин Волков – часть русской мафии.

В конце концов, он не шпион, но это не шок. Он может сойти за гангстера, хотя его стиль и черты лица утончены.

Разговор, который я подслушала у фанатов "Гигантов" о Братве, снова возвращается, и я сглатываю. Они говорили, что это опасные люди, которые без колебаний убивают. Не то чтобы я должна была удивляться, что Адриан – убийца, но эта информация ставит все в реальную – и ужасающую – перспективу.

Он один из тех опасных людей. И дело не только в том, какую атмосферу он излучает. Все его существование направлено на то, чтобы вызвать страх в сердцах каждого, кто говорит о нем или его организации.

– Часть? – спрашиваю я, решив продолжить протупывание Оглы. Мне нужна точная оценка ситуации, чтобы я могла с ней справиться.

– Да.

– Что значит «часть»?

– Это значит, что он участник.

Пытаться получить информацию от этой женщины – все равно что вырывать зубы, но я сдерживаю свое раздражение.

– Кажется, он выше, у него есть охрана и он живет в особняке.

– Так и есть.

– Насколько выше?

– Прямо под *Паханом*.

Я как-то слышала этот термин.

– Это главарь мафии?

– Да, лидер Братвы, господин Волков – мозг большинства операций.

Опять же, я должна быть удивлена, но я не удивлена. Адриан, похоже, из тех ублюдков, которые разрабатывают стратегию на заднем плане, чтобы нанести большой урон с меньшими потерями.

Но теперь, когда я знаю, что он так *высоко*, я не знаю, почему я вдруг нервничаю. Тысячи мыслей занимают мой ум, и самая главная из них – что я не должна быть здесь. А вторая – что я попала в беду.

Однако у меня не было выбора. Либо стать женой мафиози, либо сгнить в тюрьме.

Хотя, чем больше времени я провожу в компании Адриана, тем серьезнее я принимаю идею тюрьмы.

– Если вы закончили завтракать, вам нужно учиться, – Огла обращает мое внимание на настоящее.

– Учиться?

– Следуйте за мной.

Я знаю, но не знаю, к чему она клонит. Она ведет меня в гостиную и указывает на кофейный столик, на котором лежит iPad и телефон.

– Это будет ваш телефон. Мой номер три на быстром наборе. Коля – два.

– Коля?

– Он заместитель господина Волкова.

– О, он Громоздкий Блондин или Кривоносый?

Она замолкает, вероятно, услышав мои слова.

– Тот, что покрупнее.

– Как зовут Кривоносого?

– Ян. Он – цифра четыре на быстром наборе.

– Дайте угадаю. Адриан на единице?

– Да, но вы не должны звонить ему, если только это не вопрос жизни или смерти, и вы не можете связаться ни с кем из нас.

– Я вообще не буду ему звонить, большое спасибо, – бормочу я.

Она прищуривается, но никак не комментирует мой тон, поэтому я спрашиваю.

– iPad здесь для развлечений?

– Он для обучения.

– Обучения чего?

– Братвы. Вы жена господина Волкова, и, хотя он не часто берет вас с собой, вам приходится несколько раз в год появляться рядом с ним. Для этого нужно знать структуру, иерархию, знать имена всех членов братства и его ближайшего окружения.

– Но зачем? Я думала, он всем расскажет, что я потеряла память.

– Об этом не может быть и речи, госпожа Волкова. Вы должны вести себя так же, как и раньше.

– Но вы, ребята, знаете. Вы, Коля и Ян.

– Мы преданы господину Волкову. Люди снаружи – нет. – Она наклоняет подбородок к iPad. – Вы должны изучить это в течение недели. Если у вас есть какие-то вопросы, спросите меня.

Затем она поворачивается и уходит, стуча каблуками по деревянному полу. Я плюхаюсь на диван и вздрагиваю, когда моя задница горит, ощущение руки Адриана на мне возвращается на передний план моего сознания. То, как он прикасался ко мне так твердо, уверенно, без малейшего колебания. Он спровоцировал часть меня, о существовании которой я и не подозревала, часть, которая интриговала и пугала меня одновременно. Однако страх определенно присутствует в большей степени

Я беру iPad в руки и открываю его, чтобы найти документ длиной в сотни страниц. Черт возьми. Кто нашел время составить его? Я никогда не была большим читателем, так что это будет похоже на вырывание зубов.

Но эй, по крайней мере, под каждым именем есть фотографии.

Я уже собираюсь начать, когда вспоминаю кое-что гораздо более важное, чем все это.

Джереми.

Я была слишком поглощена своей тягой к алкоголю раньше – и до сих пор – что забыла о нем. Я бросаю iPad и засовываю телефон в карман, прежде чем подняться наверх, где, как я предполагаю, находится его комната. Я иду в сторону спальни Адриана, думая, что они с Лией поселили бы своего ребенка рядом с ними.

Попробовав несколько дверей, я не нахожу комнату Джереми. Мне требуется еще несколько попыток на противоположной стороне коридора, прежде чем я замечаю молодую женщину, закрывающую дверь. Она блондинка с коротко подстриженными волосами, не вызывающая, а скорее, как книжный ботаник. Веснушки покрывают ее щеки и нос, а кожа медового цвета. Она несет поднос с хлопьями, которые кажутся нетронутыми, и не замечает меня, когда идет по коридору. Там есть другие лестницы? Я изучу их позже.

Я подкрадываюсь к комнате, которую она покинула, и останавливаюсь перед ней, чтобы сделать глубокий вдох, прежде чем открыть дверь.

Конечно же, Джереми сидит на полу, окруженный бесчисленными игрушками. Его волосы падают на лоб, отчаянно нуждаясь в стрижке. Его серые глаза кажутся загадочными даже для ребенка. Он так похож на Адриана, что это немного тревожит.

Хотя он и играет, на его лице нет выражения радости. Только сосредоточенность и печаль, как будто внутри него чего-то не хватает, и он пытается заполнить это игрой.

– Эй, Джереми, – тихо говорю я.

Его глаза вспыхивают, пальцы застывают на игрушечном солдатики, но затем он поднимает его и бросает мне в грудь. Он попадает мне в грудь, прежде чем упасть на землю.

– Убирайся!

Как агрессивно.

Но каким-то образом я могу видеть сквозь его агрессивность и причину, по которой он так себя ведет.

Выражение его глаз говорит само за себя. Это одна из причин, почему я почувствовала себя не в своей тарелке и упала в обморок после первой встречи с ним. Я разделяю этот взгляд, но с другой стороны.

Он скучает по своей матери, а я по своей малышке.

Мы оба – две незавершенные части, которые, возможно, были собраны вместе судьбой.

Или его засранцем-отцом.

Когда я не пытаюсь уйти, он бросает в меня еще одного солдата.

– Я сказал, уходи.

Я закрываю дверь и медленно подхожу к нему, чтобы не вызвать негативной реакции. Когда он больше ничего не бросает в меня, я присаживаюсь перед ним на корточки, стараясь быть на одном уровне с ним, и смягчая свой голос.

– Тебе грустно, что я ушла раньше, Джереми?

– Нет, – Его губы дрожат, когда он хватает по солдатику в каждую руку.

– Мне было грустно. – Мой собственный голос дрожит, когда я вижу свою дочь в его невинных глазах. – Я так скучала по тебе, что не смогла бы жить в этом мире без тебя. Все стало таким унылым и скучным. Все, чего я хотела, – это найти тебя.

– Тогда почему ты этого не сделала? – шепчет он, глядя на меня из-под ресниц.

– Потому что я должна была жить для нас обоих. Я не могла умереть, малыш.

– Ты собиралась умереть? — В его голосе столько страха, что я внутренне пинаю себя за это.

– Нет, конечно, нет.

– Правда?

– Правда. Я ведь здесь, не так ли?

Он толкает обоих солдатиков головами друг к другу и пристально смотрит на них, бормоча. – Ты собираешься снова уйти?

– Абсолютно нет. – Это ложь, но слова слетают с моих губ, как самая правдивая вещь, которую я когда-либо говорила.

Прежде чем я успеваю подумать об этом, Джереми бросается ко мне с крепкими объятиями. Его руки обхватывают меня за талию с такой силой, что я падаю на задницу.

Я чувствую, как он шмыгает носом у меня на груди.

– Я с-скучал по тебе, мамочка. Пожалуйста, не оставляй меня.

– Никогда. – Слова вылетают из моих уст с такой убежденностью, что у меня перехватывает дыхание. Я крепко обнимаю его и целую в макушку, не торопясь вдыхать его запах. Он похож на маленький зефир, мягкий и красивый.

– И призраком тоже не становись, – хнычет он.

– Призраком?

Он кивает мне в грудь, не поднимая головы.

– На днях ты была призраком. Мне не нравится мама-призрак. Она была страшной.

Глава 13

Адриан

Наши встречи, чтобы обсудить дела братства, сейчас меня волновали меньше всего.

По крайней мере, большую часть времени.

У меня есть своя роль, и она за кулисами. Решения, которые принимает *Пахан*, напрямую зависят от моего мнения, подкрепленного моей информацией.

Мое возвышение в рядах братства, чтобы стать одним из его самых незаменимых столпов, произошло не по чистой случайности. Я не зашел так далеко, используя силу, как Дэмиен, или манипулируя, как Кирилл.

Это была логика.

Я рано понял, что для того, чтобы продолжать расти в Братве, мне нужны системы на месте. Доверенные люди – Коля и Ян, хотя последний и давит. Хакеры. Информаторы в каждой возможной организации.

Хотя эти элементы были на месте во времена моего отца, они не были использованы в полной мере. Я изменил это и сделал их самой сильной частью братства.

Власть не выкрикивает приказы и не поднимает оружие. Это не объявление войн и не командование ударами в шоу мужественности.

Истинная сила кипит внутри, приглушенная тихими голосами и внушающая страх на публике.

Вот кем я стал. Тот, чью тень ощущают все, даже когда меня нет рядом, будь то в братстве или за его пределами.

Они могут не любить меня – и многие не любят, – но они боятся меня. Из-за моих систем они не знают, есть ли у меня кадры с ними в компрометирующих позициях. На несанкционированной встрече с боссом картеля в Южной Америке. На яхте, плывущей по Средиземному морю,

которую они присвоили у своей организации. В доме мэра, трахая его и его жену, когда они должны были просто приглядывать за ними.

Легко наблюдать за всеми из пределов моего дома. Система, которую я долго строил, работает без сбоев, и мне больше не приходится вмешиваться в ее ход.

Как только мои враги – и так называемые братья – узнают, что я достаточно силен, чтобы сокрушить их, они не посмеют мне перечить. Некоторые из них все еще пытаются стереть меня время от времени, но благодаря моей системе, хакерам и Коле они терпят неудачу.

Однажды они подошли совсем близко. Только *однажды*. И я выясню причину сбоя моей системы в этом случае, если это будет последнее, что я сделаю.

Из-за моей невидимой роли в братстве мне не особенно нужно посещать собрания. То, в чем меня упрекают другие члены элитной группы. Но предыдущий *Пахан*, Николай, и нынешний, его брат Сергей, всегда освобождали меня от необходимости присутствовать. Они достаточно умны, чтобы понять, что мне лучше использовать свою систему и приносить им результаты.

Или, по крайней мере, мне так показалось.

В то время как он был согласен с моим способом делать вещи, его недавние подозрения обо мне беспокоят. Теперь мне придется снова доказывать свою преданность, но я не могу быть очевидным, потому что это еще больше поднимет его тревогу.

Мы в его особняке, расположенном на окраине Бруклина. Этот дом десятилетиями использовался как резиденция братства в Нью-Йорке. Когда мой отец привез меня сюда ребенком, я думал, что это чудовище, но гораздо менее чудовищное, чем наш собственный дом.

Я сижу справа от Сергея за столом для совещаний, покачивая стакан коньяка, из которого не пил. *Пахану* за шестьдесят, и он скрывает свой рак от братства. Я уже понял это вскоре после него.

Да, у меня даже есть шпионы на моего собственного *Пахана*. Люди переполнены секретами, и именно эти секреты держат меня на шаг впереди них. Мужчины здесь используют пистолеты в качестве оружия. Мое оружие – это информация. Это смертоноснее, быстрее и эффективнее.

Причина, по которой я не сдал Сергея, используя его слабость – рак, – заключается в том, что это вызовет сдвиг власти. Хотя мне наплевать на то, чтобы спровоцировать хаос, я не в настроении разбираться с этим в такое время.

Только высшие чины братства могут присутствовать на завтраке в доме *Пахана*. Из уважения к вам, количество присутствующих охранников ограничено нашими старшими солдатами. Коля стоит за моей спиной уверенно и крепко, как гора. Ян остается снаружи.

Другие четыре короля занимают остальные места. Игорь и Михаил родом из времен Сергея, поэтому они древние и скорее говорят по-русски, чем по-английски. Двое других, Кирилл и Дэмиен, прожили в Америке достаточно долго, чтобы говорить по-английски с едва заметным акцентом.

Я в середине. Некий русский ублюдок.

К нам присоединяются еще двое. Первый человек – Рай, внучатая племянница Сергея, внучка предыдущего *Пахана*, и единственная женщина, у которой хватает наглости ворваться на собрание братства.

Она теперь завсегдатай, хотя и на третьем месяце беременности. Ее живот начинает выпячиваться, но это не мешает ей приходить сюда, будто она имеет на это полное право.

Она не имеет. И если бы она была любой другой женщиной, ее бы изгнали, но ее родство с предыдущим и нынешним *Паханом* удерживает большинство мужчин здесь от того, чтобы фактически выгнать ее.

Возможно, это также связано с ее мужем, который сидит рядом с ней. Он наемный убийца, снайпер, и все знают, что его нельзя провоцировать, особенно когда дело касается ее.

Причина, по которой я хочу выстрелить ей между глаз, не в том, что она женщина, или потому, что она активно пытается устранить моих шпионов из «V Corp», легальной части братства, в котором она является исполнительным директором. Это потому, что она вмешалась в то, во что не должна была вмешиваться.

Она – причина, по которой я потерял Лию, и я не остановлюсь, пока не узнаю почему.

Пока Сергей рассказывает о нашем недавнем столкновении с ирландцами и возможном перемирии с их новым молодым лидером, я продолжаю смотреть на пустой стул слева от него. Стул Владимира.

Он не пропускает собрания. Я пропускаю. Так что его отсутствие не только подтверждает слова Кирилла, но и означает, что Владимир идет на все ради этого.

– А ты как думаешь, Адриан? – спрашивает меня Сергей.

– Ирландцы не примут союз так скоро после нашего недавнего спора. Мы убили многих из их людей, и это не исчезает просто сменой руководства. Мы должны дать им время. – говорю я, как будто слушаю все, о чем они говорят. Я преуспел в искусстве обмана. Еще с детства.

Мои родители позаботились об этом.

После кивка Сергея собрание переходит к обсуждению некоторых стратегий, которые я пропускаю мимо ушей. Я жду возможности спросить о Владимире, не будучи очевидным.

В то время как моя система эффективна, Владимир знает об этом и, следовательно, он в состоянии избежать ее. Не совсем, но даже этого небольшого промежутка достаточно, чтобы исказить мой план действий. Я не могу принимать никаких решений, пока не узнаю, что он задумал. В противном случае, они были бы неэффективными ударами в темноте, которые могли бы – и будут – иметь обратный эффект против меня.

Как только Кирилл упоминает что-то о помощи в доставке наркотиков, я делаю глоток и говорю небрежно.

– Разве Владимир не должен помочь?

– Владимир занят кое-чем другим. – говорит Сергей, пренебрежительно махнув рукой. – Дэмиен, ты помогаешь.

– Но это же скучно, *Пахан*, – скулит тот, как ребенок, который не может играть со своими игрушками, то есть с оружием.

– Ты говоришь мне «нет»?

– Конечно, нет. Я счастлив быть полезным. – Он вздыхает и достает сигарету, потом бормочет себе под нос Кириллу. – Ублюдок.

Кирилл лишь ухмыляется, поправляя средним пальцем очки в черной оправе.

– Чем занят Владимир? – прямо спрашиваю я, на что Кирилл поднимает бровь. Он знает, что я не предпочитаю прямой конфликт, если это не является абсолютно необходимым.

– Ты все узнаешь, когда я разрешу, – Сергей встает, давая понять, что встреча окончена. – Мы еще поговорим о дне рождения Игоря, который я устраиваю в его честь. Приглашаются все желающие.

– Да, *Пахан*, – соглашаются все остальные.

Вместо того чтобы уйти, Сергей смотрит на меня с серьезным выражением.

– Приведи и Лию.

– Ей нездоровится. – говорю я спокойно, хотя часть меня медленно приближается к точке воспламенения.

– Она не может быть слишком больна, чтобы присутствовать на дне рождения Игоря по приглашению самого *пахана*. – Он образно выкручивает мне руку своими целеустремленными словами.

– Да, Адриан. – Рай присоединяется к своему двоюродному дедушке, говоря на безупречном американском. – Приведи Лию. Нам еще *многое* предстоит навестить.

Я не упускаю того, как она говорит «многое». Я мог бы вытащить пистолет, выстрелить ей и ее двоюродному дедушке в лицо и пытаться ее

охранников, чтобы получить ответы. Но тогда меня убьют остальные мужчины или их охранники, а я пока не могу умереть.

– Убедись, чтобы она была там. – приказывает Сергей тоном, не допускающим переговоров.

– Да, *Пахан*. – говорю я небрежно, как будто меня вполне устраивает перспектива привести Лию, когда она совсем не готова.

Сергей уходит, за ним все остальные, кроме Кирилла, который намеренно остается. Нас только двое, Коля и его старший охранник Александр, высокий, но стройный, с лицом женщины или мальчика-подростка.

Кирилл поправляет очки в черной оправе, его губы шевелятся в сардонической улыбке.

– Спрашивать о дорогом Владимире было опрометчиво, Адриан. Я не знаю, насколько ты безрассуден.

– Иногда лучшая защита – это хорошее нападение.

– А иногда прямолинейное оскорбление заставляет тебя раскрыть все свои карты.

– Не беспокойся, Морозов. У меня есть еще карты, чтобы раскрыть их.

Его губы кривятся в уродливой ухмылке.

– Не угрожай мне, когда я могу быть твоим союзником, Адриан.

Я встаю, и Коля встает рядом.

– Мне не нужны союзники.

– Сейчас ты так говоришь, но настанет день, когда ты передумаешь.

– Сомневаюсь.

– Хочешь поспорить?

– Попробуй еще раз через десять лет, Морозов.

Он хихикает.

– Сохрани мой номер, Волков. Он может тебе понадобиться. – Его голос эхом отдается за мной, когда я направляюсь к выходу.

Как только я сажусь в машину, и Ян выезжает с парковки, я говорю Коле.

- Я хочу, чтобы за Кириллом следили.
  - У нас уже есть кое-кто, кто следит за ним.
  - Я хочу кого-то еще. Пусть их будет трое, если понадобится.
  - Да, сэр.
  - И Александр тоже. Следуйте за ним.
  - Считайте, что сделано.
  - Что случилось? – Ян встречает мой взгляд в зеркале заднего вида, затем переводит его на Колю, прежде чем снова сосредоточиться на дороге.
- Я постукиваю пальцем по бедру.
- Кирилл что-то знает, иначе не вел бы себя так самодовольно.
- В машине воцаряется тишина, прежде чем Ян тихо произносит.
- Ты думаешь, он знает о госпоже Волковой?
  - Я не уверен, но все, что он знает, должно быть известно и мне. Это понятно?
- Да, сэр. – отвечают оба.

***

Я провожу большую часть дня в своем офисе в «V Corp», проверяя финансовые отчеты, чтобы моя голова не вращалась в нежелательных направлениях. Но в то же время я придумываю решения. Вот что я делаю, когда меня одолевает работа. Я думаю и позволяю своему разуму перейти в режим перезагрузки.

Я пытаюсь загнать Рай в угол, но, судя по всему, у нее сегодня назначена встреча с врачом, и она рано ушла домой.

Наступит день, и она ответит мне, какими бы методами я ни воспользовался.

Я теряю счет времени и понимаю, что уже десять вечера, когда Коля сообщает мне об этом. Я был так сосредоточен на поиске решения, которое позволило бы Лие пропустить день рождения Игоря, что забыл о ней.

Это неправильно.

Не то чтобы я забыл о ней. Я просто старался выкинуть ее из головы, потому что если я буду держать ее там, то ничего не добьюсь.

Особенно после того, как она кончила мне на пальцы после нескольких шлепков. Она полностью распалась, не сдерживаясь, как будто все это время ждала моего прикосновения.

Вид крови на ее губах не покидает меня, то, как она приглушила свой голос, все еще действует мне на нервы.

Все изменится.

Она изменится.

Коля, Ян и я возвращаемся домой около половины одиннадцатого. Я не утруждаю себя поисками Оглы, потому что теперь, когда я не пытаюсь активно держать Лию подальше от своих мыслей, она – единственное, что занимает мой мозг.

Я иду в нашу спальню и застываю на пороге. Ее там нет. Порывшись в ванной, я возвращаюсь с пустыми руками.

На секунду я застываю на месте, думая о том, куда она могла пойти. Она не могла покинуть территорию, потому что Огла или мои охранники сообщили бы мне об этом. Я знаю это, но возможность тянет за собой пустое место в моей груди.

Она здесь. Я это знаю. Я чувствую ее присутствие в стенах дома, могу видеть его без особых усилий.

Я шагаю в комнату Джереми, и когда открываю дверь, то от открывшегося передо мной зрелища у меня отвисает челюсть. Лия спит на кровати моего сына, прижимая его к груди.

Его крошечные пальчики обхватывают ее талию, и легкая улыбка скользит по его сонному лицу.

В комнате царит хаос, как будто здесь играла целая армия детей. Его игрушечные солдатики разбросаны по полу в окружении дюжины рисунков и разноцветных шарфов.

Неужели она провела весь день с Джереми?

Мой взгляд снова скользит к ним, к тому, как ее джинсовые шорты поднимаются по голым бедрам и как топ обнимает талию, открывая пупок.

Весь вид необычный, но это не помешало моему члену затвердеть этим утром – или начать прямо сейчас.

Я слышу тихие шаги за спиной и даже не оборачиваюсь, когда Огла останавливается позади меня.

– Она пришла сюда после вашего ухода, сэр.

– Что они делали?

– Они играли, потом рисовали, а потом...

Мое внимание на мгновение скользит к ней.

– Что?

Она откашливается.

– Она включила жутко громкую музыку и заставила Джереми танцевать с ней, пока она обматывала их всевозможными шарфами.

Мои губы дергаются.

– Как вел себя Джереми?

– Он смеялся и улыбался весь день и не хотел расставаться с ней.

– Что-нибудь еще?

– Она ничего не узнала из iPad, который вы ей оставили, сэр.

Почему я не удивлен?

– Вы собираетесь навестить госпожу Волкову, сэр? – спрашивает Огла.

Я бросаю на нее вопросительный взгляд.

– Не эту. Другую. – Ее голос становится тише. – С ней случилось что-то странное, и это требует вашего внимания.

Глава 14

Уинтер

Скрип разбудил меня.

Я обнимаю Джереми, но, к счастью, он не шевелится.

Я изучаю свое окружение в поисках звука. Комната пуста, если не считать меня и Джереми, но скрип продолжается, на этот раз громче, усиливаясь до ужасающей интенсивности, прежде чем снаружи раздается классическая музыка.

Мой взгляд падает на Джереми, который все еще мирно спит, его крошечная рука обвивает мою талию. Он не хотел отпускать меня, боясь, что призрак заберет меня.

Не знаю, что он имел в виду, но у детей его возраста дикое воображение, так что это может быть что угодно. Джереми особо умен и быстро схватывает все на лету. Всякий раз, когда я учу его чему-то, его мозг быстро усваивает это, и довольно скоро он начинает подражать мне.

Всепоглощающее головокружение охватывает меня всякий раз, когда он называет меня мамой. Конечно, я этого не заслуживаю, но это лучшее, что случилось со мной с тех пор, как я оказалась на месте Лии. С привязанностью Джереми ко мне я могу притвориться, что мое существование действительно имеет цель, в конце концов.

Классическая музыка теперь звучит громче, огорченно, почти как кульминация сцены. Кто, черт возьми, будет играть музыку посреди ночи, когда спит ребенок?

Осторожно убирая пальцы Джереми, я накрываю его одеялом и медленно подхожу к краю матраса. По пути к двери я наступаю на некоторые из его игрушек, но, к счастью, это не больно, как это было, когда я наступила на них, когда несла его в постель раньше.

Я тихо открываю дверь, затем закрываю ее за собой, когда оказываюсь снаружи. Музыка теперь оглушает, как будто я в оперном театре. Жуткое чувство хватает меня за затылок, как марионеточные струны, когда я спускаюсь по лестнице. Я хватаюсь за перила, чтобы сохранить равновесие, потому что мне кажется, что тот, кто ухватился за веревки, толкнет меня на смерть.

Музыка доносится из гостиной, куда Огла привела меня сегодня утром. Я останавливаюсь у входа, когда выясняю причину музыки.

Женщина.

Она стоит посреди комнаты в подвенечном платье, достигающем ей до колен. Оно точно такое же, как на том плакате с Жизель. Балетные туфли закрывают ее ноги, ленты обернуты вокруг икр.

Она стоит на пуантах, ее спина выгнута под невероятным углом. Ее лицо закрыто вуалью, и я не вижу ее, потому что она отвернулась от меня.

Кто она? И какого черта она танцует посреди гостиной Адриана? Только не говорите мне, что это его любовница или что-то в этом роде.

Она вертится в такт музыке на одной ноге, другая напряжена в воздухе. Это должно быть больно. Оставаться на пуантах так долго – сущая пытка, и это напрягает мышцы и сухожилия, вот почему это должно делаться в короткие промежутки.

Я пытаюсь подойти к ней, чтобы увидеть или остановить, но она отскакивает, прыгает, крутится, выгибает спину. Затем она бежит из одного конца комнаты в другой, хватаясь за голову и встречая огорченную музыку актом чистого безумия.

Мои ноги застывают на месте, когда я наблюдаю, как ее безумие разворачивается с ее танцевальными движениями.

Это Жизель.

Музыка поднимается до крещендо, когда она падает на землю, прежде чем снова вскочить на пуанты, раскачиваясь из стороны в сторону.

Пятна крови взрываются на ее ногах, пропитывая атласные пуанты цвета слоновой кости.

Я задыхаюсь.

– Эй, остановись!

Она не останавливается. Ее движения становятся неистовыми, суровыми и бесконтрольными. Кровь заливает обе ее ноги, но она как будто не чувствует боли, стоя на пуантах снова и снова.

– Остановись... – Я рыдаю из-за громкой музыки. – Прекрати!

Она отворачивается от меня, ее голова наклоняется в неправильном положении, прежде чем она возвращается на место.

Кровь брызжет на ее светлую кожу и оставляет пятна по всему ковру.

Мне хочется подбежать к ней, обнять и заставить положить этому конец, но ноги не слушаются. Веревки марионетки удерживают меня на месте, и я не могу дотянуться до них сзади и перерезать.

– Прекрати! – Мой голос истеричен, на грани того, что даже я не узнаю.

Она останавливается на пуантах и поворачивается ко мне лицом, все еще оставаясь в этой позе.

Мои губы приоткрываются при виде ее.

Это я.

Или, во всяком случае, близкая копия меня.

Лицо под вуалью – точная копия моего. Кровавые слезы текут по ее щекам, оставляя красные пятна на вуали и платье.

– Ты остановилась? – шепчет она.

Тошнотворный треск костей эхом отдается в воздухе, и ее ноги подкашиваются.

– Нееет! – кричу я.

Я бросаюсь к ней, но меня дергают за веревочки марионетки, привязанные к моему затылку.

Мои глаза распахиваются, и я задыхаюсь от рыданий.

На секунду мне кажется, что я окажусь посреди крови, или что я стану свидетелем перелома ее ног, торчащих костей или окровавленной, разорванной кожи.

Вместо этого я лежу в постели Джереми, обнимая его маленькое тело, когда он прижимается ко мне.

Снаружи не гремит музыка, и ничто не нарушает тишины.

Долгий вздох покидает мои легкие, когда я бормочу.

– Это не реально. Ничего из этого.

– Что не реально?

Я взвизгиваю от спокойного голоса, доносящегося сзади, и медленно поворачиваю голову, мои пальцы все еще дрожат, но я не отпускаю Джереми. С тех пор как я обняла его сегодня утром, у меня появилась эта болезненная потребность защитить его, думая, что если я не сделаю этого, это будет похоже на потерю моей маленькой девочки снова.

Адриан сидит в тускло освещенной комнате. Только свет от телефона, зажатого между его длинными пальцами, пробивается сквозь черноту. Возможно, это из-за тени, отбрасываемой экраном на его лицо, но сейчас он выглядит еще страшнее. В его темноте нет света. Нет спасения. Нет помилования.

Он как темный лорд, сидящий на своем троне.

Дьявол.

Чудовище.

Злодей.

Врожденная потребность бежать, которую я ощущаю с тех пор, как ступила в этот дом – черт с тех пор, как впервые встретила его, – снова поражает меня.

– Ты не ответила на мой вопрос, Лия, – небрежно напоминает он. Или это кажется случайным, потому что это притворство. Я почти слышу его настоящий тон, который замкнут, резок и высасывает сущность моей души.

Все в нем резкое и острое. Верхние пуговицы его рубашки расстегнуты, открывая намек на мощную грудь. Он полулежит в кресле, скрестив длинные ноги в лодыжках. *Наполовину*, потому что его поза все еще прямая, и он выглядит так, будто готов наброситься в любую секунду, если почувствует в этом необходимость.

Кстати, как долго он сидит в тени?

И почему, черт возьми, мне снится один кошмар за другим с тех пор, как он привез меня сюда?

– Лия, – в этом единственном слове больше предостережения, чем должно быть возможно.

– Тебе не нужно знать. – Я медленно сажусь, осторожно снимая пальцы Джереми со своей талии. Он что-то бормочет во сне, и я расчесываю его темные волосы, укладывая под одеяло, украшенное звездами и космическими кораблями.

– Это два наказания.

Моя голова резко поворачивается к Адриану.

– Но... за что?

– Одно за то, что не выучила список, который дала тебе Огла, а второе – за этот проступок.

Я знала, что Огла – его чертов шпион.

– Но сейчас я не отвечала.

– Бросить мне вызов равносильно тому, чтобы ответить. Не отвечать на мои вопросы – тоже наказание.

– Может быть, тебе стоит составить мне гребаный список, как в мафии, чтобы я могла выучить его и волшебным образом ходить вокруг него на цыпочках.

– Это третье.

– Ты не можешь быть чертовски серьезным.

– Совершенно, верно. Четвертое.

– Мне вообще нельзя разговаривать? – рывкаю я.

– Нет, не таким тоном. Пятое.

– Просто перестань уже, и признай, что ты больной ублюдок, который получает удовольствие от того, что шлепает меня.

– Шестое.

Я открываю рот, чтобы что-то сказать, но вскоре закрываю его, понимая, что все, что я скажу, только ухудшит мое состояние.

Черт бы его побрал!

Он так пугает меня, что я продолжаю играть ему на руку и копать вместе с ним в яме. Кошмар, который я только что пережила, тоже не помогает. С тех пор как я проснулась, я была нервной и дезориентированной, практически не контролируя свои реакции.

– Продолжай, Лия. – спокойный, но угрожающий тон Адриана резонирует в воздухе. – Мне очень интересно посмотреть, как далеко может зайти эта цифра.

Когда я молчу, стараясь сохранить самообладание, на его губах появляется легкая ухмылка.

– А теперь скажи мне, что ты считала ненастоящим.

– Кошмар. – тихо говорю я, потому что если буду говорить громче, то наброшусь на него. Он провоцирует меня, чтобы увеличить число моих наказаний, а я не доставлю ему такого удовольствия.

Его палец стучит по бедру один раз.

– Что за кошмар?

– Не твое дело.

– Это уже седьмое.

– Что?

– Восьмое.

– Неужели мне даже нельзя держать свои кошмары при себе?

– Нет, с тех пор как ты переступила порог моего дома, – Он бросает телефон на колени, кладет локти на колени и наклоняется вперед, сцепив пальцы под подбородком.

Несмотря на темноту, я почти вижу черноту его глаз. Это не только что-то визуальное, но это также можно попробовать в воздухе, оставляя острый привкус на моем языке.

– Ты, кажется, не понимаешь ситуацию, так что позволь мне объяснить тебе это в последний раз, Лия. Ты моя жена, моя собственность, моя *вещь*. Это означает, что ты идешь по линии, которую я прослеживаю, и принимаешь решения, которые я разрешаю. Если я скажу, что ты оставишь завешание у двери, ты это сделаешь. Если я скажу, что ты слепо войдешь в колодец, ты это сделаешь. В моем доме мое слово – закон, и мои решения окончательны. Если ты чувствуешь необходимость бросить мне вызов, во что бы то ни стало, сделай это. Я буду наслаждаться каждой секундой, пока не заставлю тебя подчиниться.

Моя челюсть болит, и я понимаю, что это потому, что я крепко сжимала ее все время, пока он говорил. Я никогда не испытывала такой потребности выскочить из своей кожи, как в этот самый момент. Я хочу улететь отсюда, улететь куда-нибудь, куда угодно, где его присутствие не сжимает мне горло воображаемыми руками.

Но здравая часть моего мозга знает, что у меня нет выбора, что я не могу справиться с жизнью в тюрьме, какой бы крутой я себя ни считала. Быть с ним – это не выбор, это единственное средство выживания, которое у меня есть.

Разве судьба не жестока? Почему моя безопасность связана с одним из самых опасных людей на свете?

Адриан встает, и я прижимаюсь ближе к Джереми, как будто ребенок может помочь мне в этой ситуации.

– Вставай, – приказывает он.

– Зачем?

– Девятое. С каждой секундой, когда ты не встаешь, счет будет увеличиваться.

– Я просто спрашиваю, – я стараюсь не огрызаться, но в конце концов все равно делаю это.

– Десятое. В таком случае у тебя будет *долгая* ночь, Лия.

Я не упускаю намека на садизм, когда он говорит «долгая». Этот ублюдок действительно получает удовольствие от мысли наказать меня.

Он чертов извращенец.

Я с трудом поднимаюсь на ноги, потому что не хочу, чтобы счет дошел до одиннадцати.

– Следуй за мной. – Адриан направляется к двери, не дожидаясь меня.

Я бросаю взгляд на мирно спящее лицо Джереми, надеюсь, что каким-то образом смогу стать одним целым с его матрасом или одеялом.

Мое колебание длится недолго, когда я иду следом за Адрианом и тихо закрываю за собой дверь комнаты Джереми.

Мои ноги дрожат при каждом шаге. Пот собирается у меня на лбу, а костяшки пальцев белеют от постоянного сжимания их в кулаки.

Люди говорят, что знают страх. Например, когда их машина чуть не разбивается или когда, они становятся свидетелями кровавой сцены на улицах, но это не настоящий страх. Настоящий ужас – это неизвестность.

Незнание своей судьбы – худший вид страха.

Он обвивается вокруг моей грудной клетки, как проволока, пытаюсь сломать кости и уколоть мое сердце.

Страшна не тьма, а то, что внутри нее. И прямо сейчас эта тьма наполнена тихим, но смертельным присутствием Адриана.

Мой взгляд по-прежнему сосредоточен на его спине, на волнах мышц под рубашкой и чернилах, выглядывающих из-под полузакатанных рукавов. Его шаги ровны, как будто эта чертова ситуация нормальна.

Как будто подцепить бездомную женщину и навязать ей роль жены – это что-то вполне приемлемое. Чувствует ли этот человек когда-нибудь? Есть ли у него бьющийся орган, подобный тому, что бьется внутри меня, или он другой вид, чье сердце только качает кровь в его венах?

Если он так заботился о своей жене, как он мог так легко обменять ее на фальшивку?

Но, возможно, он использовал ее так же, как использует меня. Такие люди, как он, не имеют привязанностей и являются бессердечными монстрами, которые умеют только брать.

Когда Адриан входит в спальню и закрывает за нами дверь, я хочу, чтобы страх был единственным чувством, населяющим меня. Я хочу, чтобы мой желудок сжался от прилива адреналина, а не от какого-то другого безумного ощущения, которое я не хочу называть.

Потому что я знаю, что он позвал меня сюда не только для того, чтобы поспать. Я знаю, что сейчас в его дурацкой голове вынашивается какой-то дикий план.

Моя потребность в бегстве медленно тускнеет, сменяясь странным принятием.

Это пройдет, как и все остальное в моей жизни.

Пока он не видит моей реакции, он не доберется до меня.

Адриан расстегивает ремень, и я смотрю, замороженная, пойманная в ловушку оцепенения, как он оборачивает его вокруг своей руки с пустым выражением на лице.

– Встань на колени.

Глава 15

Уинтер

Мой дикий взгляд перескакивает с его пустых глаз на ремень, обмотанный вокруг руки.

Должно быть, он шутит.

Но это не так.

Адриан сказал, что он не шутит, и я ему верю.

Я весь день извивалась от ощущения отпечатков рук, которые он оставил на моей заднице, так что я искренне верю, что он собирается выпороть меня ремнем прямо сейчас.

– Пожалуйста, не надо.... – Я не хочу прибегать к попрошайничеству, и как только я говорю эти слова, я понимаю, что это пустая трата моей энергии. Я знаю, что таких, как он, не останавливают ни мольбы, ни слезы. Во всяком случае, он получает от этого удовольствие. Точно так же, как он получает удовольствие, наказывая меня.

Поэтому, когда он произносит свои следующие слова, я вздрагиваю от неожиданности.

– А что ты хочешь сделать вместо этого?

– Все, что угодно. – выпаливаю я.

– Я трахну тебя у стены.

– Хорошо. – Я колеблюсь секунду, немного опасаясь его интенсивности.

Я видела его размер, я знаю, что это будет чертовски больно, а такой мужчина, как Адриан, похоже, любит грубость.

Однако согласиться с этим – лучший выбор. Трахаться или быть выпоротой. Да, не нужно быть гением, чтобы решить.

– И ты не прикусишь губу. Ты не захлебнешься своими стонами, когда твоя киска будет душить мой член.

– Нет. – огрызаюсь я.

Он склоняет голову набок, как будто я какая-то проблема, и он размышляет, хочет ли он решить ее или искоренить раз и навсегда.

– Нет?

Мое молчание – мой единственный защитный механизм против него, мой последний кусок брони, и если я позволю ему взять и это тоже, то я действительно облажаюсь. Моя личность будет стерта, и я буду просто размытой версией его жены.

– Тогда я отказываюсь.

– Ч-что?

– Либо ты полностью сдашься, либо получишь свое наказание.

Я смотрю на него, мои кулаки горят от боли от того, как сильно я их сжимаю. Мои ногти так сильно впиваются в ладони, что я удивляюсь, как еще не пошла кровь.

Глубоко вдохнув, я опускаюсь на колени.

Когда я делаю это, я замечаю тень разочарования и что-то еще на его лице.

Да пошел он. Он не сломает меня.

Меня зовут Уинтер Кавано. Я не Лия Волкова и ни в коем случае не жена этого сумасшедшего.

Я повторяю это про себя, готовясь к тому, что должно произойти. Сказать, что я не боюсь, было бы ложью, но мое достоинство держит меня прямо.

– Жаль, что ты выбрала большую дорогу со мной. Очень жаль. – От мягкости его голоса у меня по спине пробегают мурашки.

– У тебя свои условия, а у меня свои.

– Держась за свои условия, ты только усугубишь свои страдания. Пойми это, Лия. Мне нельзя перечить или бросать вызов. Чем сильнее ты давишь на меня, тем безжалостнее я становлюсь. Чем больше ты бросаешь мне вызов, тем жестче я реагирую. Ты *не* хочешь, чтобы я реагировал, и уж точно не хочешь

видеть мою нечеловеческую сторону. Я проявил к тебе милосердие, так что будь благодарна за это.

– Милосердие? – Я хочу усмехнуться, но мои губы дрожат от его слов. – В каком мире твои действия являются проявлением милосердия?

– Поверь мне, они таковы.

– Ты можешь думать о них как о таковых, можешь считать себя каким-то извращенным, милостивым богом, но это не так. Ты жесток и бессердечен. Ты жестокий садист. Ты также извращенец, потому что тебе нравится причинять боль. Твое спокойное и тихое поведение не обманывает меня, как и твое извращенное чувство *доброжелательности*. Твоя единственная цель — причинять боль и брать то, что ты считаешь нужным. Так что не стой здесь, держа гребаный *ремень*, и не говори, что ты проявляешь милосердие.

Я тяжело дышу после своей вспышки, и я полностью готова к тому, что количество наказаний увеличится, потому что это то, что делают больные ублюдки, такие, как Адриан, они используют любой шанс, чтобы повернуть обстоятельства против вас.

Это того стоило.

Впервые с тех пор, как я попала на его радар, я поделилась с ним своими мыслями.

Холодный предмет касается моей щеки — ремень. Он нежно постукивает им по моей коже — даже ласково, — но выражение его лица остается прежним, бесстрастным и недоступным.

– Если я извращенец из-за того, что люблю причинять боль, то что это значит для тебя, если ты получаешь от этого удовольствие?

Мои щеки краснеют, как от его заявления, так и особенно от его завуалированного признания. Что ему *нравится* причинять боль. Что я не ошиблась, распознав его потребность в контроле. Но я отодвигаю это и поднимаю подбородок.

– Мне *не* нравится это.

– Ты кончила мне на пальцы сегодня утром после простых шлепков. Как ты думаешь, что будет, когда я тебя выпорю?

– *Ничего.*

– Ты действительно в это веришь или надеешься? Если это последнее, я рекомендую тебе отказаться от таких надежд, потому что ты узнаешь на горьком опыте, что я действительно был снисходителен. Что я давал тебе свободу действий, и что ты потеряла эти привилегии, сопротивляясь мне.

– Просто покончи с этим.

– Ты пожалеешь о своем нетерпении, когда твоя кожа покраснеет, Лия. Холодно произнесенная угроза покрывает меня мурашками, и, к моему несчастью, не все они вызваны страхом.

Адриан берет меня на руки, и я задыхаюсь, когда он несет меня к кровати. Я на мгновение отвлекаюсь на то, как мала я в его объятиях, как он может легко раздавить меня на непоправимые куски без усилий.

Он бросает меня на матрас лицом вниз, и тот проваливается под нашим весом. Неужели он передумал?

Я поднимаюсь на четвереньки, но не успеваю отпраздновать эту мысль, как он кладет ладонь мне на поясницу, удерживая меня на месте. Мое сердце подпрыгивает и ускоряется, когда его рука покидает мою спину и касается моих волос.

В отличие от его прежнего поведения, его прикосновения нежны или, во всяком случае, притворны. Его пальцы погружаются в мои пряди, и я с ужасом понимаю, что прижимаюсь к его ладони.

Я пытаюсь сопротивляться, но он впивается пальцами в мои волосы так, что они сжимают мой череп, без единого слова давая понять, что я не должна бороться с ним.

Я не смогла бы, даже если бы захотела.

Я застыла на месте, пойманная крючком, леской и грузилом в пучину своего леденящего спокойствия. Это на поверхности, фасад, и я на собственном горьком опыте узнаю, что в нем есть несколько слоев. Чем

больше я отстраняюсь, тем глубже и темнее он становится. Каждый из них более тревожен, чем предыдущий.

– Последний шанс, Лия, – он гладит меня по волосам, как влюбленный.

Я смотрю на металлическое изголовье кровати с экзотическими золотыми мотивами, отказываясь смотреть на него.

– Последний шанс позволить тебе сломить меня? Никогда.

– Как пожелаешь, Lenochka.

Мои мышцы напрягаются, когда он называет меня так, и я понятия не имею, хорошо это или плохо. Как и большинство вещей, которые он делает с моим телом, будь то, как он прикасается или обращается со мной. Я хочу убедить себя, что ненавижу их, что не выношу ни их, ни *его*. Тем не менее, болезненная вещь внутри меня выходит из-под контроля, когда он кладет на меня руки. Всякий раз, когда он рядом со мной. Мне хочется думать, что меня притягивает то, насколько он другой, какой молчаливый, но смертоносный, но это темнее и острее, чем я хотела бы признать.

Адриан неторопливо снимает шарф, который держал мои волосы. Затем он поднимает оба моих запястья и привязывает их к металлическому углу у изголовья кровати, который, кажется, предназначен для этой цели.

Он и раньше так поступал со своей женой?

Прогоняя эту мысль, я проверяю узел, но он не поддается. Он не настолько тугой, чтобы причинить боль или прервать кровообращение, но он не позволит мне двигаться или освободить руки.

Внезапная паника разрастается в моей грудной клетке, как лесной пожар, пожирая все на своем пути. Он может причинить мне боль, и я не смогу защититься себя.

– Ты не обязан меня связывать, – в моем тоне явно слышатся эмоции, и я ненавижу их. Я *ненавижу* то, что позволяю ему видеть меня такой.

– Так ты сделаешь, как я просил? Предложишь ли ты себя полностью?

– Нет!

– Тогда мы сделаем это, по-моему.

– Адриан...

– Да? – Я чувствую, как он встает позади меня, и это наполняет меня одновременно ужасом и тошнотворным предвкушением, которое я испытала только один раз, когда он наклонил меня над столом этим утром.

– Есть ли какой-нибудь способ остановить это?

– Нет, если только ты не воспользуешься моим другим вариантом.

– Ты когда-нибудь бываешь сыт? Если я дам тебе больше, будет ли тебе этого достаточно? Ты отнял у меня все, *все*. Почему ты требуешь большего?

Его тепло распространяется на мою спину, хотя он не прикасается ко мне, и это делает со мной странные вещи – вещи, которые заставляют меня сжимать бедра.

– Я не все у тебя отнял, Лия. Ты хочешь верить в это, потому что легко обвинять других в своих ошибках, но это не делает это правдой.

– Ты привел меня сюда и забрал из моей жизни.

– Поправка: я спас тебя от нее.

– Сначала ты считаешь себя милосердным, а теперь веришь, что ты спаситель? Очнись!

Его пальцы скользят по моей ключице, и я напрягаюсь, когда они поднимаются к подбородку, подпирая его, когда его губы находят мое ухо и шепчут жаркие, темные слова

– Может быть, это следует сделать тебе?

Мои лёгкие горят, и тогда я понимаю, что не дышала с тех пор, как он схватил меня. Его пальцы заботливы, но не могут быть более жестокими.

– Скажи, чтобы я тебя трахнул, – хрипит он.

– Трахни меня, – бормочу я. – Но ты не *услышишь* ничего.

Я понимаю, что мое неповиновение коснулось невидимой красной линии, когда его ногти впиваются в мою кожу на самую короткую секунду, прежде чем он отпускает меня.

– Я был достаточно великодушен, чтобы дать тебе два шанса, но ты выбрала неудачно. Как я уже упоминал, отказ от меня приведет только к тому,

что ты разрушишь свое упрямство. Бросать мне вызов – все равно, что плыть против течения, в конце концов, ты устанешь, и тебя унесет течением. Пойми это, я бросаю вызов, а не наоборот. Пора тебе это усвоить.

Его бесстрастный голос не должен был на меня подействовать, но он сковал мои мышцы в жесткую линию.

Он опускает мои шорты вниз по бедрам, и, хотя это похоже на то, что он сделал сегодня утром, это ощущается совершенно по-другому, в десять раз сильнее. Его руки похожи на лаву из действующего вулкана, или, может быть, это моя кожа.

Его палец скользит по резинке моего нижнего белья.

– Ты все еще носишь те, что были с утра. Тебе нравилось гулять весь день, вспоминая, как твоя киска подчинилась моим пальцам?

Мои щеки пылают против воли, когда я выпаливаю.

– Конечно, нет. У меня не было времени переодеться.

– У тебя не было времени переодеться.

– Действительно не было

– Разве я что-нибудь сказал?

– Твой тон говорит сам за себя. Ты думаешь, я лгу.

– А ты лжешь? – Он прослеживает мой мягкий вход, и я вздрагиваю от прикосновения. – Так вот почему ты уже мокрая, а?

Я закрываю глаза, когда он снимает с меня трусики и скользит пальцами по моим гладким складкам, лаская их, оценивая с предельной осторожностью.

– Я еще не начал прикасаться к тебе, и все же твое тело горит в предвкушении наказания. Для того, кто всего несколько минут назад вел себя высокомерно, кажется, что обещания наказания было достаточно, чтобы спровоцировать твои самые глубокие, самые темные тайны. Ты узнаешь, что это такое, Lenochka?

Я яростно качаю головой, но останавливаюсь, когда он отводит мои волосы в сторону, чтобы его губы снова могли найти мое ухо. С закрытыми

глазами все усиливается – его бессердечное прикосновение, его теплое дыхание, его запах – та опасная смесь дерева и кожи.

– Ты мазохистка по отношению к моему садизму, Лия.

– Заткнись!

– Это одиннадцатое. Открой глаза, или будет двенадцатое.

Я медленно делаю это, глядя на свои связанные руки, чувствуя беспомощность в костях. И все же, определенный тип свободы переполняет меня. Что-то такое, что я испытывала, только когда была пьяна и бродила по улицам без всякой цели, кроме как остаться в живых.

– А теперь считай, или он увеличится.

Я не понимаю, что он имеет в виду, пока ремень не свистит в воздухе, прежде чем опуститься на мою задницу. Крик пузырится в моем горле, когда жгучая боль взрывается на моей коже. Если я думала, что у него больная рука, то его пояс находится в своей собственной лиге. Рубец, который он оставляет на моей плоти, болит и жжет, вызывая жгучие слезы на глазах.

Мне хочется закричать, выразить физическую боль, но я отказываюсь показывать ему свою боль и удовольствие. Я прикусываю губу.

– Ты хочешь, чтобы счет увеличился, Лия, а?

– Один. – Мой голос дрожит вокруг этого слова.

Едва слово выходит, как ремень ударяет снова. Я вздрагиваю, хватаясь за губу так сильно, что чуть не ломаю едва зажившую с утра кожу. Мне требуется несколько секунд, чтобы пробормотать.

– Д-два...

– Интересно, как долго, по-твоему, ты сможешь отгораживаться от меня? Стоит ли оно того? – *Шлепок. Шлепок.*

– Три... четыре. – Теперь я рыдаю, слезы мочат подушку, а зубы разрывают кожу. Кровь покрывает мои губы, заставляя меня чувствовать вкус металла, но я не кричу. Ни разу. Я также не прошу его остановиться, потому что это только лишит меня достоинства.

– Будь, по-твоему. – Его голос так спокоен и в то же время так мрачен, что дрожь от чего-то совсем иного, чем боль, берет мое тело в заложники.

К седьмому удару, я думаю, я вообще перестану чувствовать свою задницу, но это не так.

Отнюдь.

И вот с ужасом я начинаю понимать причину этой перемены.

Адриан проводит пальцами по рубцам, и я шиплю, но звук вот-вот превратится во что-то другое, когда он нежно проводит большим пальцем по поврежденной коже, смешивая боль с мягкостью, на которую я никогда не думала, что он способен.

Мягкость, которая захватывает мой воздух и останавливает мои мучительные рыдания.

Что-то во мне толкается и дрожит от потребности в трении.

Подождите. Что?

– Что ты делаешь? – Мой голос дрожит, как и мои внутренности, полон слез и смущения – как от его поведения, так и от моего.

– Ш-ш-ш, – Он погружает палец внутрь меня, и я вскакиваю с кровати от резкого вторжения.

Это похоже на то, как если бы тебя вырвали из одной фазы бытия и втолкнули в другую.

– А-а-а... – Я заглушаю собственный голос, кусая подушку. *Дерьмо.* Эйфорическая смесь ощущений поднимается и опускается внутри меня с таким громким стуком, что я слышу вибрацию в своем ухе.

Его ремень соприкасается с моей задницей три раза подряд, и я кричу в подушку. Смесь агонии и того, что происходит в моей киске, превращает меня в плачущее месиво. Я хочу, чтобы это закончилось, но в то же время, я едва удерживаюсь от того, чтобы толкнуть его руку, чтобы облегчить боль внутри меня.

– Это ведь не считается, правда?

На мгновение мой измученный мозг говорит мне прекратить считать, позволить счету подняться, посмотреть, как далеко я могу зайти, прежде чем упаду.

Но мой мозг сейчас совершенно ненадежен.

Он поддается потребностям моего тела и теряет всякую логику.

Я отпускаю подушку, оставляя на ней пятно крови и слез, и хнычу.

– Восемь... Девять... Д-десять.

Адриан добавляет еще один палец, и я чувствую, что распадаюсь, разрушаюсь на пути его уничтожения. Мои стенки сжимаются вокруг его пальцев, и я кричу от облегчения, когда он толкает их внутрь, давая мне трение, в котором я нуждалась с тех пор, как его ремень впервые опустился на мою задницу.

Я пытаюсь извиваться, но путы удерживают меня на месте, не давая возможности двигаться. Я совершенно беспомощна в его руках, марионетка, с которой он может делать все, что пожелает. И на секунду я сдаюсь этой судьбе, когда он бьет меня в последний раз.

– Одиннадцать! – Я кричу, когда мой оргазм проходит через меня одновременно с жалом. Мое сердце подскакивает к горлу, и я думаю, что на самом деле сейчас перестану дышать и умру в муках удовольствия и боли.

Это темный экстаз, сумасшедшее блаженство, играющее на грани безумия. Но каждая часть меня жаждет этого, влюбляется в это без всякой мысли.

Я кусаю подушку, чтобы заглушить стоны, вызов во мне горит так же ярко, как оргазм.

Что-то холодное и тугое обвивается вокруг моего горла, и я задыхаюсь, когда понимаю, что это ремень. Адриан поднимает меня, используя его. Моя спина выгибается, но я сжимаю зубами подушку, поднимая ее вместе с собой.

Его губы вызывают дрожь в моей душе, когда он тихо шепчет мне на ухо.

– Отпусти ее.

Я отчаянно мотаю головой.

– Отпусти, черт возьми, ее, Лия.

Я встречаю его пустые глаза своими дерзкими и снова качаю головой.

Адриан выдергивает подушку и снимает ремень, переворачивая меня.

Боль взрывается в моей спине, когда она ударяется о матрас.

Мои связанные руки скручиваются, прежде чем они оказываются в удобном положении над головой. Теперь, когда я больше не кусаю подушку, я чувствую, как другие звуки пытаются вырваться. Я снова кусаю свои губы, не обращая внимания на кровь, которая продолжает сочиться в мой рот.

Адриан раздвигает мои ноги и прокладывает себе путь между ними. Он такой большой и сильный, что мне, кажется, он способен разорвать меня пополам с каждым движением.

Каждое движение по матрасу вызывает непреодолимое трение о мою задницу. Хотела бы я, чтобы это было все. Я хочу, чтобы боль и обида были всем, что я чувствовала сейчас. Я хочу, чтобы не было запаха удовольствия, стреляющего из горящих ран и прямо в мою кистку. Оставшиеся покалывания от моего оргазма обостряются до невыносимого уровня.

Мне нужно кое-что. Я не знаю, что именно, но этого оргазма было недостаточно.

Адриан расстегивает штаны, и я задерживаю дыхание, когда он освобождает свой член. Это было великолепное зрелище, когда он был наполовину эрегирован в прошлый раз, но теперь, когда он полностью затвердел с сердитыми венами, видимыми на поверхности, я боюсь.

Но, к моему ужасу, я не только боюсь. Болезненное чувство предвкушения просачивается в мою грудную клетку и гнездится между костями.

Знать, что он стал твердым, избивая меня, что он получил удовольствие, причиняя мне боль, должно быть уничительно – даже богохульно, — но это не так.

Адриан сжимает свой набухший член и сжимает его не так нежно, как будто он сердится на него – или, возможно, он сердится на меня.

Его мускулы под рубашкой напрягаются в такт движению, а покрытые чернилами предплечья кажутся неземными, твердыми и готовыми причинить столько же удовольствия, сколько и боли.

Капля спермы стекает по его члену, и я сильнее прикусываю губу, не в силах отвести взгляд ни от него, ни от нее.

Мое сердце болит, а бедра сжимаются.

Кажется, я сломлена. Потому что прямо сейчас у меня есть мысли, которые я не должна иметь ни при каких обстоятельствах, перед этим мужчиной.

Мысли, которые закончатся моей гибелью.

– Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя, Лия? – Его голос хриплый, полный безумной темноты и похоти. Кажется, они идут для него рука об руку. Как будто он не может чувствовать никакого удовольствия, если это не так безумно, как его испорченная голова.

Я не такая, как он. Я говорю себе, что я нормальная. *Я чертовски ванильная.* И все же я не качаю головой. Я знаю, что должна, я должна сказать ему, чтобы он отвалил, что я никогда не хочу, чтобы он трахал меня.

Но я не делаю этого.

Я все еще в ловушке от вида того, как он дрожит. Как его мышцы и татуировки сокращаются от движения. Как мерцают его глаза, меняя цвет с серого на более темный. Я хочу знать, останется ли выражение его лица таким же, пока он внутри меня.

Мне нужно знать, подействую ли я на него так же, как тогда, когда он наказывал меня, и будет ли это воздействие более жестоким.

Поэтому я раздвигаю ноги шире в форме приглашения, о котором, я знаю, пожалею утром. Но я уже здесь, и мне некуда идти. Он с самого начала ясно дал понять, что в конце концов трахнет меня, так какой смысл откладывать неизбежное?

– Ты хочешь, чтобы я врезался в твою тугую киску, пока ты не закричишь?

Я хочу отвести взгляд, потому что почти уверена, что он видит смущение на моих пылающих щеках, но заставляю себя продолжать смотреть на него.

– Ты позволишь мне трахнуть тебя без защиты, не так ли? Ты позволишь мне наполнить тебя своей спермой, как хорошая жена.

Я не твоя жена.

Я хочу закричать, но не делаю этого, потому что это определенно испортит момент, и моя киска сжимается в ожидании еще одного освобождения.

Это так отстойно. Я практически умоляю мужчину, который выпорол мою задницу ремнем, трахнуть меня сразу после того, как он довел меня до оргазма.

– Отпусти свою губу, – приказывает он, его фистинговые движения становятся быстрее.

Я отрицательно качаю головой.

Все еще сжимая свой член, Адриан обвязывает ремень вокруг моего горла и поднимает меня так, что я зависаю в воздухе, а мои руки привязаны к столбику кровати позади меня.

Я ожидала, что положение будет неудобным, но на удивление это не так.

– Открой рот.

Я этого не делаю, один раз покачав головой. Адриан хватает меня за майку и рвет ее посередине. Я задыхаюсь, когда он поднимает лифчик, обнажая мою грудь. Я хочу отвернуться, чтобы не видеть, как он смотрит на них. Они маленькие, и я всегда думала, что они были самой нелестной частью меня.

Адриан, однако, продолжает изучать их, как будто это произведения искусства из музея. При взгляде в его глаза мои зубы немного разжимаются.

Черт возьми.

Я знаю, он думает, что смотрит на свою жену, а не на меня, но как может быть счастлива женщина, когда мужчина смотрит на нее таким взглядом? Как будто он будет уничтожать мир, пока она остается в безопасности.

Мои соски напрягаются под его пристальным взглядом, твердеют до боли, а потом что-то горячее накрывает их.

Его сперма.

Она окрашивает мои груди и стекает вниз по животу и к моей пульсирующей киске.

Я чуть не плачу от разочарования, понимая, что он сделал это, чтобы не трахать меня.

Как будто мои мысли написаны на моем лице, Адриан вытирает кровь с уголка моей губы.

– Если ты будешь продолжать в том же духе, то никогда не получишь мой член, Lenochka.

Я закрываю глаза, чтобы не заплакать от разочарования, как на себя, так и на него. Почему, черт возьми, я так разочарована, что он не трахнул меня?

Я не должна. Я его ненавижу.

Адриан отпускает мои руки, и они безвольно падают по обе стороны от меня. Он исчезает в ванной, и мои глаза начинают опускаться, усталость берет верх. Затем я различаю его силуэт, вновь появляющийся рядом со мной. Он в трусах, будто ничего не произошло.

В правой руке у него аптечка, в левой – мокрая тряпка. Он нежно снимает с меня порванный топ и лифчик, прежде чем вытереть сперму с моей груди. Я хочу издать звук – не знаю, какой, но я ловлю его внутри.

Закончив, он переворачивает меня, и я удовлетворенно вздыхаю, когда давление на мою задницу ослабевает. Он прикладывает к ней что-то холодное, и я шиплю, когда она начинает гореть.

– Это пройдет через секунду.

Я бормочу что-то вроде протеста, но потом замолкаю, а он продолжает успокаивающе тереть мою задницу.

Его пальцы длинные, слегка мозолистые, и чувствуются слишком хорошо. Они не должны. Они *действительно* не должны.

Я думаю, что заснула, потому что внезапно слышу телефонный звонок и чувствую, как пальцы Адриана гладят мои волосы, когда он говорит.

– Что она сделала теперь?

А затем последовал вздох.

– Я сейчас приду.

Не уходи. Кричу я про себя. *Она – не я. Не ходи к ней.*

Но его пальцы оставляют мои волосы, и матрас проваливается. Даже если я не вижу пустоты, я чувствую ее в самых темных уголках своего сердца.

Я сама по себе.

По моей щеке катится слеза, и я понятия не имею, почему или кто эта «она», к которой я внутренне сказала ему не ходить.

Глава 16

Уинтер

– У тебя одна миссия. Нажми на гребаный курок.

Нет.

– Мамочка?

Я открываю глаза, сердце стучит так громко, что я слышу только его биение. Джереми нависает надо мной, его маленькая рука тянет меня за ночную рубашку.

Подождите. Ночная рубашка. Мне казалось, что я заснула голой. Когда я ее надела?

– Мамочка? – снова зовет Джереми, его крошечный подбородок дрожит.

– Эй, малыш. Доброе утро.

– Д-доброе утро. – Он шмыгает носом, вытирая глаза тыльной стороной ладони.

Я провожу большим пальцем по его слезам.

– Почему ты плачешь?

– Потому что тебя там не было, когда я проснулся сегодня утром. Я думал, ты опять ушла.

– Я же сказала, что не уйду. Ты мне не веришь?

Его серые глаза затуманились слезами.

– Но ты всегда исчезаешь, мамочка.

Я исчезаю? Я имею в виду, Лия исчезала? Зачем ей это? На самом деле, узнав Адриана, я точно знаю, почему она это делала. Он не из тех мужчин, с которыми можно остаться по доброй воле.

Он – воплощение дьявола. Ненавистный мудака, единственная цель которого – сметать всех на своем пути.

Но даже в таком случае Джереми – ее сын. Она не должна была оставлять его с таким мужчиной. Ни один из них не заслуживает того благословения, которым является Джереми.

Смягчая голос, я улыбаюсь ему.

– Я больше не буду этого делать, мой маленький ангел.

– Правда?

– Правда, так что перестань плакать. – Я вытираю его щеки подушечками пальцев.

– Ты сказала, что поспишь со мной, мамочка.

– У твоего отца были другие планы. – Мне нужны все силы, чтобы не сказать «у твоего мудака-отца»

Я принимаю сидячее положение, и боль взрывается по всей моей заднице и внутренней стороне бедер. Я вздрагиваю, хватаясь за спинку кровати, чтобы сохранить равновесие.

Мне так больно, как никогда раньше, а он даже не трахнул меня – и не стал бы, по его словам.

Мои внутренности горят от напоминания о безжалостных ударах Адриана и развратном типе удовольствия, которое его пальцы вырвали из меня.

Не имело значения, как сильно я сопротивлялась, как сильно я хотела ненавидеть это. Он подчинил меня своей воле до такой степени, что я действительно жаждала этого. Я хотела этого так, как никогда ничего не хотела.

Но теперь я хочу испепелить прошлую ночь и все, что с ней связано, из моих воспоминаний.

– Ты ранена, мамочка?

Я улыбаюсь.

– Немного.

– Я поцелую тебя, и станет лучше.

Я смеюсь и подставляю ему щеку.

– Давай.

Он целует меня, его маленькие руки обвиваются вокруг моей шеи. Я не могу избавиться от желания обнять его, поэтому поднимаю и сажаю к себе на колени, не обращая внимания на боль в заднице.

– Ты любишь обниматься, Джер?

– Что значит обниматься?

О, у бедного ребенка такие ужасные родители. Я притягиваю его к себе под одеяло и прижимаю к себе, убирая волосы с его глаз.

– Это называется обниматься.

Он ухмыляется.

– Ты будешь обниматься со мной каждый день?

– Каждый божий день, а потом... – Я замолкаю, щекоча его животик. –

Я собираюсь напасть на тебя.

Он раздражается неудержимым хихиканьем.

– Нет, мамочка, неееет!

– Тебе конец, Джер.

– Мамочка! – Он фыркает от смеха, пытаясь защитить свой живот.

Его радость заразительна, и я смеюсь вместе с ним. И вот так мой день начинается с самого лучшего начала.

Кроме боли в заднице и еще одной – в затылке. Может быть, вчера я и игнорировала свою потребность в алкоголе, но не думаю, что смогу прожить еще один такой день.

После того, как я принимаю душ и помогаю Джереми принять ванну, мы одеваемся в одинаковые цвета. Черные брюки и зеленые фланелевые рубашки. Я использую шарф в качестве пояса. Других маек я не нахожу – после того, как дикарь порвал единственную доступную. Поэтому я надеваю рубашку с короткими рукавами и скручиваю ее внизу, а затем собираю в узел так, чтобы был виден мой пупок. Сегодня я ношу каблуки, потому что чувствую, что мне нужно быть выше, чтобы край брюк смотрелся хорошо.

Джереми надевает очки в белой оправе, и я нахожу такие же в ящике стола. Не важно, что мы в помещении. Я делаю несколько селфи с маленьким ангелом, потому что мы считаем себя самым крутым дуэтом матери и сына. Джереми позирует и улыбается, как профессиональная модель, неудержимо хихикая всякий раз, когда я пытаюсь пощекотать его живот.

После нашей фотосессии мы снимаем солнцезащитные очки, и я включаю испанскую поп-песню на своем телефоне в его комнате. Глаза Джереми выпучиваются, когда я беру его за руку и начинаю танцевать с ним.

Он слегка двигает бедрами, и когда я поворачиваю его, он задыхается от смеха.

– Сделай это, мамочка! – восклицает он.

– Что сделать? – Я перекрикиваю музыку.

– Вертитесь, как красивая девушка. – Он показывает на балерину в снежном шаре, который лежит на его тумбочке.

Моя улыбка падает, когда я изучаю ее, то, как она стоит на пуантах, когда снег окружает ее. Первое, что приходит на ум, – это сломанные ноги, торчащие кости и кровь.

Много гребаной крови.

– Мамочка? – Джереми перестает танцевать, и я понимаю, что это потому, что я остановилась.

Я отрываю взгляд от снежного шара и улыбаюсь ему.

– Да?

– Не волнуйся. Ты красивее ее.

Невинность этого ангела.

– Я?

– Ты самая красивая на свете.

– Спасибо, мой ангел. – Я расчесываю ему волосы. – Ты голоден?

– Ага!

– Тогда пойдём.

Я выключаю музыку и держу его за руку, пока мы спускаемся вниз.

Как только мы оказываемся в столовой, настроение меняется. Огла ждет нас с хмурым видом и явным пренебрежением к нашей одежде. Но того, кого я больше всего боялась увидеть, и все время отталкивала от себя с тех пор, как проснулась, здесь нет.

– А где Адриан? – спрашиваю я, прежде чем успеваю остановиться.

– Работаю в своем офисе. – Она делает паузу на всякий случай. – Его нельзя беспокоить.

Я уж точно не стану его беспокоить. Во всяком случае, я рада, что мне не придется встречаться с ним сегодня утром, и я могу спокойно позавтракать с Джереми.

Или в основном мирно, потому что Огла следит за нами, как ястреб.

Не обращая на нее внимания, я сажусь рядом с Джереми. Моя задница горит, и я закрываю глаза, чтобы боль прошла. Но это не так. Каждый сдвиг провоцирует рубцы, и, к моему ужасу, это вызывает покалывание в моей сердцевине.

Черт возьми.

Я игнорирую состояние между моих бедер и сосредотачиваюсь на кормлении Джереми и себя.

Кажется, почти нереальным, что я завтракаю два дня подряд и не пропускаю ни одного приема пищи с тех пор, как съела сэндвич в машине Адриана. Кажется, это было так давно, хотя прошло меньше сорока восьми часов.

Но, наверное, за такой короткий промежуток времени произошло так много событий, что я машинально впала в рутину. Главное, к чему я не привыкла, – это отсутствие алкоголя. Сколько бы я ни набивала желудок, в висках стучит, требуя выпивки.

Есть еще одна вещь, к которой я не привыкла. Жало в моей заднице. Это как иголки, чертовски неудобно, но мой разум продолжает проигрывать прошлую ночь, как будто это последний, самый захватывающий фильм, который я когда-либо видела. Все детали запечатлелись в моей памяти, как

священные письма. В том числе в той части, где я фактически сказала Адриану не ходить к ней. Должно быть, это был еще один кошмар.

Это место было создано самим сатаной – он же Адриан. С тех пор как я вошла внутрь, у меня был один ужасный кошмар за другим.

После завтрака я беру Джереми поиграть в саду. Это то, из-за чего Огла кривит губы, и я как бы невзначай напоминаю ей, что Адриан сказал, что у меня есть доступ в любую часть дома.

Я и так уже заперта здесь. Я хочу хотя бы понюхать свежего воздуха.

Сегодня холодно, хотя небо еще не совсем серое, поэтому я убеждаюсь, что мы с Джереми одеты в пальто, прежде чем выйти на улицу.

Несколько охранников, одетых в черную армейскую форму и куртки, разбросаны по всей территории через каждые несколько ярдов. У некоторых из них на плечах или на груди висят гигантские винтовки, а их лица серьезные, замкнуты и лишены каких-либо эмоций. Прямо как их босс-диктатор.

Я крепче сжимаю руку Джереми, боясь, что они каким-то образом причинят ему боль, но он, кажется, не замечает их. Должно быть, за эти годы он привык к их присутствию. Как грустно маленькому ребенку расти среди таких опасных людей и оружия?

Он ведет меня в встроенную деревянную беседку под большим деревом. Посередине стоит стол, по обе стороны – две длинные скамьи. Там его уже ждут бесконечные солдатики и игрушки.

Я кладу iPad, который Огла сунула мне в руку сегодня утром, чтобы узнать о Братве и бла-бла-бла, на стол. Я посмотрю на это позже, потому что я чертовски уверена, что не хочу дать Адриану еще один повод наказать меня.

Как только мы устраиваемся поудобнее, рядом с нами встает охранник. Пожалуйста, скажите мне, что он не будет следить за нами с винтовкой, болтающейся у него на плече.

Я поднимаю голову и тут же чувствую что-то знакомое. Кривоносый – Ян – стоит у входа в беседку, и, хотя он одет в черную униформу, как и все

остальные, он не демонстрирует свою винтовку. Я уверена, что у него где-то есть оружие, но я благодарна, что он не тычет им мне в лицо.

– Доброе утро, Ян, – рассеянно говорит Джереми, собирая своих игрушечных солдатиков. Он сидит так близко ко мне, что его бедро касается моего, а ноги свисают со скамейки.

– Доброе утро, – отвечает Ян, кивая головой в мою сторону.

– Доброе утро, – выпаливаю я, не зная, как с ним разговаривать.

Теперь, когда его не заслоняют Коля и Адриан, и я могу наблюдать за ним вблизи, я вижу, насколько красив Ян на самом деле. Телосложение у него худощавее, чем у Адриана и Коли, черты лица мягче, менее сдержанные, а густые ресницы почти девчачьи. Это и его длинные волосы делают его каким-то образом более доступным, чем два других.

У него также нет постоянного хмурого взгляда, как у остальных. Выражение его лица тоже не приветливое, просто нейтральное. Все это вместе взятое делает Яна единственным человеком, к которому, как мне кажется, я мог бы подойти ближе всех. По какой-то причине я чувствую, что мне нужны союзники, кроме ангела, сидящего рядом со мной.

– Ты все время присматриваешь за Джереми? – спрашиваю я.

– Да.

– Ян иногда играет со мной, – сообщает Джереми. – Все в порядке, Ян. Теперь у меня есть мамочка.

Я улыбаюсь, и, хотя Ян не отвечает мне тем же, выражение его лица смягчается.

– Ты давно здесь? – спрашиваю я Яна.

– С трех лет. – Я замечаю, что, пока он говорит, Ян не смотрит мне в глаза, предпочитая сосредоточиться на Джереми, поэтому я делаю то же самое, поднимая пару его игрушек, не знаю почему.

– Это очень долго.

– Можно и так сказать.

– Ты... знал Лию? – бормочу я, не желая, чтобы Джереми услышал. – Я имею в виду меня, прежде чем я... ну, ты понимаешь...

– Мы с Колей вытащили вас из гаража, госпожа Волкова. Мы знаем.

Верно. Они сделали это. Так что вместе с Адрианом Коля и Ян тоже знают, что я самозванка. Это заставляет меня чувствовать себя ближе и непринужденнее с Яном.

– Пожалуйста, не называй меня госпожой Волковой.

– Вы – она.

– Ты же знаешь, что нет.

Он выпрямляется, но ничего не говорит, поэтому я повторяю.

– Так, ты знал ее?

– Да, – его ответ короткий, но не резкий, что означает, что он не возражает против других вопросов.

– Сколько ей было лет?

– Прошло совсем немного времени с тех пор, как ей исполнилось тридцать.

– Как долго она была замужем за Адрианом?

– С тех пор, как ей исполнилось двадцать четыре.

Это шесть лет – долгий срок, чтобы провести его в обществе дьявола. Я здесь всего два дня, а они кажутся вечностью.

– Сколько лет Адриану?

– Тридцать шесть – и это единственный вопрос о нем, на который я могу ответить.

Смысл очевиден. Ян удовлетворит мое любопытство насчет Лии, но не насчет Адриана. Это достойный восхищения тип преданности, даже если это оставляет меня в неведении относительно моего фальшивого мужа.

Я должна начать называть его своим похитителем и немного дегуманизировать его.

– Вы были близки с Лией?

– Я был ее охранником, когда босс не нуждался во мне.

– Дай угадаю. Теперь ты застрял со мной?

– Это мой долг. – Его голос тихий, с намеком на нерешительность, как будто он хочет сказать что-то еще.

Мой взгляд скользит к нему, так что я могу прочесть выражение его лица, но он слегка качает головой, все еще глядя на Джереми.

Я опускаю глаза и провожу пальцами по волосам мальчика, пока он борется с бесконечной игрой в Лего.

– Как она умерла? – бормочу я.

– Она просто умерла. – Теперь его голос звучит отрывисто, замкнуто, не оставляя места для большего.

Смысл ясен – время вопросов закончилось.

Но их количество продолжает множиться в моей голове. Например, что такая она женщина? Мама? Жена? Любил ли ее Адриан?

Я внутренне усмехаюсь над этим вопросом. Этот дьявол не способен на эмоции, не говоря уже о том, чтобы отдавать больше, чем брать.

Но он пошел на многое, чтобы заменить ее мной, так что, возможно, он что-то чувствовал к ней.

Или, может быть, он просто был одержим ею, и он навлечет это на меня. Он назвал меня своей вещью, а такие люди, как Адриан, не любят, когда у них отнимают собственность.

Дело не в том, что они им нравятся, а скорее в том, что они жаждут власти, которая приходит с обладанием этими вещами.

Этой вещью была Лия, а теперь и я.

Призрачные пальцы царапают мой позвоночник от этой мысли, и я быстро прогоняю это чувство, решив сосредоточиться на Джереми.

Очевидно, он пытается построить зону боевых действий для своих игрушечных солдатиков, используя пластиковые штуковины, похожие на LEGO. Кажется, все достаточно просто.

Нет.

Собрать их намного сложнее, чем я ожидала, и мне приходится воспользоваться YouTube. Ян ловит меня на том, что я изучаю телефон за спиной Джереми, но ничего не говорит, его внимание быстро возвращается, чтобы смотреть в никуда.

Я хочу попросить его о помощи, но моя гордость останавливает меня. Конечно, я могу это сделать, независимо от того, насколько это сложно. Что, черт возьми, они продают детям в наши дни?

После безуспешной попытки соединить две несовместимые части вместе, Джереми хмурится на меня, как будто я пнула его щенка.

– Не так, мамочка.

– Я пытаюсь, Джер, – Даже с YouTube эта штука чертовски сложна в сборке.

– Ты никогда не делаешь их правильно, мамочка. – Его маленькие глазки судят меня точно так же, как глаза его отца. *Иисус*. Адриан получает пятерку с плюсом за клонирование.

Я взъерошиваю ему волосы.

– Эй, ты хочешь сказать, что я отстой?

– Нет, но папа собирает их лучше.

– Он играет с тобой? – Я говорю так же недоверчиво, как и чувствую. У меня сложилось впечатление, что Адриан почти не обращает внимания на сына.

Мое внимание скользит к Яну, ища какое-то подтверждение. Но он никак не реагирует, продолжая стоять столбом.

Джереми поднимает плечо.

– Иногда.

– Мне очень жаль, Джер.

– Все в порядке. – Он ухмыляется, показывая мне зубы. – Папа занят.

Господь. Этот маленький мальчик был воспитан, чтобы стать мужчиной в молодом возрасте. Ни один ребенок не должен считать нормальным, что его

отец проводит больше времени на работе, чем с ним. Ни один ребенок не должен радоваться, что он играет с ним только иногда.

Если он не мог вырастить ребенка, зачем было приводить его в этот мир?

Затылок у меня покалывает, как будто Адриан чувствует мои мысли о нем и набросится на меня с наказаниями за то, что они у меня есть.

Джереми выбирает две детали и щелкает ими. *Иисус*. Этот маленький сорванец знает, как это сделать, лучше меня. Я действительно надеюсь, что это потому, что он видел это бесчисленное количество раз раньше, а не потому, что я отстой.

– Тебе не грустно, что он не часто бывает рядом? – спрашиваю я.

– Нет.

– Почему нет?

– Потому что папа оставался со мной, когда ты была призраком, мамочка.

Глава 17

Уинтер

Я нахмурилась. Он уже второй раз произносит это слово.

– Почему ты говоришь, что я была призраком, Джер?

– Потому что ты была, – небрежно отвечает он, покачивая ногами. – Я ходил к тебе.

– Ходил ко мне?

– Ага, – Он показывает направо. – Вон туда.

Мои глаза следуют за направлением его большого пальца. Это небольшое белое здание, отдельно от дома. Оно не выглядит таким ухоженным, как главный особняк. Трещины покрывают внешнюю поверхность, а лозы плюща растут на его стенах, покрывая большую их часть.

Это место мгновенно вызывает у меня ужасное чувство, похожее на горькое послевкусие, смешанное с рвотой.

Я понимаю, что это гостевой дом, от которого Адриан велел мне держаться подальше, и у меня есть все намерения. Но слова Джереми о том, что я – настоящая Лия – призрак, сбивают меня с толку. Что там может быть такого, что ребенок считает это "призрачным"?

Я собираюсь спросить Яна, но мой взгляд смещается влево, и я замираю. В главном доме Адриан смотрит на меня через окно от пола до потолка. Он сидит за столом в своем кабинете. Перед ним стоят три монитора, но его внимание полностью сосредоточено на мне, когда он постукивает указательным пальцем по деревянной поверхности.

Он смотрит на меня так пристально, что кажется, будто он стоит прямо над моей головой и высасывает мою душу. Я пытаюсь разорвать зрительный контакт, но сама сила его пепельно-серых глаз берет меня в заложники.

Адриан просто наблюдает за мной, но это поражает глубже, как требование, призыв, к чему – я не знаю.

Какого черта тебе от меня надо? Я кричу глазами, поджимая губы, но его внимание не смещается.

Я первая отвожу взгляд, потому что смотреть ему в глаза все равно неудобно. Это все еще напоминает удушение невидимыми руками. Действие не настоящее, но оно так же ощутимо, как жжение в легких и спазмы в желудке.

Это на один шаг дальше, чем, когда я впервые встретила его. Тогда это было только чувство беспокойства. Теперь я могу расшифровать причину этого чувства – это ужасное пробуждение той стороны меня, которую я так сильно ненавижу. Каждый раз, когда я вижу его глаза, все, о чем я могу думать, это о том, сколько порочности скрывается за этим спокойствием. И как сильно я жажду этого, как никогда прежде.

Потеряв мать и дочь, я думала, что покончила с этой жизнью. Мне надоело чего-то хотеть.

Адриан доказал, что я ошибаюсь.

Мужчина то ли женат, то ли вдовец, а я бесстыдно кончила ему на пальцы. *Дважды.*

Я внутренне качаю головой. Это не значит, что я пришла к нему или могу уйти от этого. Это он виноват, что так скоро заменил жену.

Я продолжаю играть с Джереми, стараясь не обращать внимания на то, как пристальный взгляд Адриана впивается в меня, словно он сдирает мою чертову кожу слой за слоем. Я выдыхаю только тогда, когда Коля присоединяется к нему, и его внимание на мгновение отвлекается от меня.

Мы с Джереми обедаем вместе, и я прошу Яна присоединиться к нам. Прожив так долго на улице, я научилась делиться едой, особенно с людьми, с которыми чувствую себя непринужденно. Я хочу, чтобы Ларри был рядом, и так как у меня нет возможности связаться с ним, я каким-то образом притворяюсь, что Ян – его замена.

Охранник качает головой, в то время как Огла пристально смотрит на меня одним из своих осуждающих взглядов за то, что я даже подумала об этом.

Адриан все еще сидит в своем кабинете и не присоединяется к нам за обедом. Что-то, что я хочу проигнорировать, но думаю об этом во время всего обеда.

После того, как я уложила Джереми спать, чувство пустоты эхом отдается в моей груди.

До сих пор маленький ангел занимал меня, но теперь, когда он спит, ничего не может.

Пустота – это чертовски плохо в моем случае. Если я не займусь своими мыслями, они займут меня, а это последнее, чего я хочу в свете проклятых кошмаров, которых у меня обычно не бывает.

Я пытаюсь найти спиртное на кухне и снова возвращаюсь с пустыми руками. Когда я выхожу, Огла пугает меня, появляясь из ниоткуда, стоя в своей неподвижной позе. Эта женщина повсюду, клянусь.

Я прижимаю руку к груди.

– Вы меня напугали.

– Вы что-нибудь узнали о Братве?

– Да, я кое-чего добилась. – Пока я читала рассказ Джереми.

– Какого рода прогресс?

– Я знаю, что Пахана зовут Сергей Сорлов.

– Соколов.

– Одно и то же.

– Это не одно и то же, – упрекает она с жесткой серьезностью. – Если вы неправильно назовете фамилию Пахана, господин Волков поплатится.

– Разве Адриан не занимает высокое положение?

– Это не делает его пуленепробиваемым. Во всяком случае, он более тщательно изучен, чем кто-либо другой, и его наказание будет самым жестоким из возможных, чтобы показать пример. Так что ради всего святого, перестаньте играть и отнеситесь к этому серьезно.

Я ненавижу, что она заставляет меня чувствовать себя капризным ребенком, но в то же время я вижу искренность в ее глазах. Ее преданность

Адриану – это ее стимул, и не важно, как сильно я ненавижу этого человека, если с ним что-то случится, Джереми останется без отца, и весь наш дом, вероятно, развалится.

Это не то, чего я хочу.

Мне в голову приходит идея. Поскольку моя роль довольно важна для Адриана, я могу использовать это в своих интересах.

– Я понимаю, Огла. – Я смягчаю тон. – Адриан скоро выйдет на перерыв?

– Нет.

– Разве ему не нужно идти на работу?

Она прищуривается.

– Если бы вы дошли до конца первой страницы документа, то увидели бы сами.

С этими словами она поворачивается и уходит, стуча каблуками по коридору. Я действительно не хочу называть кого-то сукой, но Огла движется в этом направлении с честью.

После того, как я беру iPad, я брожу вокруг, пока не нахожу кабинет Адриана. Поскольку он находится на первом этаже, и я видела его из сада, мне не потребовалось много времени, чтобы понять, где он находится.

Дверь закрыта, и Огла сказала, чтобы я не беспокоила его, когда он работает, поэтому я прохаживаюсь перед ним, а потом быстро сдаюсь и решаю занять свое время, пока он не выйдет. Я же не умираю от желания еще раз встретиться с дьяволом.

Напротив его кабинета есть небольшая гостиная. Я ложусь на спину на диван и сбрасываю туфли, удовлетворенно вздыхая. Одна моя нога свисает с подлокотника, и я использую руку как подушку, когда читаю с iPad.

Как и сказал Огла, обязанности Адриана изложены на второй странице документа. Его работа состоит в том, чтобы найти нужных людей для подкупа братства. Его критический интеллект позволяет Братве Сергея Соколова опережать все остальные преступные организации. Поскольку он выполняет

больше второстепенную роль, Адриан обычно работает дома и редко появляется на публике.

Преступник. Посмотри, посмотри, посмотри.

Не то чтобы я ожидала чего-то другого. В конце концов, он так легко обвинил меня в убийстве.

Я хмуро смотрю на его фотографию вверху страницы. Он стоит на каком-то торжественном открытии, одетый в смокинг и держащий в руках огромные ножницы, чтобы разрезать красную ленту. Этот засранец слишком хорош собой для своего же блага. Он мог быть немного ниже ростом или иметь пивной живот. Черт, по крайней мере, он не мог быть с татуировками. Но нет, он должен поставить галочки во всех пунктах.

Изображение в основном сосредоточено на нем, но справа от него – блондинка в строгом брючном костюме и с твердой улыбкой. Она сногшибательна, настолько сногшибательна, что странное чувство пронзает меня изнутри, когда я вижу ее рядом с ним.

Я переворачиваю страницы, чтобы посмотреть, смогу ли я найти ее в документе. Мне не приходится долго искать. Я вижу ее фотографию в свадебном платье, и меня охватывает еще более странное чувство облегчения.

Рай Соколова – внучатая племянница Пахана и какая-то шишка в компании братства, «V Corp». Пока я изучаю ее, ноющее ощущение, отличное от того, что было раньше, овладевает мной.

Я чувствую, что знаю ее, но откуда? Может быть, она состояла в одной из благотворительных организаций, от которых мы с Ларри получали еду?

Дверь кабинета открывается, и я смотрю вперед, где меня встречает хмурый Коля. За ним следует Адриан и останавливается рядом со своим охранником, его глаза темнеют так быстро, что у меня перехватывает дыхание.

Что?

Я смотрю на себя сверху вниз на случай, если одна из пуговиц моей рубашки расстегнута или что-то в этом роде.

– Вставай, – приказывает Адриан.

– Зачем? Я читаю документ, который ты мне дал. Если я его не прочитаю, у меня будут неприятности, а если прочитаю, то тоже будут неприятности? Решай сам.

Адриан в два шага подходит ко мне и хватает за руку, заставляя iPad упасть на диван. Я взвизгиваю, когда он поднимает меня на ноги и развязывает узел моей рубашки так, чтобы она прикрывала мою задницу.

Я молча смотрю на него, когда Коля коротко кивает и идет по коридору.

– Больше так не одевайся, – в голосе Адриана слышится угроза.

– Мне не нравится гардероб. Он скучный.

Он сжимает мою рубашку в своих пальцах и притягивает меня к своей груди. Мои руки опускаются на его мускулистую грудь, когда мои широко раскрытые глаза сталкиваются с его холодными.

– Мне все равно, что он скучный. Ты не будешь одеваться так перед моими людьми и уж точно не будешь лежать так, как только что. Это понятно?

– Не понимаю, в чем тут дело.

– Дело в том, что никто не посмотрит на тебя так, как я. Никто даже не взглянет на то, что принадлежит мне.

Вот оно. Чувство собственности. Тонкая одержимость, которую он не показывает открыто, но тем не менее ощущает.

– Я не твоя вещь, Адриан.

– Это значит «нет», Лия? – Его голос становится тише, и когда я молчу, он продолжает. – Разве я не говорил, что ты должна делать то, что я тебе говорю? Или твоя задница в настроении для очередной порки?

Я пристально смотрю на него, затем быстро смягчаю выражение лица, потому что то, что у меня на уме, важнее.

Глубоко вздохнув, я разглаживаю невидимую морщинку на его рубашке, из-за чего он прищуривается, вероятно, сомневаясь в моих мотивах.

Мне действительно нужно сделать все правильно. Если я подниму тревогу, он никогда не исполнит мое желание.

– Хорошо, – говорю я ему. – Я сделаю все, что ты скажешь.

– Серьезно? – он растягивает слово, явно заявляя, что не верит мне.

– Серьезно. Я не хочу снова быть наказанной.

– Ты не хочешь быть наказанной. – повторяет он, и я начинаю думать, что это его способ читать между строк моих слов.

– Не хочу.

– Посмотрим.

– Если... – Я сглатываю. – Если я хорошо веду себя, разве я не должна быть вознаграждена?

– Вознаграждена. Так вот чего ты хочешь. Как ты хочешь быть *вознаграждена*, Лия?

– На самом деле все очень просто. За все, чем ты будешь доволен, я буду получать кое-что взамен.

– У тебя уже есть крыша над головой, бесплатное питание и иммунитет от тюрьмы. Ты думаешь, что можешь просить о других вещах?

– Таково было первоначальное соглашение. Тогда ты не упомянул о наказаниях, но все же включил их. Я приняла их, так что теперь ты должен принять мое предложение.

– А ты приняла?

– Приняла что?

– Приняла свои наказания. – Его глаза так умоляюще смотрят на меня, что чувство удушья возвращается с удвоенной силой.

– А если и так, то какая разница?

– Никакой, но мне хотелось бы знать.

– Если никакой, то какое это имеет значение, если ты будешь знать?

– Я смогу утверждать, стоит ли мне и дальше ломать тебя, Lenochka, – его голос темнеет от скрытого умысла. – Так скажи мне, нужно ли мне совершенствовать свои методы? Или у тебя хватило ума отказаться от привычки расспрашивать меня?

Я хочу вонзить ногти в его грудь, разорвать поверхность и заглянуть в грудную клетку, чтобы увидеть, действительно ли у него черное сердце. Чем

больше я с ним разговариваю, тем больше убеждаюсь, что он не испытывает никаких эмоций. Что он дьявол с психопатическими наклонностями, предназначенный только для того, чтобы сеять хаос во всем, что стоит на его пути.

Хотя я ненавижу кланяться ему так легко, у меня есть цель, и противодействие ему – самый верный способ помешать мне достичь своей цели.

То, что я показываю снаружи, в любом случае не имеет значения. В глубине души я его просто ненавижу, и этого достаточно для моей самооценки.

– Я привыкаю к наказаниям. Будет справедливо, если награды тоже будут включены.

– Я не забочусь о справедливости.

– Адриан, пожалуйста, – умоляю я, но говорю это раздраженным тоном.

– Обещаю не просить ничего экстравагантного.

– Все равно нет.

– Окей, давай сделаем так.

– Это первое на сегодняшний день.

– Что? Почему?

– Что я говорил насчет слова "окей"?

Фу.

– Окей – я имею в виду, хорошо. *Хорошо*. Как насчет того, чтобы я просила только одну награду в день?

Он отрицательно качает головой.

– Раз в два дня?

– Нет.

– Два раза в неделю?

– Раз в неделю, и я буду судить, разумно это или нет.

Я взвизгиваю.

– Да!

В восторге от победы над самим дьяволом я ловлю себя на том, что вот-вот обниму его, прежде чем вспомню, кто он.

Что бы он мне ни дал, я не буду благодарна. Я не стану его очеловечивать.

Адриан смотрит на меня сверху вниз с чем-то похожим на одобрение, и я стараюсь не поддаваться ему.

Ключевое слово – *стараюсь*.

Внимание Адриана подобно мощному магниту, от которого я не могу убежать. Черная дыра, которая поглощает все вокруг.

Но правда остается – он видит во мне только Лию.

И я далека от того, чтобы быть ею или ее призраком. Я – оболочка, которая должна вернуться в свое оцепенелое состояние, прежде чем стану опасной для его жизни и жизни его сына.

Глава 18

Адриан

Мои пальцы постукивают по дереву стола, пока я смотрю на экран.

Коля сидит напротив меня, рассказывает о последних отчетах из «V Corp», но моя концентрация рассеяна, и я почти не обращаю внимания на его слова.

Лия обнимает Джереми, их ноги обхватывают друг друга, когда они спят на его кровати. Ее платье задирается вверх по бледному бедру, едва прикрывая ягодицы. Даже через монитор я вижу красные рубцы на ее бедрах от вчерашнего наказания. Я не сдерживался, и она корчилась и извивалась больше, чем в прошлый раз.

Она почти закричала. *Почти.*

За последние пару дней у нее вошло в привычку спать с Джереми. Что-то такое, что приводит моего сына в восторг.

Прошла неделя с тех пор, как она стала частью его жизни, и он не сомневается, что она его мать.

В течение этого короткого периода времени Лия делала странные вещи, например, одевала его, чтобы соответствовать ей, и танцевала с ним в коридорах – вещи, которые Огла не любит. Его няня почти не работает, потому что Лия заботится о том, чтобы быть для Джереми единственным воспитателем, учителем и товарищем по играм. В мгновение ока они стали неразлучны, их связь растет естественным образом, без необходимости моего вмешательства.

Однако ее влияние не очень позитивно. Пока я радуюсь, что Джереми выходит из своей скорлупы, она учит его ненужным вещам, например, как свистеть или бегать по дому, когда они играют в прятки. Я часто сталкиваюсь с ними, и она использует присутствие Джереми как щит, чтобы избежать моих расспросов.

Но по ночам, когда Джереми крепко спит, она не может избежать меня. Сначала она пыталась убедить меня, что ей лучше спать с ним, потому что он нуждается в ней больше, но после того, как это закончилось ее наказанием, она начала приходить в спальню по собственной воле.

Ее движения остаются нерешительными, в светло-голубых глазах мелькает легкий страх. Но в тот момент, когда я прикасаюсь к ней, она свободно падает без крыльев, чтобы удержать ее в вертикальном положении.

Это не из-за ее отсутствия сопротивления, потому что она сопротивляется, борясь зубами и ногтями.

Лия все еще кусает губу или подушку, чтобы заглушить любой звук, который она может издать. Она все еще смотрит на меня с вызовом после оргазма. Она по-прежнему отворачивается от меня, когда спит, и медленно пододвигается к краю кровати, чтобы держаться от меня как можно дальше. Она все еще напрягается, когда я обнимаю ее за талию и прижимаюсь грудью к нежной коже ее спины.

Я жду, когда она придет в себя, но я не терпеливый человек. Правка. Я не терпеливый человек, когда дело касается ее.

В других областях моей жизни я являюсь воплощением устойчивых решений. Я не позволяю себе волноваться или терять голову, это приведет меня только к опрометчивым решениям и, в конце концов, к падению.

Однако, когда дело касается Лии, я, кажется, теряю из виду свой образ действий. Не помогает и то, что она бросает мне вызов на каждом шагу. Даже когда она разбивается о мои пальцы.

Она выглядит такой покладистой, когда спит, ее губы слегка приоткрыты, а мягкие линии лица находятся в вечном покое.

Если бы только она была такой же послушной, когда бодрствует.

Может быть, меня останавливает ее спящее лицо. Может быть, дело в ее отношениях с Джереми.

Но я уже некоторое время оттягиваю неизбежное. Мне нужно сделать с ней следующий шаг, пока не поздно.

– Кирилл не проявлял никакой подозрительной активности. – говорит Коля, быстро постукивая по ноутбуку.

Получив военную подготовку, Коля преуспел и в интеллектуальном, и в физическом отделах. В каком-то смысле он самый ценный заместитель во всем братстве. И он достаточно умен, чтобы скрыть свою истинную ценность, чтобы *Пахан* не забрал его себе. Однажды Николай Соколов был близок к этому, но умер, не успев сразиться со мной.

– Не позволяй мужчинам расслабляться рядом с Кириллом. – говорю я, все еще наблюдая за Лией. – Скорее всего, он ждет возможности нанести удар.

– Они мои лучшие люди. Они тебя не разочаруют

– Посмотрим. – Я замолкаю, постукивая по столу. – А как насчет Владимира?

– Мы не можем сказать наверняка. – Коля замолкает и некоторое время смотрит на экран своего ноутбука, прежде чем его карие глаза снова скользят ко мне. – Он держит свои карты при себе, но поскольку *Пахан* ничего не сказал, он ничего не знает.

– Он еще *ничего* не знает. Это может измениться в любую секунду.

Коля набирает еще что-то в своем ноутбуке.

– Движения Владимира были нормальными. Он не сделал ничего необычного, разве что пошел в полицейский участок.

– Возможно, ему нужна помощь.

– От кого?

– Михаил. Игорь. *Рай*. – произношу я ее имя. – Не спускай глаз с них троих и с ее мужа. У него есть друзья-убийцы, и он без колебаний воспользуется их разведданными, если сочтет, что это пойдет ей на пользу.

– Не Дэмиен и Кирилл?

– Кирилл не сказал бы мне, если бы собирался выбрать другую сторону. Его игра отличается от внутренних дел. И Дэмиен не ввязывается ни во что, что не позволяет ему использовать кулаки.

– Понял.

– И Коля?

– Да? – Он поднимает голову.

– Нам нужно встретиться с итальянцами.

Его кадык подпрыгивает вверх-вниз с глотком. Ничто не вызывает такой реакции у моего заместителя. Ни кровь, ни убийства, ни даже бомбежка, чтобы меня вытащить. Когда нам было по двадцать, он в одиночку убил пятерых, чтобы спасти меня от покушения.

Он самый мужественный и преданный человек из всех, кого я знаю, и это было проверено за двадцать пять лет нашего знакомства. Тот факт, что он даже сейчас демонстрирует намек на дискомфорт, объясняется одной-единственной причиной.

Он беспокоится за мою жизнь.

– Я против этого, сэр.

– Я не спрашивал твоего мнения. Я только сказал тебе, что это произойдет.

– При всем моем уважении, если Сергей или кто-то другой узнает, это будет последний удар. У них будут все основания усомниться в вашей преданности.

– Они уже знают. С таким же успехом можно было бы все сделать.

– Подозревать тебя и иметь доказательства. – это совершенно разные вещи. Это тебя убьет. Тебе следует держаться подальше от итальянцев какое-то время, пока мы хотя бы не узнаем, что задумал Владимир.

– Ты прекрасно знаешь, что у меня нет времени.

– Ты мог бы взять немного.

– Время, как бомба замедленного действия: чем больше я жду, тем быстрее приближаюсь к концу.

Он тяжело вздыхает, проводя рукой по своим светлым волосам.

– В чем дело, Коля? Если тебе есть, что сказать, говори.

– Помнишь, как тот человек пытался убить тебя некоторое время назад? Мы побежали за ним в сопровождении Дэмиена и Кирилла, но потом нашли его мертвым?

– Да. – Я никогда не забуду единственную попытку убийства, которую моя система не смогла идентифицировать. Обычно я находил преступника и делал из него пример. Но не в этот раз. Не только наемник, которого послали убить меня, был убит выстрелом в затылок, но мы также нашли доказательства того, что кто-то извлек из него пулю.

– У меня предчувствие, что прошлое повторится, и решение будет убито на наших глазах.

– С каких это пор ты стал суеверным?

– С тех пор. – Его голос тверд, и хотя я знаю, что его опасения искренни, я также уверен, что если я сейчас не сделаю шаг, все рухнет, как картонный домик.

– Мы проведем встречу в день рождения Игоря. – Я постукиваю пальцами по столу. – Мы сделаем так, чтобы все выглядело нормально. Если я уговорю Лазло Лучано дать нам согласие на его кандидатуру в мэры, это успокоит Сергея.

– Ты можешь разыграть свою козырную карту.

– Нет. – твердо отвечаю я.

– Но сейчас отчаянные времена.

– Я сказал «нет», Коля, и это окончательно.

Он поджимает губы, но сдерживается, чтобы не ляпнуть еще какую-нибудь чушь.

Это одно из лучших качеств Коли. Он знает, когда молчать, а когда говорить.

Мой взгляд скользит обратно к монитору, когда я замечаю какое-то движение. Лия так крепко обнимает Джереми, что он, извиваясь, просыпается. Все мое тело напрягается, и я собираюсь пойти туда, пока Джереми не начинает хихикать, когда она щекочет его живот.

Мое тело немного расслабляется, но я продолжаю наблюдать за ними, пока она помогает ему надеть пальто и обматывает шарфом его шею, прежде чем накинуть свое собственное пальто, и они выходят на улицу. Я переключаюсь через камеру в коридоре, затем на лестнице, следя за каждым их движением.

Довольно скоро они направляются к беседке в саду. Там есть камера, но я наблюдаю за ними через окно. Я вижу Яна, который стоит в углу беседки, поза расслабленная, но настороженная.

Джереми и Лия все еще борются за создание его зоны боевых действий, или, скорее, она борется. Это уже сотая попытка, и Джереми продолжает приносить ей одну модель за другой, желая, чтобы они все сделали.

Ее брови сходятся вместе от сосредоточенности, и она раздраженно вздыхает, когда это не работает. У нее совершенно нет терпения, вот почему она умудряется заработать себе наказание – или несколько – каждую ночь. Она по-прежнему огрызается и изрыгает всякие гадости, даже когда прекрасно знает, что это навлечет на нее неприятности. Иногда я вижу сожаление, но иногда выражение ее лица говорит без слов.

– Черт возьми, это все равно произойдет, так зачем откладывать?

После нескольких неудачных попыток Лия зовет Яна, который присоединяется к ним. Она указывает на скамейку, вероятно, приглашая его сесть, но он отрицательно качает головой.

Поэтому она встает, хватая его за руку и тащит на сиденье рядом с собой. Настороженный взгляд Яна встречается с моим через окно, и я почти готов выйти и избить его до полусмерти.

Я знаю, что это не его вина, что она сделала это, но мой мозг не может смотреть дальше ее руки на его. *Ее рука лежит на его руке.*

Словно почувствовав мои убийственные планы, Ян быстро отстраняется, но это не гасит огонь, который прожигает дыры в моей груди.

Глядя на него сверху вниз, я жестом приказываю ему встать, и он тут же начинает подчиняться, но Лия кладет руку ему на колено, заставляя остаться.

Вот и все. Я собираюсь убить его.

Я наклоняю голову в сторону и жестом приказываю ему уйти. В этот момент Лия оборачивается и смотрит на меня, ее глаза сузились, а губы сжались, затем она произносит.

– Прекрати это.

Я, прекратить это?

Я достаю телефон и набираю ей сообщение.

Адриан: Иди сюда.

Она смотрит на экран в течение секунды, ее губы сжимаются еще больше, прежде чем она печатает с быстрой скоростью.

Лия: Нет. Я играю с Джереми.

Адриан: Это третье, Lenochka.

Ее глаза расширяются, и она встречает мой взгляд через окно.

Лия: Сегодня я не сделала ничего плохого.

Адриан: Ты дважды дотрагивалась до Яна и только что отказалась от прямого приказа. Третье.

Лия: Ты невозможен.

Адриан: Я покажу тебе, насколько невозможным я действительно могу стать, если ты не войдешь сюда в следующую минуту.

Лия смотрит на меня через окно, ее гнев растет с каждой секундой, прежде чем она печатает.

Лия: Нет.

Адриан: Тогда скажи Яну, чтобы пришел.

Ее нежный лоб морщится.

Лия: Зачем?

Адриан: Чтобы он мог заплатить за то, что прикоснулся к тебе.

Лия: Он этого не делал. Я сделала.

Адриан: Не имеет значения.

Тот факт, что она защищает его, делает его ситуацию еще хуже, и чем больше она принимает сторону Яна, тем глубже становится его могила.

Лия: Тебе нужна помощь, хорошо?

Адриан: Это четвертое.

Лия резко выпрямляется, бросая телефон рядом с Джереми. Он смотрит на нее неуверенным взглядом, но вскоре улыбается, когда она целует его в щеки и, вероятно, говорит, что скоро вернется.

Ян тоже встает, но остается рядом с Джереми.

Коля, который, должно быть, был свидетелем всего этого, встает и хватается свой ноутбук.

– Я буду в пристройке, если понадобится.

– Что? – спрашиваю я, когда он не пытается уйти.

– Почему ты держишь Яна в качестве ее охранника, когда не доверяешь ему рядом с ней?

– Я его проверяю.

– Ты ломаешь его.

– Одно и то же.

– И все же.

– Перестань его баловать, Коля. Он уже не ребенок. На самом деле он более хитер и работает под поверхностью глубже, чем вы слепы, чтобы видеть.

– Ты так говоришь только потому, что он близок к госпоже Волковой.

– И ты защищаешь его только потому, что отказываешься признать, во что он превратился. Разве ты не видишь?

Он хмурится.

– Что не вижу?

– Ян уже не тот маленький ребенок, который следовал за тобой повсюду, куда бы ты ни пошел.

Он замолкает, словно хочет что-то сказать, но передумывает, кивает и уходит.

Я отключаю мониторы и направляюсь к мини-бару, чтобы налить себе стакан коньяка со льдом. К тому времени, как я снова усаживаюсь в кресло,

дверь открывается не так мягко, как врывается разъяренная Лия и захлопывает ее за собой.

Не торопясь, я впитываю ее. Она сняла пальто и надела светло-розовое платье, которое облегает изгиб ее груди и талии, прежде чем спуститься на ее колени. Ее щеки покраснели, губы поджаты, подчеркивая порез от того, что она прикусила их до крови.

Это изменится.

Рано или поздно эта привычка исчезнет.

Рано или поздно она будет полностью моей. Буквально. Фигурально. Во всех смыслах этого слова.

Я щелкаю на пульте, заставляя шторы закрыться, скрывая нас от внешнего мира.

– Какого черта тебе надо? – рявкает она.

– Это пятое, Lenochka. – Я жестом приглашаю ее подойти поближе. – А теперь иди сюда.

Глава 19

Уинтер

Мой темперамент вот-вот сломается и вырвется на свободу.

Меня так и подмывает убраться из его кабинета – к черту его наказания каждую ночь. Большой ублюдок всегда находит повод отшлепать меня или выпороть, так что сегодня все будет по-другому.

Он делает своей миссией не позволять мне сидеть удобно и чувствовать каждый удар его наказания, когда я двигаюсь. Я постоянно ощущаю его присутствие рядом со мной, даже когда мы не видим друг друга. Это постоянное напоминание о моих постыдных оргазмах и о том, как мое тело реагирует на боль как на стимуляцию, а не как на дискомфорт.

Хуже всего то, что теперь я с нетерпением жду ночи. Я с нетерпением жду всего того, что он сделает со мной в стенах спальни. Иногда я лежу неподвижно по утрам и чувствую себя шлюхой за то, что взяла на себя роль другой женщины и кончила на кровати, в которой она спала годами. Я чувствую себя самозванкой и ужасным человеком.

Но с наступлением ночи все эти мысли исчезают, за исключением ощущения его кожи на моей. Запаха его одеколона. Самой силы его присутствия.

Я говорю себе ненавидеть это, презирать, бунтовать против этого, но какой в этом смысл? Я могу приглушить свои оргазмы и отвернуться от него, но он – константа, от которой невозможно избавиться. Он мог подобрать меня с улицы, но не заставить наслаждаться его заботами. Все это было на моей совести. Я решила наслаждаться его жестокостью, его прикосновениями и даже жаждать этого после единственного вкуса.

Теперь, когда мы в его кабинете, это ощущается совсем не так, как в спальне. Нет никаких голосов, говорящих мне, что это неправильно или что это место принадлежало его жене.

С того дня, как я ждала его на диване снаружи, я активно избегала этого места, так что это первый раз, когда я пришла сюда. Как и он, его офис излучает сильную мужскую атмосферу. В гостиной зоне установлены черный кожаный диван с высокой спинкой и стулья. Даже стакан на кофейном столике черный. На его темно-коричневом деревянном столе расположены три монитора, и он сидит в большом кресле, которое кажется маленьким по сравнению с его мускулистой фигурой. Я с удивлением обнаруживаю полки от пола до потолка, заполненные бесконечными книгами по обе стороны от него.

Они, наверное, для вида.

Он манит меня пальцем.

– Иди сюда.

Мои глаза расширяются, когда он подносит стакан ко рту, и кусочки льда издают кружащийся звук, дразняще звеня.

Черт возьми. Алкоголь.

Эта лгунья Огла сказала мне, что в доме никакого алкоголя нет. Адриан явно сейчас пьет.

Я изо всех сил старалась не ошибиться, чтобы получить награду и попросить спиртного. Однако мой рот обычно доставляет мне неприятности, потому что я не выношу тирании Адриана, поэтому меня наказывают каждую ночь.

Или, может быть, ты хочешь, чтобы тебя наказывали каждую ночь.

Я запикиваю эту мысль в черный ящик на задворках сознания.

Все это время я цеплялась за надежду, что смогу хоть немного напиться.

Теперь все изменилось. У Адриана здесь есть алкоголь. Если бы я знала, то ворвалась бы в его кабинет раньше.

План немедленно формируется в моей голове, когда я медленно приближаюсь к нему. Его спокойный вид не обманывает меня, потому что это всего лишь маска, скрывающая его наблюдательную натуру. Я уже сбилась со

счета, сколько раз ловила его на том, что он наблюдает за мной – то через окно кабинета, то во сне.

Это жутко и заставляет мою кожу покрываться мурашками, но это не только из-за самого действия. Потому что иногда мне кажется, что он видит меня насквозь. Благодаря этой способности он сможет понять, притворяюсь я или нет, поэтому я скрываю свой гнев, мягко покачивая бедрами.

На мне нежно-розовое платье с разлетающейся юбкой вместо прямой, которыми полон шкаф Лии. Излишне говорить, что мне потребовалось много времени, чтобы найти его. Я также ношу каблуки, чтобы добавить немного высоты моим коротким ногам.

Мои волосы распущены, и я поправила макияж после того, как мы с Джереми проснулись. Поэтому я уверена в своей внешности. В чем я не уверена, так это в своей способности играть в игру обольщения с кем-то вроде Адриана.

Он не только наблюдателен, но и способен проникнуть в душу человека без доспехов.

Я останавливаюсь на расстоянии вытянутой руки от него и делаю глубокий вдох. Запаха коньяка почти достаточно, чтобы опьянеть. Я бы убила за глоток. Всего один-единственный глоток. Но как бы мне этого ни хотелось, я заставляю себя не смотреть на стакан, зажатый между его тонкими пальцами.

Если я это сделаю, Адриан увидит меня насквозь.

Он наклоняет голову в сторону, как будто пытается пролезть мимо моего черепа и заглянуть внутрь.

– Что, по-твоему, ты сейчас делала с Яном?

– Я только пригласила его поиграть с нами. Снаружи беседки холодно.

– Ян *не* играет с тобой. Холодно ему или он замерзнет насмерть – не твое дело.

– Ты всегда такой бессердечный, даже по отношению к своим людям?

– Почему? – Он еще больше наклоняет голову. – Ты обиделась за него, Lenochka?

– Конечно, я обиделась. Ты не заслуживаешь его преданности.

– Не прикасайся к нему снова. Не приглашай его больше и даже не разговаривай с ним

– Это было невинно.

– Невинно. – Повторяет он, как будто такая перспектива невозможна.

– Так оно и было.

– Невинно или нет. Этого больше не повторится.

– Или что? Ты накажешь меня? – Я борюсь с желанием усмехнуться, потому что это часть его образа действий.

– Это само собой разумеется. Однако это не единственная цена. Любой, кто посмеет прикоснуться к тебе, тоже заплатит. На самом деле, если я замечу, что кто-то смотрит на тебя, он пожалеет, что вообще родился.

– Ты серьезно? – Я знаю, что это так, поэтому мой вопрос в лучшем случае риторический, но Адриан все равно кивает.

– Давай, проверь меня, Lenochka. Если ты предпочитаешь видеть эту сторону меня раньше, чем позже, если ты хочешь видеть, как Яна избивают до тех пор, пока не сломают несколько костей, ты можешь продолжать в том же духе.

– Ты сошел с ума. – Мой голос дрожит, когда образы избитого Яна врезаются в мою голову.

– Ты ничего не видела о моем безумии, так что не провоцируй меня.

– Ты чертов диктатор. Я не знаю, как, черт возьми, Лия оставалась с тобой все это время. На ее месте я бы давно ушла.

Я жалею о своих словах, как только их произношу. Адриан полностью верит, что я Лия, и я только что разрушила чары, которые он принимал как истину в течение целой недели.

Его лицо мрачнеет, и я испытываю искушение выскочить из комнаты. А еще лучше – из этого чертова дома. Но что-то удерживает меня на месте.

Должно быть, все дело в алкоголе. Нет, это определенно алкоголь заставляет меня оставаться здесь.

Адриан хватает меня за запястье, и я взвизгиваю, когда моя пульсирующая задница касается края стола. Он придвигает свой стул вперед и раздвигает ноги, зажимая меня между ними.

Тепло его кожи захватывает меня в своих темных глубинах, затягивая меня, несмотря ни на что. Нас разделяют его брюки и мое платье, но это даже не имеет значения. Он держит меня как магнит, и мне становится все хуже, а не лучше.

Он собственнически обнимает меня за бедро, и я вздрагиваю, когда он спокойно говорит.

– Ты бы ушла?

– Да, – честно шепчу я, потому что врать сейчас бесполезно. Он увидит ложь насквозь.

– Но как бы ты ушла, если бы за тобой следили?

Я вздергиваю подбородок.

– Я бы нашла способ.

– Так...

– Переделась бы горничной или посыльным, или кем-то еще.

Его губы изгибаются в подобии улыбки, но это не так. Я видела его каждый день целую неделю и ни разу не видела, чтобы он улыбался, даже когда разговаривал с сыном. – Как бы ты сбежала от моих охранников и охраны?

– Я не знаю. Один из них наверняка сжалится надо мной и поможет.

– Сжалится и поможет тебе. Интересно. – То, как он обдумывает слова, заставляет думать, что все это – реальная ситуация, а не гипотетическая.

Я пожимаю плечами.

– Не все такие бессердечные, как ты.

– А затем? - он исследует.

– Что «затем»?

– Допустим, тебе удалось сбежать. Как бы ты выжила во внешнем мире?

– Я бы уехала из штата, уехала на Юг и работала официанткой или еще кем-нибудь.

– И ты думаешь, что так легко от меня избавишься?

– Я могу попробовать.

– А если я тебя поймаю? Что, если ты потерпишь неудачу?

– Я попробую еще раз. Я не перестану пытаться, пока не добьюсь успеха.

Его челюсть сжимается, как будто я ударила его по лицу, и его пальцы больно впиваются в мой бок.

– У тебя ничего не получится, Лия. Никогда.

– Это всего лишь гипотетическая ситуация. – Я ерзаю. – Ой. Это больно.

Он ослабляет хватку на моем бедре, но не отпускает. Его лицо все еще закрыто, и я теряюсь в догадках, почему. Это потому, что Лия пыталась сбежать раньше? Надеюсь, ей это удалось.

Жуткое чувство охватывает меня при мысли, что ее побег мог быть успешным только потому, что она оказалась мертвой.

От разговора черты его лица потемнели, скулы стали резче, жестче, словно их можно резать. Я действительно не хочу, чтобы он был в угрюмом настроении, когда мне нужно выпить прямо сейчас, поэтому я прочищаю горло, указывая на библиотеку.

– Ты читал что-нибудь из этого?

– А что? Интересно почитать одну из них?

– Нет, спасибо. Я едва могу закончить этот толстый, как черт, документ.

– Не читатель?

– Нет. Я предпочитаю музыку. – я делаю паузу. – Ты, наверное, тоже не читатель и держишь их только для вида.

– Я прочитал все книги в этом кабинете.

– Ни за что.

– Да, я сидел здесь, когда отец работал, и старался как можно больше читать.

Я вспоминаю заметки из документа, где упоминался его отец, Георгий Волков, который тоже был лидером Братвы. Его фотография показывала, что у него были мрачные, страшные черты лица, как будто он разорвал бы человека надвое, если бы он только заговорил с ним. Адриан разделяет некоторые его черты, но его внешность и телосложение более утонченные, чем у его отца. Его легко можно считать благородным джентльменом на публике, когда он на самом деле приспешник дьявола.

Георгий умер, когда Адриану было чуть больше двадцати, и Адриан унаследовал все, расширяя свое влияние, пока не стал тем, кем он является сегодня.

Однако о его матери не упоминалось, поэтому я спрашиваю.

– Твоя мать оказала влияние на твои привычки к чтению?

Он поднимает бровь, как будто не ожидал такого вопроса.

– Может быть.

– Это «да» или «нет»?

– Ни то, ни другое. Вот почему это «может быть».

Я, прищурившись, смотрю на него. Он что, дразнит меня?

– Почему в документе не было твоей матери?

– Потому что ее не существовало.

– Ох. Она умерла, когда ты был маленьким?

– Что-то в этом роде.

Все его ответы в лучшем случае расплывчаты. Я не могу понять, что он пытается сказать, а что нет, но в то же время он не полностью отказывается от моих вопросов. Во всяком случае, этот небольшой разговор немного расслабил его до такой степени, что его хватка вокруг моей талии кажется интимной. Это больше не для того, чтобы обеспечить его контроль надо мной, но больше похоже на то, что он хочет прикоснуться ко мне.

– У тебя было такое же детство, как у Джереми? – спрашиваю я.

– Как у Джереми?

– То есть твой отец отсутствовал, и твоей матери пришлось заботиться о тебе?

– Все было наоборот.

– Твоя мама отсутствовала?

Он ничего не говорит, его глаза смотрят на меня, но, кажется, не видят. Я чувствую, что теряю контроль над ним, поэтому выпаливаю.

– Если бы у тебя самого был отсутствующий родитель, разве ты не должен был бы больше чувствовать ситуацию Джереми?

При упоминании о сыне в его глазах снова вспыхивает свет.

– А что насчет ситуации с Джереми?

– Он почти не видит тебя, хотя ты в основном работаешь дома.

– Мы прекрасно видим друг друга.

– Ты когда-нибудь читала ему сказку на ночь?

– Он перерос их.

– Ему всего пять лет, Адриан. Он не перерос сказки на ночь. Кроме того, он скучает по тебе.

– Откуда ты это знаешь?

– Каждый раз, когда мы что-то делаем, он никогда не забывает упомянуть, что когда-то он это делал с тобой или что ты ему об этом рассказывал. Он все время смотрит на тебя, почему ты не смотришь на него?

– Мой голос задыхается, и я пытаюсь прочистить горло.

Он не знает, как ему повезло, что у него есть такой ангел, как Джереми. Адриан вытирает большим пальцем под моим глазом, выражение его лица становится теплее, как будто он не хочет, чтобы я плакала. Этот мудака, кажется, не возражает, когда я рыдаю от оргазма, пока он наказывает меня.

– А как насчет тебя? – шепчет он.

– Меня?

– Ты смотришь на меня?

– У меня нет причин смотреть на тебя.

– Нет?

– Нет. Мне жаль, если ты думаешь, что я твоя жена, но это не так.

– Да, ты моя жена, Лия.

– Меня зовут Уинтер.

Темнота, которая, как я думала, исчезла, снова врезается в его глаза.

– Это шестое.

– Ты не можешь стереть мое имя. Я Уинтер. По крайней мере, называй меня так, когда мы вдвоем.

– Седьмое, Лия.

Я плотно сжимаю губы, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Я не знаю, почему тот факт, что он отказывается называть меня по имени, так действует на меня, почему мне кажется, что он режет меня больше, чем любое из его наказаний. Этого не должно быть, и все же болезненное чувство глохнет меня изнутри, требуя, чтобы я победила.

Потому что с каждым днем моя настоящая личность распадается, и я чувствую, что в мгновение ока стану Лией.

– Ты можешь играть в свои больные игры сколько угодно, Адриан, но ты не сможешь стереть то, кем я являюсь. Чем я являюсь.

– Восьмое.

Я должна сократить свои потери и держать рот на замке, но я этого не делаю. Я не могу. Он должен знать, что я сама по себе, что он не может превратить меня в свою мертвую жену.

– Меня зовут Уинтер Кавано, я родилась в Мичигане. Мой отец умер, когда я была совсем маленькой, и мама перевезла нас в Нью-Йорк по работе.

– Заткнись.

– Нет! Ты будешь слушать, потому что я не просто какая-то надувная кукла, которая играет больную роль твоей мертвой жены. Я человек. У меня есть чувства. Я *чувствую*. – Я делаю резкий вдох, прежде чем продолжить. – После того, как моя мама перевезла нас сюда, я начала посещать уроки балета, хотя они были чертовски дорогими. Когда мама больше не могла позволить себе платить за них, моя учительница взяла меня под свое крыло в качестве

благотворительного дела и заплатила за них от имени моей мамы, потому что она не могла видеть, как мой талант пропадает впустую. И знаешь, что? Я была чертовски блестящей балериной. Все мои одноклассники позеленели от зависти, потому что у меня были сильные лодыжки, и я могла стоять на пуантах с тех пор, как мне исполнилось одиннадцать. Я была настолько хороша. Но это было также, когда богатые дети начали объединяться против меня, называя меня благотворительным делом. Ты знаешь, каково это – расти бедным, Адриан? Конечно, ты не знаешь. У тебя был богатый отец из мафии.

– Ты собираешься заткнуться?

– Нет. Ты будешь слушать. На этот раз ты, черт возьми, будешь слушать. Когда мне было шестнадцать, меня взяли в качестве запаса в Нью-Йоркский городской балет. Я думала, что наша с мамой жизнь превратится в радуго. Но нет, тамошние танцовщицы меня не любили и дали об этом знать. Они издевались надо мной, меняли мои изношенные ботинки на новые.

Они украли мои пластыри, подушечки для ног и эластичные бинты и порвали трико перед важными выступлениями, чтобы помешать мне выйти на сцену. Но у меня была подруга, которая помогла мне. Она протянула мне руку и защитила. Иногда она позволяла мне танцевать от ее имени. Она поддерживала меня на протяжении многих лет, и хотя ее навыки ничем не отличались от моих, она стала прима-балериной в возрасте двадцати лет. Далеко я не ушла. Я просто оставалась там, на заднем плане, как никто, но я не обижалась на нее за это. Я была счастлива за нее. Я праздновала вместе с ней и была благодарна, что у меня есть крыша над головой.

– Но знаешь ли ты, что произошло потом? Я узнала, что именно она держала меня на заднем плане. Все ее милое поведение было уловкой, чтобы держать меня под каблуком. Я была такой глупой. Такой чертовски *глупой*. После этого я так возненавидела танцы, что бросила. Я покинула этот мир и все, что с ним связано. Но она не выходила у меня из головы. Она оставалась в глубине и в моих кошмарах. Она была там, когда я была никчемной официанткой и видела ее плакаты на улицах. Она сказала, что хочет получить

последнюю услугу. У нее хватило наглости попросить об одолжении. Но я не могла сказать «нет», и знаешь почему? Потому что моя мама умирала, и меня обрюхатил какой-то гребаный мужик, имени которого я не помню, и моя дочь родилась со слабыми легкими. Я приняла предложение горячей балерины, которое включало в себя то, что мою маленькую дочь вырвали из моих рук вскоре после ее рождения. Когда я рассказала маме о том, что делаю, чтобы обеспечить наше будущее, она проклинала меня до чертиков, но я не остановилась. Я не могла позволить себе роскошь остановиться.

– Но мне это не удалось. Я попала в аварию, после которой моя голова была почти расколота. Когда я очнулась в больнице, мамы уже не было. – Теперь я рыдаю, слезы текут по моим щекам. – Легкие моей маленькой девочки отказали, и вскоре она последовала за ней. Вот так я и оказалась на улице. Вот так я стала тенью человека, бездомной, никем. Так что нет, Адриан. Я не Лия. Мое имя и личность – это последнее, что у меня есть, так что не смей отнимать и это.

Я задыхаюсь, когда заканчиваю рассказывать ему свою историю. Я никак не ожидала, что выпалю это так, словно слова жгли мне язык. Единственный человек, который знает о моей истории, – это Ларри, и я рассказывала ему только отрывками. Не на одном дыхании, как я сделала только что.

Если я и ожидала сочувствия от Адриана, то он его не проявил. Выражение его лица остается прежним.

– О какой услуге она тебя просила?

– Что?

– Ты сказала, что она попросила тебя об одолжении. Что это было?

– Зачем тебе это знать?

– Скажи мне.

– Н-нет.

Он прищуривается.

– Почему?

– Потому что я не горжусь этим.

– Ты сказала, что тебе это не удалось.

– Я хотела этого. Я думаю, что это то, что имеет значение для меня.

Он молчит слишком долго, и я думаю, что он задаст мне еще один вопрос, но он этого не делает. Его плечи заметно напряглись под светло-серой рубашкой, а неуловимая напряженность в глазах обостряется с каждой секундой.

Если бы я не знала его лучше, то сказала бы, что он сердится. Но из-за чего? Потому что я не ответила на его вопрос?

– Ложись на стол, Лия.

Любая надежда, что он назовет меня по имени, разбивается вдребезги и рассеивается на заднем плане. Это больнее, чем все, что он сделал со мной. Хуже, чем удары ремня и шлепки. Хуже, чем то, что он лишил меня алкоголя.

Потому что в этот момент я понимаю, что он никогда меня не увидит. Что, как и в балете, я всего лишь тень кого-то другого.

Ничтожное ничтожество.

Глава 20

Уинтер

Когда мне требуется больше секунды, чтобы забраться на стол, Адриан обхватывает меня руками за талию, поднимает и сажает.

Теперь я нахожусь прямо перед его неумолимым взглядом. Мне хочется кричать и вопить, драться и царапаться. Я чувствую, как на задворках моего мозга нарастает истерика или срыв – или и то, и другое, – но я сдерживаю их, глядя на стену позади него.

– Подними ноги и раздвинь их, – приказывает он.

Я делаю, как он говорит, упираясь пятками в край стола. Мои движения в лучшем случае механические, и я благодарна за это. Я жду, когда онемение овладеет мной, потому что именно это мне сейчас и нужно.

Если я оцепенею, то не почувствую, как острые края впиваются в мое сердце. Если я оцепенею, я не буду ненавидеть мертвую женщину, потому что она все еще живет во мне. Потому что она все еще жива для Адриана, в то время как я не существую.

– Посмотри на меня.

Я не смотрю, мой взгляд украдкой скользит по белой стене позади него.

– Лия.

Я не Лия. Перестань называть меня Лией. Но я этого не говорю, потому что это не имеет значения. Не для Адриана.

– Это девятое.

Я молчу. Он может делать с моим телом все, что захочет. Во всяком случае, он уже думает, что это Лия, а не я.

– Десятое. – Он смотрит на часы. – Счет будет расти с каждой минутой, когда ты, черт возьми, не смотришь на меня.

Мой взгляд скользит к нему, и я надеюсь, что он такой же мертвый, как я себя чувствую. Надеюсь, он видит всю жестокость того, что делает со мной,

как стирает мою личность. Но разве его это волнует? Потратит ли он хоть секунду своего драгоценного времени на то, чтобы подумать, что чувствует женщина, которую он привел с улицы?

Он не сделает этого.

Адриан подносит стакан с коньяком к губам, и большая часть льда уже растаяла. Я хочу глотнуть его больше всего на свете. Это сотрет мои чувства и заставит меня снова онеметь. Если я напьюсь, ему не повредит, что он видит во мне другую женщину.

Кажется, заметив, что я сосредоточилась на его напитке, Адриан делает паузу, прежде чем встать.

– Оставайся здесь и подними платье.

Я делаю, как он говорит, наблюдая, как он направляется к мини-бару и наполняет свой стакан еще льдом и алкоголем.

К тому времени, когда он возвращается, я прижимаю платье к животу, сидя на столе, полуобнаженная, и только мои белые кружевные трусики прикрывают мою киску. Он скользит к своему стулу и делает еще один глоток коньяка, как будто насмехается надо мной. Когда он отрывает губы от стакана, он перекачивает что-то во рту, прежде чем наклониться и прижаться холодными губами к внутренней стороне моего бедра.

Я задыхаюсь и опираюсь на одну руку. Он целует мое бедро, проводя кончиком льда по моей разгоряченной коже. Он тает в считанные секунды, оставляя за собой холодные и горячие следы. Адриан берет еще один, на этот раз зубами, и рисует новый след, начиная с того места, где остановился первый.

Я на мгновение теряю из виду коньяк, все мое внимание сосредоточено на том месте, где лед встречается с моей кожей, на том, как его губы слегка касаются моего бедра, его щетина создает невыносимое трение.

Моя голова откидывается назад, и я прикусываю нижнюю губу, пытаюсь сомкнуть ноги.

– Держи их открытыми, – приказывает он, держа стакан на полпути ко рту. – Сколько?

– Ч-что?

– Ты разучилась считать, Lenochka?

О, так это его больная версия наказания сегодня. Я предпочитаю жгучую боль. По крайней мере, тогда я смогу думать о нем как о извращенном психе, которого я должна ненавидеть.

– Лия...

– Д-два, – Мой голос дрожит, и я ненавижу это имя, и его, и то, как он заставляет меня чувствовать себя невидимой.

Он смачивает губы и скользит еще двумя кубиками льда по внутренней стороне моего бедра, прежде чем перейти к другому, уделяя ему такое же мучительное внимание. К восьмому я уже брежу. Он всегда останавливается прямо перед тем, как его губы или кубик льда коснутся края моих трусиков, как будто он делает это нарочно, мучая меня нарочно, превращая меня в версию самой себя, которую я нарочно не узнаю.

Я задыхаюсь, мое сердце бьется в унисон, когда он спускает мое нижнее белье вниз по ногам, а затем бросает его на пол. Он нарочито медлителен, как будто точно знает, как это на меня подействует.

– Сколько, Лия?

– Восемь... – Я выдыхаю.

Он делает глоток коньяка и кладет еще один кубик льда между зубами. Я резко втягиваю воздух при виде того, как он смачивает губы, капает с его щетинистого подбородка. Но это все, что я успеваю увидеть, прежде чем он исчезает у меня между ног. Он прикладывает лед к моим мокрым складкам, и я дергаюсь на жесткой поверхности.

Не имеет значения, насколько я ожидала контакта, в тот момент, когда это происходит, это похоже на все фейерверки и взрывы, которые я никогда не думала, что это возможно.

Адриан хватается меня за бедра, удерживая на месте, и толкает кубик в самое чувствительное место. Холодная температура должна заглушить мое либидо, но оно только усиливается. Это может быть потому, что моя горячая температура плавит его в секунду или из-за преднамеренного прикосновения Адриана или его языка к моему клитору.

Как только кубик исчез, он берет другой и ставит стакан на стол. Надо бы воспользоваться случаем и выпить, но я не могу пошевелиться. Я в клетке, и это не из-за его пальцев, впивающихся в мои бедра. Если я уберу руку, я чувствую, что упаду.

Адриан толкает лед к моему входу, и я визжу, прежде чем прикусить губу, чтобы скрыть звук. Но на этом он не останавливается.

Его язык покусывает мой клитор, когда два его пальца вонзают лед глубоко внутрь меня. Моя спина выгибается, и кончик каблука чуть не падает с края стола.

Он грубо, старательно облизывает меня, словно наказывает и награждает одновременно. Как будто он поклоняется моему телу и одновременно преподает ему урок.

Я чувствую, как лед тает внутри меня, и это только усиливает удовольствие, которое я чувствую через клитор. Его зубы посылают электрические разряды в мою сердцевину. Он сосет, покусывает, затем щелкает языком по той тайной части меня, которую он не должен знать так хорошо.

Моя голова ударяется об один из изогнутых мониторов, когда я кончаю с приглушенным криком. Не в силах удержать платье, я позволила ему упасть, накрывая его голову, пока я оседлала волну удовольствия. Мои ноги отказываются от борьбы за то, чтобы оставаться в вертикальном положении, и падают, трясясь и свисая с края стола.

Адриан появляется из-под моего платья, облизывая губы. Переводя дыхание, я отвожу от него взгляд. Я не хочу смотреть на него, на высокомерие,

написанное на его лице, на то, как он самодовольно владеет мной. О том, что я его гребаная Lenochka.

Я *не* она.

Он сжимает мой подбородок двумя пальцами и заставляет меня смотреть на него. – Ты не считаешь.

– Девять... Десять ... – Мой голос едва слышен, когда я смотрю на его руку. Он подносит стакан с коньяком к губам, и мое сердце разрывается.

Он допьет, и я ничего не получу от всего этого.

– Хочешь выпить? – спрашивает он небрежно, словно, не замечая нетерпения на моем лице.

Он играет в дурацкую игру, но как бы мне ни хотелось выпить, я не стану играть ему на руку.

– Какой в этом смысл? Ты просто скажешь «нет».

– Ты можешь попробовать.

– Серьезно? – Я говорю так же недоверчиво, как и чувствую.

– Иди сюда. – Он тянет меня за руку, и я, спотыкаясь, поднимаюсь на ноги, пока не оказываюсь перед ним на дрожащих ногах. Он разворачивает меня и сажает к себе на колени, так что я оказываюсь лицом к столу.

Моя спина приклеена к его твердой стене мышц, а ноги зажаты между его. Выпуклость упирается в мою больную спину, и мне требуется все мое мужество, чтобы оставаться неподвижной, не извиваться и не дергаться.

– Закинь ноги на стул, Lenochka. Я хочу иметь доступ к твоей киске, пока ты пьешь.

Я делаю, как мне говорят, и обхватываю обе ноги вокруг стула, который, естественно, раздвигает мои ноги еще дальше. Его свободная рука скользит под мое платье, пока он не

обхватывает меня.

Меня охватывает дрожь, и я стараюсь не превратиться в дрожащий лист в его руках.

Адриан опустошает стакан, оставляя только глоток.

– Открой рот.

Я не хочу, я действительно не хочу, потому что мой рот – это место, откуда будут исходить все эти смущающие звуки, но он не очень-то стимулирует меня прямо сейчас. Все дело в алкоголе.

Я медленно открываю рот. Но вместо того, чтобы предложить мне оставшиеся капли коньяка, как я ожидаю, Адриан осушает его, и прежде, чем я успеваю возразить, он роняет стакан на стол, а пальцы другой руки обхватывают мое горло и приподнимают мою челюсть. Его губы встречаются с моими, и я узнаю резкий привкус алкоголя. Это немного, но достаточно, чтобы ударить мне в голову.

Вообще-то нет. Это не алкоголь бьет мне в голову. Это совсем другой вкус.

Адриана.

Он сосет мой язык в поцелуе с открытым ртом, умоляя, исследуя и лишая меня всего здравого смысла. Это нежно, но жестоко. Страстно, но требовательно. Точно так же, как он поедал меня всего минуту назад.

Адриан никогда не целовал меня раньше, и все же мне кажется, что мы целуемся с тех пор, как встретились. Как будто поцелуи были самым ярким моментом нашего существования. Он так увлечен этим, как будто пытается выманить что-то из меня, используя мой рот. Его энергия вызывает мою, и я не могу сдержать желание поцеловать его в ответ, попытаться дать ему столько же, сколько он. Я так настроена на него, что мое тело словно сливается с его.

Я пьянею от него, а не от алкоголя.

Он погружает в меня два пальца, и я стону ему в рот. Из него вырывается стон, как будто этот звук – лучшее возбуждение, которое он когда-либо слышал. Я хочу оторваться от его рта, приглушить свой голос, как обычно, но Адриан удерживает меня на месте, когда он засовывает свои пальцы внутрь и наружу. Я задыхаюсь, когда он добавляет третий, наполняя меня, как никогда раньше.

Иисус.

Адриан пожирает мои губы и язык, в то время как его пальцы входят и выходят из меня. Я прижимаюсь задницей к его бедру, отчаянно нуждаясь в освобождении, которое может принести только он. Он становится твердым как камень, его член увеличивается с каждой секундой. Меня охватывает страх, смешанный с предвкушением.

Если его три пальца будут наполнять меня, как будет чувствовать себя его член? Я видела это несколько раз, когда он заставлял меня смотреть, как он кончает своими собственными руками. Я знаю, что он массивный, когда он твердый, и я действительно не должна думать об этом внутри меня прямо сейчас, а не о его пальцах.

Но одной мысли об этом достаточно, чтобы я переступила через край.

Я отрываюсь от его губ и кусаю его руку, которая держит меня за горло, когда я кончаю. Должно быть, это чертовски больно, но Адриан не издает ни звука. Во всяком случае, он остается неподвижным, даже его пальцы останавливаются, когда я ловлю волну своего оргазма.

Я тяжело дышу, мои зубы и губы все еще сжимают его руку, когда он тихо спрашивает.

– Ты когда-нибудь собираешься позволить мне услышать твой голос?

Я отпускаю его руку, чтобы посмотреть на него, на легкую морщинку на его лбу, на разочарование, которое я чувствую в его позе.

– Ты когда-нибудь назовешь меня Уинтер? – бормочу я в ответ.

Он качает головой.

Мне хочется плакать. Я хочу упасть со стула и слиться с ковром.

– Тогда ты никогда не услышишь моего голоса, Адриан. Потому что он мой, а не Лии.

Прежде чем он успевает что-то сказать, в дверь тихо стучат. Я замираю, сердце бешено колотится в груди. Я не запираю дверь, и если кто-нибудь войдет, то увидит, что я сижу на коленях у Адриана, а его пальцы глубоко во мне.

– Кто это? – спрашивает Адриан своим сильным голосом, не пытаясь отпустить меня. Он так уверен, что никто не откроет дверь, но ведь это его замок. Зачем кому-то в здравом уме бросать ему вызов?

– Папа, а мама там?

Я задыхаюсь от голоса Джереми и пытаюсь вырваться из объятий Адриана, но он удерживает меня, прижимая к себе пальцами.

– Отпусти меня. Твой сын снаружи.

Он смотрит на меня, когда говорит Джереми.

– Да.

– Можно войти? – спрашивает мальчик.

Я отчаянно качаю головой, но Адриан говорит.

– Да.

– Ты с ума сошел? – прошипела я себе под нос.

– Ты сказала, что я не провожу с ним много времени.

– Это не то, что я имела в виду... – мои слова обрываются, когда дверь со щелчком открывается и Джереми вбегает внутрь, неся одного из своих игрушечных солдатиков. Я опускаю ноги вниз и разглаживаю платье на бедрах, чтобы скрыть положение, в котором его отец держит меня.

– Что вы делаете? – Джереми останавливается справа от нас, его невинные глаза переводятся с меня на Адриана.

Его отец молчит, оставляя мяч на моей площадке. Мудак. Я натягиваю на лицо улыбку.

– Твой папа мне кое-что показывал.

– Правда?

Адриан обнимает меня за талию и кладет подбородок мне на плечо. Жест новый и интимный, даже больше, чем его пальцы внутри меня, и это заставляет меня вздрогнуть.

– Правда.

– А можно мне тоже посмотреть?

– Нет! – кричу я и улыбаюсь. – Я хочу сказать, что приду к тебе, чтобы мы могли поиграть вместе.

– Может папа тоже прийти? – спрашивает Джереми медленно, почти застенчиво, и мне хочется врезать Адриану за то, что он так себя чувствует.

– Я приду, Malysh.

Глаза Джереми поднимаются одновременно с моими, и мы оба говорим.

– Ты придешь?

Адриан бросает на меня веселый взгляд.

– Я приду.

Джереми берет меня за руку и пытается потянуть за собой. Я толкаю Адриана локтем, чтобы он отпустил меня, и он делает это, но не раньше, чем покусывает раковину моего уха.

Он берет салфетку и вытирает руку, прежде чем быстро поднять мои трусики с земли. Мои щеки пылают. Я совсем забыла, что они там.

Вместо того чтобы выбросить их в мусорное ведро или спрятать в одном из ящиков, Адриан засовывает их в карман брюк. Я открываю рот, чтобы возразить, но потом вспоминаю, что здесь Джереми.

Он засовывает солдатика в карман и кладет руку в руку отца – не в ту, что была во мне, слава Богу.

Адриан следует примеру сына, когда тот выводит нас из кабинета, рассказывая о своих солдатах. По крайней мере, один из нас чувствует себя комфортно. Я чувствую, что мои ноги перестанут держать меня от того, как сильно они дрожат.

– Эй, папа, – Джереми пристально смотрит на отца.

– Да? – Я замечаю, что голос Адриана становится мягче, когда он говорит с сыном. В нем все еще есть та же сила, но он не направляет ее на Джереми.

– Можно мамочка будет со мной?

Пепельные глаза Адриана скользят по мне, прежде чем он снова сосредотачивается на сыне.

– Она уже с тобой.

– Не сейчас. Ночью. Я хочу, чтобы мамочка спала со мной, но она сказала, что я должна попросить тебя об этом.

Пламя ползет по моим щекам. Парень воспринял это предложение всерьез.

– Она так сказала, да? – Адриан встречает мой взгляд с легкой улыбкой, от которой у меня перехватывает дыхание. Черт возьми. Это даже не полная улыбка, но я чувствую, что на меня нападают.

– Угу, – говорит Джереми, не обращая внимания на напряжение, повисшее в воздухе. – Так можно?

– Она с тобой днем, так что нет.

– Пожалуйста, папа.

– Ты хочешь, чтобы я остался совсем один, Malysh?

– Нет.

– Тогда ты должен отдать мне свою маму на ночь.

– Тебе тоже нужна мамочка, папа?

Адриан делает паузу, прежде чем спокойно и уверенно произносит.

– Нужна.

Мое сердце рвется вперед, грохоча и сдавливая грудную клетку, словно желая вырваться из заточения. Его слова не должны были так на меня подействовать. Я должна думать, что я нужна ему только потому, что он хочет, чтобы его ежедневная больная доза наказывала меня, но выражение его глаз говорит о чем-то совершенно другом.

Его глаза, которые я всегда считала неудобными, теперь задыхаются, пытаюсь вбить в меня слова, которые я не хочу слушать.

– Хорошо, папа, – улыбается мне Джереми. – Тогда мы поделим мамочку.

– Спасибо, Malysh, – Адриан улыбается сыну, и это снова застает меня врасплох.

Какое он имеет право так улыбаться?

Адриан помогает мне надеть пальто и застегивает его до самого верха, прежде чем накинуть шарф на шею. Затем он делает то же самое для Джереми и поднимает его на руки.

Я не хочу сосредотачиваться на этом, на том, как он может быть любящим отцом, но эта сцена трогает что-то внутри меня, когда мы выходим на улицу.

Мы втроем сидим в беседке, где зона боевых действий Джереми все еще не завершена. Маленький ангел устраивается между нами, радостно покачивая ногами, и его внимание переключается с меня на отца. Кто знает, сколько времени прошло с тех пор, как оба его родителя играли с ним?

– Мамамочка не знает, как это делается, папа.

Губы Адриана слегка подергиваются.

– Эй, это неправда. Я делала это медленно, чтобы он научился.

– Видимо, слишком медленно. – Адриан изучает не те кусочки, склеенные вместе. – Ты уверена, что это не ты учишься?

Я сгибаю пальцы.

– Да, я уверена.

– Ты ужасная лгунья, Lenochka.

– Я не лгу.

– Так говорят все лжецы.

Я смотрю на него поверх головы Джереми, и он смотрит прямо на меня с легким, почти дружелюбным выражением на лице.

– Как ты можешь знать, когда кто-то так легко лжет?

– Значит, ты признаешь, что лжешь?

– Нет. – Я делаю гримасу и говорю. – Джереми, – чтобы он не назвал меня лжецом в его присутствии.

Губы Адриана растягиваются в легкой улыбке. Черт возьми. Я рада, что он не улыбается слишком часто, потому что у меня может случиться остановка сердца или что-то в этом роде. Кажется, он сейчас в очень хорошем настроении, и мне интересно, что его вызвало. Мое наказание в его кабинете

или просто нахождение здесь со мной и Джереми? Зная его контролирующей, доминирующий характер, это, вероятно, первая причина.

Он берет несколько фигурок из игры Джереми и собирает их, не отрывая от меня взгляда.

– Если только ты не обучена лгать, у людей есть свои секреты. Трение носа или затылка, ерзание или взгляд в другую сторону, чтобы вызвать ложь. Причина этого заключается в том, что ложь не является естественной и требует много энергии, поэтому большая часть кислорода в крови устремляется к мозгу, оставляя остальные конечности либо онемевшими, либо холодными. Вот почему ты разминаешь пальцы.

Я сжимаю пальцы в материале пальто, и Адриан смотрит на меня с полнейшим весельем, без сомнения, находя удовольствие в том, чтобы загнать меня в угол.

Джереми бросает на меня неодобрительный взгляд.

– Врать плохо, мамочка.

– Я не лгала, Джер, – я смягчаю свой тон, даже когда смотрю на Адриана.

– Хорошо, – с готовностью соглашается он, как маленький ангел. –

Научи мамочку, как делать мою зону боевых действий, папа.

– Хммм, – голова Адриана наклоняется в мою сторону. – Думаю, я так и сделаю.

Я поджимаю губы, но он просто тянется, чтобы обернуть шарф вокруг моей шеи, прежде чем приступить к работе. Он буквально заканчивает строительство всей зоны боевых действий менее чем за пятнадцать минут.

Я стараюсь не впечатляться, но это так.

– Ура, папа! – Джереми целует отца в щеку, радость искрится в его широко раскрытых глазах.

Адриан смотрит на меня.

– Я думаю, твоя мама тоже должна быть признательна, не так ли, Malysh?

– Да, мамочка! Поцелуй папу.

Я пристально смотрю на Адриана за то, как он манипулирует ребенком, но не делаю из этого проблемы, когда наклоняюсь и прижимаюсь губами к щетине на его щеке.

На долю секунды это кажется нормальным, как будто мы на самом деле семья, которая находится в саду, занимаясь семейными делами.

Я уже собираюсь отстраниться, когда мой взгляд перемещается вверх. Не знаю, почему в такой момент я смотрю в сторону гостевого дома. Я не знаю, почему мои глаза сразу поднимаются.

Все, что я знаю, это то, что я не должна была. Мне *действительно* не следовало этого делать.

Из окна на меня смотрит какая-то фигура. Ее лицо такое же бледное, как и ее ночная рубашка, но глаза яростно-голубые, когда она смотрит на меня.

Мои глаза.

Призрак, о котором упоминал Джереми, смотрит на меня и, похоже, готов убить меня.

Глава 21

Уинтер

– Подними руки.

Я следую команде Адриана, чтобы он мог скользнуть шелковой ночной рубашкой по моему телу. На ощупь она мягкая, успокаивающая, но все равно слишком чувствительная к моей коже.

Мы только что закончили очередной сеанс наказания. На этот раз это были три последовательных оргазма за то, что я сегодня трижды ему ответила.

За последнюю неделю их число сократилось. Может быть, когда-нибудь это будет ноль, и я смогу получить свою награду, но не похоже, что это произойдет в ближайшее время.

Прошло уже две недели с тех пор, как я вошла в дом Адриана, и он всегда находит, за что меня наказать. Наверное, я тоже недостаточно осторожна, но он совсем не терпелив.

Если я говорю «окей» это один.

Если я спрашиваю почему, это два.

Если я не смотрю на него, пока он трахает меня пальцами или ртом, то это три.

Если он зовет меня Лия, а я не отвечаю сразу, значит, четыре.

С ним не выиграть, потому что он выложил все обстоятельства, чтобы они работали в его пользу.

Каждый вечер, после того как Джереми ложится спать, я прихожу в эту спальню с замиранием сердца в ожидании того, что он сделает дальше. Иногда он не дожидается этого момента и зовет меня в свой кабинет, чтобы получить наказание. Затем он возобновляет подсчет, чтобы убедиться, что его руки заняты в течение ночи.

Руки, которые в данный момент застегивают верхнюю пуговицу моей ночной рубашки. Большие жилистые руки с длинными тонкими пальцами, на которые я не могу перестать смотреть, даже если бы захотела.

Руки, которые могут приносить удовольствие или боль – или и то и другое – в зависимости от настроения их владельца.

Мои глаза опущены, и я устала от количества оргазмов, которые он дал мне за один раз, но я остаюсь сидеть перед комодом, в то время как Адриан стоит передо мной на коленях.

Он, черт возьми, стоит на коленях, и все же это движение ничего не удерживает от его силы. Судя по тому, как он меня держит – физически, по крайней мере.

Только физически.

Он только что закончил мыть меня. С того самого дня в своем кабинете он открыто говорит, что заботится обо мне. Он намылил все мое тело мылом и даже вымыл мне волосы. В какой-то момент мои ноги не выдержали, и я села на пол в душе. Адриан опустился на колени позади меня и закончил с моими волосами. Его руки были повсюду – на моих плечах, спине, между ног, и бегали по шраму от родов.

Это было уже слишком. Все еще. Я не хочу, чтобы он так обо мне заботился. Я не люблю, когда обо мне заботятся. Это заставляет меня чувствовать себя слабой – слабее, чем ситуация, в которую я попала. И я чертовски не хочу, чтобы Адриан это делал. Потому что он не настоящий. Может, и нет, но не по отношению ко мне.

Это по отношению к его жене.

Теперь он в черных спортивных штанах и без рубашки. Я изучаю твердые выпуклости его живота и тонкие волоски на мужской груди. Интересно, почему у него там нет татуировок?

Его руки и кисти полностью покрыты чернилами, но даже когда я смотрю на них, я не могу понять смысл большинства его татуировок. На его предплечье есть компас, но я не думаю, что он указывает направление. У него

на плечах летящие птицы. Кровавый цветок нарисован чернилами в центре замысловатой карты, которая не похожа на карту мира. Может быть, это карта России. Интересно, о чем он думал, когда делал их.

Но с чего бы мне удивляться? Я ничто для этого человека. Только замена.

Я пытаюсь запечатлеть эти слова в памяти, чтобы не быть захваченной его нежными прикосновениями, тем, как его пальцы время от времени касаются моей груди.

Он не видит тебя, Уинтер. Он видит Лию.

Я мысленно возвращаюсь к фигуре, которую видела в окне в тот день, когда целовала его в щеку.

Бледная женщина с горящими глазами, очень похожая на меня.

Когда я моргнула, она исчезла.

То ли мне показалось, то ли призрак Лии действительно был там. Я выбрала первый вариант, потому что второй пугал меня.

Всякий раз, когда мы с Джереми играем в беседке, я все время смотрю в то же самое окно на случай, если она снова появится.

Она никогда этого не появлялась.

У меня, вероятно, будет больше шансов выяснить, правдивы ли мои галлюцинации, если я пойду туда, но охранники Адриана следят за садом – или за нами – весь день. Не говоря уже о том, что сам этот мужчина всегда наблюдает за нами, как ястреб из окна своего кабинета.

Ян тоже постоянно там.

Единственный раз, когда я могла бы войти в гостевой дом незамеченной, это ночью. И это пугает меня до чертиков.

Этот дом пугает меня до чертиков.

Мужчина передо мной пугает меня еще больше, потому что он – причина, по которой я чувствую, что ползу на какую-то гребаную территорию.

Закончив, Адриан поднимается и встает позади меня, хватая фен. Медленное гудение наполняет комнату, когда он снимает полотенце с моей головы и сушит волосы.

Я дрожу по совершенно иной причине, чем мои мокрые волосы, встречающиеся с моей шеей. Я опускаю глаза, потому что не хочу смотреть в зеркало и видеть, как он ухаживает за мной и сушит волосы феном. Я не хочу попасть в эти моменты, которые не предназначены для меня.

Лия была счастливицей. Или, может быть, все было наоборот, учитывая дикие способы, которыми он прикасается ко мне – к *ней*.

Интересно, каково это, когда такой сильный мужчина, как Адриан, заботился о ней так, словно она – его мир. Было ли у нее покалывание, как у меня, или она считала это удушающим, как и я?

Интересно, он тоже заставил ее подождать, прежде чем трахнуть. Я внутренне качаю головой. Почему, черт возьми, я думаю о том, как он трахает ее? Или меня?

Просто для него не имеет смысла продолжать кончать на мой живот, грудь или даже задницу. Его эрекции кажутся болезненными, но он все еще отказывается трахать меня.

Я отказываюсь, чтобы он услышал мои стоны или крики, поэтому я думаю, что это не произойдет в ближайшем будущем.

Так же он поступил и с Лией?

– Каким был твой брак с Лией? – спрашиваю я, прежде чем успеваю остановиться.

Мой голос тих по сравнению с шумом фена, поэтому я молюсь всем звездам наверху, чтобы он меня не услышал.

Но потом он говорит.

– Это был брак.

Мое унижение от того, что меня слышали, исчезает при его ответе. У него есть эта приводящая в бешенство манера избегать вопросов. Он не то

чтобы отказывается отвечать, но дает что-то неопределенное или перефразирует первоначальный вопрос.

– Как вы познакомились?

– Почему ты хочешь знать?

Почему я хочу знать, серьезно? Почему мне интересно узнать о нем и его жене?

Стуча ногтями, я продолжаю смотреть на них.

– Я подумала, что должна знать, если кто-нибудь спросит.

– По официальной версии, мы познакомились на вечеринке.

Я медленно поднимаю голову и смотрю на него через зеркало.

– Есть неофициальная версия?

Он занят моими волосами, когда говорит.

– Правильно.

– Какая?

– Это секрет между мной и Лией.

– Я думала, я – Лия.

– Я думал, тебе не нравится, когда тебя называют Лия, – он проводит пальцами по моим быстро сохнущим волосам.

– Ты все еще заставляешь меня играть ее роль.

– Ты все еще не считаешь себя ею, и это не делает тебя причастной к моим секретам.

Я открываю рот, чтобы что-то сказать, но решаю этого не делать, потому что все, что я выплуну, будет иметь обратный эффект.

Больной мудака пытается полностью стереть меня, чтобы я стала его женой. Если я ослаблю бдительность, от меня ничего не останется.

– Через несколько дней ты пойдешь со мной на день рождения, – неожиданно объявляет он, выключая фен и расчесывая мне волосы.

– Чей день рождения?

– Игоря.

Я прищуриваюсь.

– Игорь Петров?

Он кивает.

– Что ты о нем знаешь?

Я замолкаю, чувствуя, как на меня внезапно нападает вопрос. Я пытаюсь вспомнить подробности, которые читала о нем.

– Он выше всех в братстве. Не так высоко, как ты, но он занимает заметное положение.

– И?

– И что?

– Его семья. Сколько там членов?

– Я... не помню.

Он смотрит на меня через зеркало.

– Что? В вашей организации слишком много людей, а я очень плохо разбираюсь в именах. Я уверена, что буду в порядке, когда встречу с ними.

Он обхватывает рукой мои волосы и тянет назад, наклоня мою голову, чтобы заглянуть мне в глаза.

– Ты узнаешь о них все до дня рождения. Ни при каких обстоятельствах нельзя допускать ошибок. Это понятно?

– Окей... я имею в виду, хорошо. Отлично! – Чёрт побери. У него странная манера за долю секунды переходить от мягкого к грубому. Как будто у него раздвоение личности или что-то в этом роде.

– Огла будет задавать тебе вопросы, пока не убедится, что ты все выучила.

– Прелестно, – бормочу я себе под нос.

– Что это было, Lenochka?

– Ничего.

Его хватка крепче сжимает мои волосы, но он отпускает их и уходит.

– Давай спать. – Он протягивает ладонь, и мне хочется отказаться. Я хочу притвориться, что его не существует, но это приведет только к еще большему наказанию, и я действительно хочу спать.

Как и каждую ночь, я стараюсь подвинуться к краю кровати, отвернувшись от него. Адриан не останавливает меня, как обычно, но обнимает сзади, его колено упирается мне между бедер, а подбородок упирается в плечо. От него пахнет лесом и гелем для душа. Чистый и сильный, как и все в нем.

Его рука скользит под мою руку и обхватывает мой живот. Иногда он хватает мою грудь и рассеянно дразнит сосок, пока тот не становится чувствительным и болезненным.

Я смотрю на мягкий свет на ночном столике, пытаюсь стереть его существование из моего окружения, притвориться, что его кожа не покрывает мою.

Что я не заложница в собственном теле.

Если я хотя бы выпила, то не чувствовала бы себя сейчас такой жертвой. Я бы заглушила его и все, что с ним связано.

Четырнадцать дней без алкоголя – если не считать того легкого привкуса, который предшествовал первому и единственному поцелую Адриана.

Не думаю, что я была таким уж алкоголиком, если умудрилась прожить две недели без капли спиртного. Может быть, я просто убедила себя, что я одна из них.

Моя тяга каким-то образом исчезла, но моя тоска по тому состоянию ума, которое мне обеспечил алкоголь, определенно реальна и вездесуща.

Адриан проводит невидимую линию по ткани на моем животе, и это гипнотизирует – как и его прикосновение. Я засыпаю почти сразу.

Я не должна чувствовать себя в достаточной безопасности, чтобы заснуть в объятиях такого монстра, как Адриан, но это просто происходит.

Тихий звук заставляет меня открыть глаза. Я все еще сплю на боку, Адриан обнимает меня.

Я моргаю, прогоняя сон, когда звук раздается снова. Это почти как шаги ребенка, но они тяжелее, чем у Джереми.

Что-то упирается в дверную ручку. Она поворачивается, но откатывается на место из-за замка.

Кто, черт возьми, мог попытаться войти в спальню хозяина ночью? Охранники Адриана не заходят внутрь, за исключением Коли и Яна иногда, но никогда ночью. Огла и в это время нас не беспокоит.

Все звуки исчезают, и я думаю, что мне все это кажется, но дверную ручку снова заклинило, на этот раз сильнее.

Я ахаю, садясь в постели и натягивая простыню на грудь. Руки Адриана опускаются, и я трясусь его за плечо, сначала неуверенно, но с каждой секундой это становится все более настойчивым.

– Адриан... проснись...

Дверная ручка все еще крутится и вертится со сверхзвуковой скоростью.

– Адриан! – Я шиплю, но он не двигается.

Дверь распаивается, и я резко втягиваю воздух от открывшегося вида.

Призрак, которого я видела из окна, стоит в дверях. Ее простое белое платье ниспадает ниже колен. Ее волосы завязаны сзади, а лицо бледное, но в остальном она точная копия меня. Даже ее глаза с темными кругами и впалые щеки похожи на мои, когда я жила на улице.

– Л-Лиан...? – шепчу я.

– Значит, ты знаешь, кто я, и все же осмеливаешься украсть моего мужа, как будто это твое богоданное право.

Я отчаянно мотаю головой.

– Нет... я этого не делала...

– Сука, которая разрушает семьи.

Я снова качаю головой.

– Я не хотела этого делать.... Адриан...- Я протягиваю руку, чтобы разбудить его, но меня останавливает ее резкий голос.

– Не трогай его! Уходи!

– Я не могу.... – Теперь я плачу, мой голос охрип от того, как сильно я пытаюсь выразить словами, что никогда не хотела этого. Я никогда не думала о том, чтобы занять ее место, или ее имя, или ее мужа.

Она бросается ко мне, и я скрещиваю руки перед лицом, чтобы защитить его. Но она не дотягивается до меня. Вместо этого в тишине раздается булькающий звук.

Я выглядываю из-под пальцев и задыхаюсь, когда пятно крови взрывается на ночной рубашке Лии, что-то острое торчит из ее живота – нож.

Позади нее стоит большое тело, тот, кто ударил ее ножом, и я думаю, что это один из охранников, но его лицо скрыто тенью.

Шея Лии свисает в неестественном положении, но ее глаза остаются на мне, наблюдая за мной, следуя за мной, выползая из моей проклятой кожи.

Как будто она хочет утащить меня с собой куда угодно.

Я хлопаю ладонью по рту, чтобы заглушить вздох, но жесткая металлическая штука ударяет по моим губам.

Сбитая с толку, я смотрю на свою руку и обнаруживаю, что мои пальцы сжимают пистолет.

Что за...?

– Нажми на курок, – шепчет тень позади Лии. Голос у него монотонный, почти роботизированный. – У тебя одна миссия.

– На кого спустить курок? – Понятия не имею, почему этот вопрос вырывается из меня, потому что это не имеет значения. Я не буду этого делать.

– Я убил эту суку ради тебя. Спускай. Курок.

Я яростно качаю головой, но затем злобный смех вырывается из тени. Он длинный и действует мне на нервы, как ногти, царапающие стенки мозга.

– Прекрати, – шиплю я.

– Ты уже отняла жизнь. Что такое еще одна?

– Нет...

– Но разве ты не видишь? Это уже сделано.

– Что?

– Твой пистолет.

Я смотрю на свою руку и с ужасом наблюдаю, как мой пистолет целится и палец нажимает на спусковой крючок.

Прямо в грудь Адриану.

Он даже не шевелится, когда пятно крови покрывает его плечо и грудь, а затем образует лужу вокруг него, пропитывая простыни.

– Нееет! – Я кричу, и мой мир погружается во тьму.

Глава 22

Адриан

Стук.

Стук.

Стук.

В воздухе раздается булькающий звук, словно кто-то захлебывается собственной кровью.

Или блюет.

Я резко открываю глаза. Я мгновенно настораживаюсь, мое сердце громко бьется, когда сцена материализуется передо мной.

Лия ворочается во сне, ее ноги болтаются в воздухе, а тело тяжелое, как камень, брошенный на дно океана.

Обе ее руки сжаты в кулаки так крепко, что на ладони остался порез от ногтей, а капли крови окрашивают белые простыни в красный цвет.

Но не это меня разбудило. Это был звук.

Бульканье.

Как будто кто-то задыхался от собственной слюны.

Две струйки слюны стекают по ее подбородку и шее, пена быстро образуется у рта.

– Лия!

Она не подает никаких признаков того, что слышит меня, и продолжает дергаться, извиваться. *Булькать.*

Я засовываю два пальца ей в рот и широко открываю его, пытаюсь помочь ей дышать.

Она не дышит.

Как будто она закрывает собственную трахею воображаемым кляпом.

– Лия! Проснись! – Я кладу руку ей под голову и осторожно приподнимаю. Она тащит простыни в кулаке, ее тело все еще неподвижно, как доска.

Ее голова двигается вбок, затем откатывается так далеко назад, что, будь она одна, она бы сломала себе шею. Я поддерживаю ее затылок и продолжаю ощупывать ее рот другой рукой.

Ее губы синеют, а лицо краснеет. Она не дышит, и не делает этого, по крайней мере, уже целую гребаную минуту.

– Лия! – Я трясую ее, но это не приносит мне никакого результата.

Она потерялась где-то, куда я не могу добраться. Где-то, где она сможет спрятаться от меня под замком.

Ничто не выведет ее наружу.

Кроме разве что...

– Уинтер, – осторожно зову я, и она делает глубокий вдох, задыхаясь и кашляя, когда воздух попадает ей в легкие. Я отпускаю ее рот, чтобы она могла нормально дышать.

Когда я смотрю, как она вдыхает кислород в легкие, позволяя жизни вернуться, я должен чувствовать облегчение. Я должен. Но колючая проволока обвивается вокруг моей груди, покалывая кожу, дюйм за дюймом.

Ее глаза медленно открываются, но их голубизна пуста, как будто она не знает, кто она и где находится.

Я задерживаю дыхание, пока тикают секунды, а она остается в трансе.

– Lenochka?

Она моргает раз, другой, прежде чем ее взгляд встречается с моим. В ее глазах собирается влага, и по щеке скатывается слеза. Я вытираю ее подушечкой большого пальца, когда она неудержимо дрожит в моих руках.

Словно выйдя из транса, она резко выпрямляется и опускается передо мной на колени. Теперь на ее лице появляется безумное выражение, когда она сжимает мой бицепс, поднимает руку вверх, затем осматривает мой бок, грудь и даже спину.

Она прикасается ко мне повсюду, ощупывает, осматривает, совершенно не замечая, каким твердым я стал за короткое время ее ухода.

У меня были синие яйца с тех пор, как она впервые вошла в эту спальню, но я не могу трахнуть ее прямо сейчас. Не тогда, когда ей снятся все эти кошмары и она строит свои стены.

– Ты не ранен, – выдыхает она шепотом.

– Разве я выгляжу таким? – Я стараюсь, чтобы мой голос звучал спокойно, хотя мои челюсти сжимаются, и не только из-за того, что я жесток, но и потому, что она ответила на Уинтер, а не на Лию.

– Нет. Но это было так реально... – Она проводит ладонью по моей щеке и замирает, когда чувствует, как моя челюсть сжимается под ее хваткой, затем быстро опускает руку.

– Еще один кошмар?

Она кивает.

Мне уже не в первый раз приходится будить ее из-за кошмара. За последнюю неделю такое случалось дважды, но она так и не открыла глаза и не заговорила. Она просто заснула, так что я сомневаюсь, что она их помнит.

Сомневаюсь.

Булькающие, задыхающиеся звуки, которые она издает, похожи на мой заказной ад. Иногда я слышу его, даже когда не сплю, и мне приходится проверять камеры на случай, если это происходит в реальном времени.

– Лиля была там, – тихо говорит она. – Она хотела убить меня, а потом... потом...

Я нежно касаюсь ее руки.

– Ты не должна говорить об этом.

Она смотрит на меня своими огромными глазами. Они потеряны, как будто она не знает, на кого смотрит, и она каким-то образом все еще в ловушке внутри кошмара.

– Зачем ты привел меня сюда, Адриан? – бормочет она с болью в голосе.

– Ты знаешь.

– Потому что я похожа на Лию?

Я киваю.

– Я не она. И чем больше ты сравниваешь меня с ней, тем больше я чувствую, что меня стирают, забывают. Я не хочу, чтобы меня забыли.

Я хватаю ее за руку и пытаюсь уложить под простыню.

– Поспи пока.

– Нет. – Она выдергивает руку. – Я не хочу спать.

– Тогда чего же ты хочешь?

– Уинтер. В кои-то веки назови меня просто Уинтер. *Пожалуйста.*

Я так и сделал и возненавидел это. Я ненавидел это так сильно, что мне хотелось залить отбеливатель в свое гребаное горло.

– Нет.

– Пожалуйста... – Слезы струятся по ее щекам. – Пожалуйста, не стирай меня. Пожалуйста, Адриан.

– Не проси меня о чем-то подобном. Ты – Лия. Привыкай к этому.

Рыдание вырывается из ее горла, и ее губы сжимаются, одна из них избита и порезана от того, как сильно она ее кусает.

Это должно зажить до того, как она появится на публике. Ей нужно прийти в себя, но я знаю, что будет нелегко заставить ее подчиниться. То есть, если это вообще возможно.

На этот раз она не сопротивляется, когда я укладываю ее под одеяло. Она охотно закрывает глаза и шепчет.

– Лучше бы я никогда тебя не встречала.

Мои губы касаются ее лба.

– Я буду встречать тебя снова и снова, если понадобится.

Глава 23

Уинтер

Через три дня мы идем на вечеринку.

Хотя, судя по количеству вооруженных охранников, я бы не назвала это вечеринкой.

Это первый раз, когда я выхожу из дома Адриана с тех пор, как приехала туда, и, хотя я думала, что это будет освобождением, это почему-то более удушающе.

Отчасти из-за количества охранников, которые сопровождают нас в отдельной машине. Пятеро, не считая Коли и Яна.

Отчасти потому, что Джереми заплакал, когда я сказала ему, что не буду сегодня читать ему сказку на ночь. Его слезы нарисовали черную дыру в моей груди, которая до сих пор не зажила.

Сегодняшняя ночь просто неправильная на многих уровнях. Не совершу ли я ошибку? Сбудутся ли все предостережения Адриана и Оглы? Я хочу заползти обратно в комнату Джереми, поцеловать его мягкие щеки и притвориться, что весь мир существует только из-за него.

Но вот я здесь, посреди вечеринки, праздную день рождения человека, которого никогда раньше не встречала.

Пахан Сергей решил провести день рождения Игоря в своем особняке, что, по-видимому, большая честь. Комплекс братства огромен, даже больше, чем дом Адриана, и имеет сад, который простирается на многие мили. Он окружен высокими стенами и камерами, которые мигают в каждом углу.

Он, кажется, страшнее, чем то место, которое я оставила позади, оно пустое, больше. Что странно, так как я думаю, что дом Адриана ужасен. Всякий раз, когда я иду по коридорам, мне кажется, что его стены широко раскрывают рты и кричат мне в лицо, или утаскивают меня в никуда. Душа у него такая же черная, как и у хозяина.

Дом Сергея Соколова пугает своей непривычностью, нервами, которые постоянно меня терзают, явным давлением того, что я каким-то образом совершаю ошибку. Что, если кто-то узнает, что я не Лия? Что, если я подвергну Адриана опасности и заставлю Джереми потерять отца?

– Расслабься. – Адриан обхватывает мою руку в перчатке, которая сжимает его куртку. – Ты в порядке.

Его слова немедленно успокоили мои нервные внутренности. Не знаю, что в его голосе успокаивает. Так не должно быть, учитывая, насколько это глубоко, но в непостижимые моменты мне кажется, что его голос – единственный якорь, который мне нужен.

– Все, что от тебя требуется. – это молчать. Все привыкли к этому от тебя. – Его рука падает с моей, и мне хочется схватить ее и положить обратно. Даже через перчатку его прикосновение давало мне необходимый комфорт.

Но Адриан взял на себя миссию лишить меня того, в чем я нуждалась последние несколько дней. С той самой ночи, когда мне приснилось, как неизвестная тень убивает Лию, а я стреляю в него, он отдалился от меня.

Он все еще ухаживает за мной – смазывает мазью порезанную губу, сушит волосы феном, обматывает шею шарфом, когда думает, что холодно. Но он не прикасается ко мне в сексуальном плане.

Никакого наказания.

Никаких оргазмов.

Ничего.

Я даже за завтраком так много с ним разговаривала, что брови Оглы сошлись на лбу, и в конце концов она велела мне заткнуться.

Я не затыкалась. Я продолжала делать все то, что, как я знаю, Адриан ненавидит. Я сказала ему «окей» больше раз, чем думала, но он проигнорировал меня. Я надевала майку перед Яном, и он просто отпускал свою охрану из дома.

Он по-прежнему обнимает меня сзади каждую ночь, но его прикосновения кажутся механическими и далекими. Он был так далеко, что я

думаю, что никогда не смогу до него добраться. Это должно меня обрадовать. В конце концов, я хочу, чтобы он оставил меня в покое. Но так ли?

Ответ – нет.

С тех пор как он замкнулся в себе, я была сбита с толку тем, как сильно привыкла к нему, к его наказаниям. К его... близости.

Он просто вырвал ее, как будто ее никогда и не было, и я хочу потребовать, чтобы он сказал мне, почему. Я хочу поставить ногу и заставить его остановиться.

Это жестче, чем если бы он никогда больше не дотрагивался до меня.

Это прикосновение – первый раз за три дня, когда он ощущается рядом со мной, и я хочу бороться изо всех сил, чтобы удержать его.

Я осторожно смотрю на него, впитывая как можно больше его внешности. На нем черный смокинг, сшитый на заказ. Это делает его выше – что не должно быть возможным с его ростом – острее и больше похожим на бизнесмена. Его волосы зачесаны назад, а густая щетина добавляет ему величия. Наряд скрывает его татуировки, придавая ему джентльменский вид, как у человека, которого можно увидеть на обложке журнала "Форбс".

Я выбрала платье в тон ему. Не знаю, зачем я это сделала, но я подумала, что мы будем хорошо смотреться вместе, если я надену черное платье. Это одно из тех, которые плотно облегают грудь и талию, но свободно ниспадают книзу, его шлейф следует за мной с каждым движением. Я собрала волосы в шикарный пучок и надела висячие серьги. Они совпадают с маленькой сумочкой в моей руке, в которой лежит телефон. Я завершила образ элегантными белыми перчатками из шкафа Лии и самой высокой парой каблучков, которые смогла найти. Ноги болели, но я не хотела, чтобы мой рост вызывал у меня комплекс неполноценности.

Собрание в самом разгаре. Мужчины и женщины одеты по этому случаю и оживленно болтают друг с другом. На заднем плане играет классическая музыка, и каким-то образом этот звук дает мне немного спокойствия, обещая, что все будет хорошо.

Адриан ведет меня туда, где в гостиной сидят трое стариков. Похоже, они вступили в свою собственную лигу еще до того, как мы к ним приблизились. Высокие, громоздкие мужчины вроде Коли стоят за своими стульями, как статуи, и я знаю, что они без колебаний пустят в ход оружие, выглядывающее из-под пиджаков.

– Неудивительно, что они отделены от остальной толпы. Тот, что посередине. – сам Пахан, Сергей. Справа от него – человек, в чью честь собрание, Игорь Петров. Тот, что слева, – Михаил Козлов. Все трое примерно в два раза старше меня и являются столпами Русской мафии в Нью-Йорке, если не считать отца Адриана и брата Сергея, которые сейчас мертвы.

Чтобы чем-то занять себя в последние дни, я потратила все свое время на чертов документ о братстве и паутине других связанных с ним организованных преступных группировок.

Даже Огла была впечатлена тем, как много я узнала, и это о чем-то говорит.

– Адриан. – Сергей машет ему рукой, говорит с ярко выраженным русским акцентом. – Идем. Давай.

Адриан берет его руку, целует и прикладывает ко лбу. Я делаю то же самое, потому что это то, что ожидается, когда вы находитесь в присутствии лидера страшной организации.

– Лия. – глаза Сергея блуждают по мне, как будто он проверяет, не пропало ли чего. – Ты хорошо выглядишь для того, кто был не здоров.

– Спасибо, – говорю я с улыбкой. – Я не могла пропустить день рождения Игоря.

– Очень ценю. – говорит Игорь с таким же русским акцентом, его тон неприветлив.

– С днем рождения. Я принесла вам кое-что, хотя и немного.

Он поднимает бровь.

– Я уже получил подарок Адриана.

Глаза Адриана на секунду встречаются с моими. Верно. Я не стала рассказывать ему о своем подарке Игорю. Неужели я перешла черту? А что, если я его оскорблю? Но если я сейчас откажусь, это покажется еще более подозрительным.

– Это отдельный.

– Отдельный? – спрашивает Михаил, растягивая слова, и я сразу же невзлюбила его. – С каких это пор твоя жена приносит отдельный подарок, Адриан?

Мой фальшивый муж молчит, поэтому я говорю спокойно, как будто меня не пугает то, что только что произошло.

– Я подумала, что, поскольку у Игоря сегодня будет много сладкого торта, я должна добавить еще один особенный торт ко дню рождения.

– В его возрасте это уже слишком. – говорит Сергей.

– Он прав. – Игорь с отвращением подчиняется. – Моя жена не одобрила бы такое количество сахара.

– Вот что делает мой особенным. В нем есть сахар, который не повредит вашему здоровью. Попробуйте. – улыбаюсь я. – А если вам это не понравится, я все исправлю.

Игорь кивает, но морщинки вокруг глаз не разглаживаются. Кажется, он хочет задушить меня, как будто я обидела его в прошлой жизни.

– Боже мой, Адриан. Я не знал, что Лия умеет готовить. Она всегда слишком не здорова, я думал, она уже труп. – Михаил делает глоток прозрачного напитка, подозрительно глядя на меня.

Дерьмо.

Не знаю, почему мне кажется, что кто-то из них стянет с моей головы маску и разоблачит меня как фальшивку.

– Ей стало лучше. – говорит Адриан своим обычным спокойным тоном.

– Разумеется. Рад, что ты с нами. – Сергей нервно смотрит на меня. Я рада, что надела перчатки, потому что мои руки так вспотели, что блестели бы на свету.

– Мне очень приятно, Пахан. – не знаю, как, черт возьми, мне удается говорить полунормальным тоном.

Сергей указывает на пустой стул рядом с Игорем.

– Присаживайся, Адриан.

Я не упускаю из виду, что он упоминает только имя Адриана. Мой ненастоящий муж немного колеблется, прежде чем отпустить меня и направиться к месту, отведенному для него боссом. Я знаю, что это значит, мне нужно идти. Но я не хочу. Куда я пойду среди всех этих людей, которых не знаю?

Тем не менее, я заставляю себя слегка кивнуть, поворачиваюсь и ухожу. Я хочу думать, что Адриан прикрывает мне спину, что Коля и Ян где-то здесь и придут мне на помощь, но мои ноги дрожат, когда я направляюсь к ближайшему балкону. Мне нужно подышать свежим воздухом и вернуться домой к Джереми. Я даже буду счастлива, если Адриан будет сегодня издалека обнимать меня.

– Лия!

Мои ноги останавливаются от женского голоса, зовущего меня по имени. Я хочу притвориться, что не слышала ее, но она снова зовет, и я вынуждена обернуться.

Красивая блондинка с безупречным макияжем машет мне, чтобы я присоединилась к ее кругу. Рай Соколова.

Внучатая племянница Сергея и единственная женщина, которая может соперничать с мужчинами в братстве. Она стоит рядом с Дэмиеном Орловым и Кириллом Морозовым. Оба они – лидеры. Еще один человек, Александр, ближайший охранник Кирилла, который в основном в ранге Коли, стоит с ними, но на шаг позади.

Неуверенными шагами я подхожу к их кругу, пока не оказываюсь в нескольких футах от них. И тут я замечаю у Рай круглый животик под платьем королевского синего цвета.

Она целует меня в щеки, и я отвечаю ей тем же.

– Как поживаешь, Лия? Прошло много времени с тех пор, как мы виделись в последний раз.

– Я в порядке, спасибо.

– Она как луна. – Дэмиен склонил голову набок, внимательно наблюдая за мной. – Скажи мне правду. Адриан откармливает тебя, чтобы принести в жертву своим демоническим предкам?

Я приоткрываю рот, чтобы что-то сказать, затем закрываю его, не зная, шутка это или как ответить. Дэмиен хорош собой, высокий, широкоплечий, с яростным взглядом, но в документе он отмечен как безрассудный и непредсказуемый.

– Заткнись, Дэмиен. – ругает его Рай.

– Мне действительно любопытно. – Он наклоняется и смотрит на меня, как на манекен в магазине. – Почему он прячет тебя, как какую-то хреновую версию Спящей красавицы? Он проводит сатанинские ритуалы, о которых мне нужно знать?

– Может, это она проводит ритуалы? – медленно говорит Кирилл, поправляя очки в черной оправе. В отличие от стариков, эти двое почти не говорят с акцентом.

Кирилл похож на бухгалтера, весь в костюме и в очках, но в документе упоминалось кое-что о его подозрительном прошлом и о том, что он ни перед чем не остановится ради своей цели.

– Что это должно означать? – спрашиваю я, высоко подняв подбородок.

– Не знаю, госпожа Волкова. Почему бы вам не рассказать мне?

– Почему бы тебе не отвалить? – говорит Рай в упор. – Я просто хочу, чтобы Саша был рядом, а не ты.

– *Александр*. – подчеркивает Кирилл, – это мой охранник, Рай. Мы идем в наборе.

– Я уверена, что он с тобой только потому, что ты держишь что-то над его головой. – Рай похлопывает Александра по руке. – Не волнуйся, Саша. Я спасу тебя от этого демона.

Саша – *Александр* – охранник, который еще красивее Яна, опускает голову, неловко откашливаясь.

– А как насчет меня, Рай? – Дэмиен берет ее свободную руку в свою и целует тыльную сторону. – Когда ты собираешься меня спасти? Все, что тебе нужно сделать, это развестись с Кайлом, и тогда мы сможем отправиться в закат – или на поле битвы. Результат тот же.

Она быстро выдергивает свою руку из его.

– Только Кайл может прикасаться ко мне. Сделай это еще раз, и я ударю тебя по яйцам.

Я ожидаю, что Дэмиен обидится, но он ухмыляется.

– Извращенка. Я люблю это.

– Кстати, о извращенцах. – Кирилл снова смотрит на меня. Он не переставал наблюдать за мной с тех пор, как я присоединилась к ним. – Адриан подчерпнул что-нибудь новое в последнее время?

– Он убьет тебя, черт возьми, если услышит, что ты разговариваешь с его женой об извращениях. – Дэмиен сжимает плечо Кирилла. – Покойся по кусочкам, ублюдок.

Рай открывает рот, вероятно, чтобы встать на мою защиту. Она привыкла к этому? Была ли Лия тряпкой, которая позволяла кому угодно ходить по ней?

Но я не Лия. Я – Уинтер.

Приподняв подбородок, я смотрю на Кирилла.

– Неприятный вопрос, Кирилл. Вы не видите, что я спрашиваю вас о ваших личных делах, потому что это просто не мое дело. Я полагаю, что то, что мы с мужем делаем в уединении нашего дома, вас тоже не касается.

Мой ответ имеет прямо противоположный эффект от того, что я намереваюсь. Кирилл ухмыляется, как будто ему что-то известно.

– Кто ты и что ты сделал с немой Лией? – Дэмиен внимательно наблюдает за мной. – Ты никогда не говорила, когда мы в тебя тыкали.

– Это было из уважения, но если ты мне ничего не показываешь, то почему я должна?

– Это моя девочка. – Рай переплетает свою руку с моей. – Давай оставим этих придурков, кроме Саши.

Я с радостью иду за ней, но чувствую на себе взгляд Кирилла, даже когда мы исчезаем на тихом балконе. Я выдыхаю ветерок, и Рай улыбается.

– Ты очень хорошо справилась. Я так горжусь тобой, Лия.

– Спасибо. – я стараюсь не чувствовать себя неполноценной теперь, когда мы остались вдвоем. Дело не только в ее потрясающей внешности или росте – высокие люди отстой – но и в ее характере. Я знаю, что Адриан считает ее достойным членом братства, иначе он не включил бы ее в первые страницы этого документа.

Может быть, кто-то вроде нее, сильный, бесстрашный, – это тот, кто нужен Адриану рядом.

Рай наклоняется, наблюдая за окружением, прежде чем прошептать.

– Я волновалась.

– Ч-что? – Я смотрю на нее, приоткрыв рот.

– Ты попросила меня помочь тебе сбежать, а потом я узнала, что ты вернулась к Адриану, как будто ничего не случилось. Ты знаешь, как я был смущена?

Подождите. Что?

Лия попросила Рай помочь ей сбежать от Адриана? Когда, черт возьми, это было?

Но я не могу задать эти вопросы, потому что это выдаст меня как мошенницу.

Я прочищаю горло.

– Но ты был так одержима этим.

– Джереми, – выпаливаю я. – Я не могу оставить Джереми.

– Я понимаю, но ты могла хотя бы позвонить или оставить намек. – Ее голос становится еще тише. – Адриан охотился за моей шеей. Он подозревает,

что я имею какое-то отношение к твоей попытке побега. Я же говорила тебе, Лия, что не хочу видеть в нем врага. Что я помогаю тебе, потому что ты на грани нервного срыва.

Лия была на грани нервного срыва, когда хотела уйти от Адриана. Рай помогла ей, но она... что? Она умерла?

– Прости, – шепчу я.

– Просто скажи мне, видел ли Адриан Руслана в тот день.

Руслан – ее старший охранник. Я полагаю, это он стоит у входа на балкон, чтобы никого не подпускать. Я впервые вижу его лицо, если не считать фотографии в документе.

Должно быть, он помог Лие сбежать от имени Рай, но я понятия не имею, видел ли его Адриан.

– Не помню точно. – неопределенно отвечаю я.

Рай хватает меня за плечо.

– Подумай, Лия. Когда Адриан гнался за тобой той ночью, ты сбежала от Руслана. Но видел ли его Адриан?

– Нет, я так не думаю. – Я говорю только из логики, потому что, если бы Руслан помог Лие сбежать и Адриан увидел его, он был бы уже мертв.

Адриан может быть спокоен, но он смертельно опасен. Он не простит никому, кто попытается забрать его чертову драгоценную Лию. Даже Рай окажется в опасности, если он узнает о ее причастности.

– Это хорошо. – Она делает глубокий вдох.

– Прости, что втянула тебя в это. – мне не следовало извиняться за Лию, но она была эгоистичной женщиной. Она не только оставила своего сына, но и вовлекла в это дело других людей, прекрасно зная, что Адриан уничтожит их.

Интересно, почему она пыталась сбежать от него? Это не могло быть потому, что она чувствовала себя невидимой, как я.

По какой-то причине осознание того, что их брак не был таким прочным, как я думала, немного расслабляет меня.

Я такой ужасный человек.

Но даже это небольшое расслабление длится недолго. Неважно, что она пыталась сбежать. Адриан все еще заботится о ней. Он все еще обожает меня, потому что думает, что я – это она.

– Давай вернемся в дом. – Рай улыбается мне. – Сергей с минуты на минуту позовет нас обедать.

– Хоршо.

Я уже собираюсь уходить, когда чувствую, что за мной наблюдают. Я останавливаюсь на балконе и смотрю вниз. Снаружи стоит несколько охранников. Один из них – водитель Адриана, который курит сигарету и оживленно разговаривает с другим охранником, вероятно, по-русски. В доме все говорят по-русски. Даже Адриан обращается к ним по-русски, если меня нет рядом. Вот тогда-то он и переходит на английский. Джереми тоже знает несколько выражений, но, по-моему, ему все еще трудно смешивать оба языка.

Я собираюсь списать только что пережитое ощущение на паранойю, но мою кожу снова покалывает. Ощущение настолько сильное, что я заметно вздрагиваю.

Еще несколько секунд я разглядываю мужчин, стоящих внизу, затем мой взгляд блуждает по машинам, припаркованным в отдалении. Вот тогда-то я это и вижу. Тень, бесшумно крадущаяся между машинами. Видна только его спина, когда он исчезает посреди парковки.

Совсем как тень из моего недавнего кошмара.

Мои ноги дрожат, и мое дыхание становится глубже, пока я не осознаю каждый вдох и выдох.

Это паранойя. Только паранойя.

Кошмар был именно таким. Кошмар. Ни за что тень из моего подсознания не прыгнет в реальную жизнь. Должно быть, это был один из охранников, совершавших обход.

Мой телефон вибрирует в маленькой сумочке, и я подпрыгиваю, мои нервы берут верх.

Только Адриан когда-либо писал мне по этому телефону. Если только это не Огла? Я попросила ее позвонить мне, если что-то случится с Джереми.

Я хватаю телефон так быстро, что чуть не роняю его.

Это не Огла.

На экране высвечивается текст с неизвестного номера. Я нажимаю на него, и чувство ужаса, охватившее меня несколько секунд назад, сжимает мне горло.

Моя сумочка падает на пол, когда я читаю текст.

Неизвестный номер: У тебя одна миссия. Нажми на гребаный курок.

Глава 24

Адриан

Лия сама не своя с тех пор, как мы сели ужинать.

Ее тело напряжено, и время от времени ее охватывает дрожь, и она роняет вилку. Затем она снова поднимает ее, чтобы наколоть еду. Ее руки двигаются, но она редко подносит что-нибудь ко рту. С тех пор как она пришла с улицы, еда стала для нее священной.

Только не эта.

Я знал, что привести ее сюда не пройдет без проблем. Когда я увидел, как она разговаривает с Дэмиеном и Кириллом ранее, я фантазировал о миллионе способов, которыми я хотел перерезать глотки обоим этим ублюдкам, но я остановился, постукивая пальцами по бедру, чтобы не показать неуважение к Сергею. Или, что еще хуже, дать ему стимул к нападению.

Сегодня вечером он был сосредоточен на мне больше, чем обычно, и последнее, чего я хочу, – это подтвердить то, что происходит у него в голове.

Владимир, который сейчас сидит напротив меня, не обращался ко мне весь вечер. Он огромный, громоздкий, и у него борода, которая придает ему страшный вид для внешнего мира. Единственный раз, когда он говорит больше, чем нужно, – это когда Рай в поле зрения. Он поклялся защищать ее и фамилию Соколовых с юных лет. Это в основном его движущая сила, а значит, он не заботится о других вещах.

Хотя я еще не понял, что он думает обо мне, я знаю, что его преданность Сергею глубоко укоренилась из-за его фамилии. Если Пахан отдаст приказ меня устранить, Владимир первым это сделает.

За обеденным столом идет непринужденная болтовня, в которой он не участвует и только кивает, когда Рай что-то шепчет ему. Кайл быстро завладевает ее вниманием, потому что ему не нравится, когда она разговаривает с кем-то, кроме него.

Легкий вздох покидает Лию, и хотя я делаю своей миссией не смотреть на нее на публике, я испытываю искушение украдкой взглянуть. Это был бы разрыв в моей схеме, что-то, что Владимир, Рай и особенно этот ублюдок Кирилл заметили бы.

Моя высокая бдительность по поводу этой ночи превращает меня в параноидального придурка, как Михаил.

За те шесть лет, что я женат на Лие, я обращался с ней на людях как с чужой. Все в братстве думают, что она ничего для меня не значит, и что единственная причина, по которой рядом со мной находится болезненная женщина с кукольным лицом, – это незапланированная беременность.

Сергей не постеснялся предложить мне оставить ее – даже в лицо. Вот почему я использовал каждый шанс, чтобы не приводить ее сюда. Сергей и другие старейшины, Игорь и Михаил, никогда не одобряли ее неизвестное происхождение или ее статус "никто". Они предпочли, чтобы я женился на дочери Игоря и произвел потомство, чтобы произвести "чистую" русскую родословную.

Их агрессия по отношению к ней осязаема, поэтому я не хотел давать им более осязаемых причин действовать против нее. Она не должна привлекать к себе их внимание. Вообще.

Лия снова вздыхает, и я наклоняюсь, делая вид, что хватаю кусок хлеба, и шепчу.

– Что с тобой не так?

Она вздрагивает, ее рука сжимает вилку, когда она встречает мой взгляд своим широким.

– Почему ты спрашиваешь?

– Ты не обращаешь внимания и не ешь.

– Это н-ничего.

– Лия, – предупреждаю я вполголоса.

– Это Джереми, – выпаливает она.

Я не верю ей не потому, что она не беспокоится о Джереми, но ее тон говорит о том, что это всего лишь отговорка.

Она украдкой касается края моей куртки, ее ногти мягко, почти нерешительно впиваются в ткань.

– Мы можем пойти домой?

Я не упустил то, как она назвала мое место "домом" или как ее голос дрожит при этом слове.

Она, вероятно, считает его таким из-за Джереми, но я все еще на мгновение позволяю этому слову утонуть, когда смотрю на нее. На ее отчаяние и на то, как она тяжело дышит. С ней определенно что-то не так, и я разберусь с этим, но потом.

Покачивая головой, я говорю.

– Мне нужно присутствовать на деловой встрече.

Она убирает руку с моего бока и снова сосредотачивается на еде, запихивая вилку в рот. Я заставляю себя отвести от нее взгляд, потому что она привлекла мое внимание больше, чем я хотел бы показать.

Боковым зрением я улавливаю ухмылку Кирилла. Он сидит слева от меня, облизывает вилку и хитро улыбается. *Ублюдох.*

До конца ужина я больше не смотрю в ее сторону, даже когда она украдкой бросает на меня взгляды, умоляя меня взять ее и уйти.

Больше мне ничего не хочется делать, но Сергей назначил встречу после ужина. Не только для избранных членов братства, но и для глав других преступных организаций. В знак уважения к рангу Игоря он пригласил Лазло, дона семьи Лучано, и его заместителя. Есть еще Кай, заместитель начальника отделения Якудзы в Нью-Йорке, и его лидер Эйб, старик с характером молчаливой горы. И все же он активно приставал к Дэмиену на протяжении всего ужина, за что наш собственный черный бык вот-вот разнесет стол в клочья. У него нет абсолютно никакого терпения, когда дело доходит до использования дипломатических методов.

Несколько других членов Триад также сидят за столом Сергея. Мне нужно быть на этой встрече сегодня вечером. А это значит, что мне снова придется расстаться с Лией. В данных обстоятельствах это последнее, чего я хочу, но, по крайней мере, Кирилл и Дэмиен будут там со мной, и мне не придется беспокоиться о них.

Ян получил четкий приказ следить за ней издалека.

Как только обед заканчивается, все встают. Когда Лия встает и идет за мной, я говорю.

– Оставайся здесь. – не поворачиваясь к ней.

Если я увижу ее, если меня зацепят мягкие черты ее лица и эти грустные голубые глаза, мне захочется прикоснуться к ней. Не помогает и то, что я не насытился ею за последние несколько дней, так что она больше не будет резать губу.

– Адриан... – бормочет она.

– Что? – резко говорю я, по-прежнему не глядя на нее, потому что теперь и Сергей, и Кирилл стоят и смотрят на меня, вместо того чтобы идти на встречу.

– Я хочу тебе кое-что сказать.

– Не сейчас.

– Но...

– Не сейчас, Лия. – Мой тон низкий и твердый, не оставляющий места для переговоров.

Я не вижу ее, но чувствую, как она напрягается у меня за спиной.

Когда я делаю движение, чтобы уйти, Кирилл и Сергей, наконец, разворачиваются и поднимаются наверх, в свой кабинет, где будет проходить встреча.

Я иду следом, но останавливаюсь у подножия лестницы, чтобы взглянуть на Лию и убедиться, что она на виду у Яна. Рай берет ее за руки и ведет в буфет. Я не хочу, чтобы эта женщина была рядом с Лией, но в то же время я не могу вмешиваться и делать себя заметным.

Ян стоит примерно в десяти футах позади и кивает мне, когда я встречаюсь с ним взглядом. Хотя в последнее время он был занозой в заднице, я могу, по крайней мере, верить, что он сохранит ее в безопасности.

Коля останавливается рядом и шепчет мне на ухо по-русски.

– Лазло идет, сэр.

– Иди передо мной.

Мой охранник делает, как ему говорят, и я синхронизирую свои шаги, так что мы с Лазло поднимаемся по лестнице последними. Его охранник и младший офицер опережают нас на шаг, получив сообщение от Коли. Мы стратегически спланировали это так, чтобы наш разговор мог состояться на лестнице так, чтобы никто нас не заподозрил.

Лазло Лучано примерно того же возраста, что и Сергей, но не такой болезненный. У него совершенно седые волосы и шрам на щеке, оставшийся после того, как кто-то хотел изрезать ему лицо ножом.

Никто не знает ни о судьбе этого человека, ни о том, почему он это сделал, но ходят слухи, что Лазло отпустил их. Слух, который означал слабость, и итальянцы сделали все возможное, чтобы доказать, что это не так.

– Давно не виделись, Адриан. – говорит он с итальянским акцентом.

– Действительно. – отвечаю я русским, чтобы подчеркнуть свои корни.

– Неужели мои клубы и дом теперь ниже тебя?

– Конечно, нет, Дон. Я был занят.

– Занят. – Он поднимает бровь. – Чем занят, Волков?

– Делами братвы.

– Это не помешало тебе нанести мне визит раньше. – Он бросает на меня косой взгляд. – Неужели мы теряем милость друг друга?

– Нет, но, возможно, я впадаю в немилость к Сергею.

Он делает паузу, взвешивая серьезность заявления.

– Как же так?

– Вы уже знаете, Дон. Смерть Ричарда Грина служит вам, а не братству.

– Да, да. Но мы можем заставить это работать, нет? Мяч не всегда должен быть на твоей площадке, Адриан.

– Если ты не упустишь это, у тебя больше не будет союзника во мне, Дон.

– Ты мне угрожаешь, Волков?

– Я излагаю факты, чтобы вы могли выбирать с умом. Если вы не дадите нам долю в вашем новом кандидате, Сергей заподозрит, что я предаю братство. Это означает мою смерть.

– Он не стал бы убивать тебя из-за чего-то подобного.

– Он бы так и сделал. Он уже ищет мне замену. Главный кандидат – старший сын Игоря, Алексей. – На самом деле это не так, но это стимул убедить Лазло, насколько все серьезно. Игорь не любит Лазло из-за старой обиды, и Алексей идет по стопам отца. Если Лазло потеряет своего самого сильного союзника в братстве – меня, –ему не на кого будет опереться.

Он готовится к новому предприятию с одним из самых известных картелей в Колумбии. Последнее, что ему нужно, – это напряженные отношения с нами или внутренняя война. Я использую все известные мне факты о нем и его бизнес-планах в своих интересах.

– Ты ждешь, что я поделюсь своим тортом, Волков? Мы так усердно работали, чтобы наконец расширить наш охват, а теперь ты говоришь мне, что я должен отказаться от этого?

– Не сдавайтесь. Используйте его с умом. – Я отстраняюсь, когда Дэмиен поднимается по лестнице позади нас в сопровождении японца.

Он не обращает на это внимания, но Кай обращает. Его темные глаза блуждают по мне и небольшой встрече, которую я только что провел с Лазло, прежде чем он кивает в знак уважения.

Он также союзник Рай, в некотором смысле, и только по этой причине я не доверяю ему. Сергей, Рай, Владимир и Кайл – все в одном пакете. Если они приложат все усилия, чтобы уничтожить меня, это будет иметь больший эффект, чем ожидалось.

Если бы это было в любое другое время, я бы взял их всех и преподавал каждому из них урок. Я бы использовал свою систему, чтобы уничтожить их прежде, чем они смогли бы прикоснуться ко мне.

Впрочем, дело теперь не только во мне.

По большей части встреча проходит хорошо. Причина этого не что иное, как укрепление союзников братства с семьей Лучано, Якудзой и Триадами. Это тот же самый разговор, который ведут Михаил, Сергей и Игорь. Кирилл молчит, потому что ему нравится казаться хорошим парнем. Дэмиен большую часть времени курит и отталкивает ухаживания Эйба, чтобы налить ему выпить. Владимир смотрит на меня. Он ведет себя сдержанно, но моя мать научила меня понимать, когда кто-то представляет угрозу, даже когда я его не вижу.

Я молчу, как обычно, пока Сергей не спросит моего мнения. Сегодня вечером он будет бросать мне удары. Я бы отпустил их в любое другое время, но мое беспокойство по поводу этой ночи снова наполняется паранойей. Чувство, которое я обычно подавляю, прежде чем оно вползает в меня.

– У Адриана самые лучшие отношения с итальянцами. – констатирует Сергей. – Как же это случилось?

Он знает, но хочет, чтобы я сказал.

– Однажды я помог Дону.

– Как помог? – На этот раз спрашивает Владимир.

– Он спас мне жизнь. – гордо говорит Лазло. – В ночь нападения на мой клуб на меня напали эти чертовы Розетти и чуть не убили, но Адриан, случайно оказавшийся там, спас меня.

– Случайно. – Взгляд Владимира скользит ко мне. – Но ты ведь не веришь в совпадения, Волков?

– Совпадения случаются. – Кирилл пренебрежительно разводит руками.

– Если бы не совпадение, я бы не родился.

– Я выпью за это. За случайное существование Кирилла. – Дэмиен поднимает бокал, и все остальные следуют за ним.

Тема переходит от меня к другим темам, связанным с преступностью, которые обычно включают наркотики, поставки и таможню.

Кирилл бросает на меня взгляд, говорящий «*Не за что*», но я не обращаю на него внимания.

Как только встреча заканчивается, я более чем готов забрать Лию и уехать к чертовой матери домой. Когда я выхожу на улицу, Владимир идет рядом со мной и шепчет по-русски так, что слышу только я.

– Я знаю, что ты имеешь какое-то отношение к смерти Ричарда.

– Доказательства? – Я сохраняю спокойствие.

– Я найду их, и когда найду, ты будешь считать свои гребаные дни, Адриан. Я закончу твою жизнь своими собственными руками.

– Удачи тебе, Владимир. Я серьезно.

И с этими словами мы с Колей несемся вниз по лестнице.

– Ты проверил, как там Ян? – спрашиваю я.

– Я просто велел ему отвести госпожу Волкову в машину. Они будут там раньше нас.

Я ускоряю шаги, пока не добираюсь до парковки. Коля колеблется позади меня, уставившись на свой телефон.

– Что?

Он хмурит брови.

– Машина движется.

– Что значит «движется»? – Я смотрю на GPS на его телефоне и, конечно же, наша главная машина уже выехала из особняка.

Я достаю телефон и звоню Яну. Гудок на другом конце провода – самый долгий и мучительный из всех, что я когда-либо слышал.

Когда на звонок, наконец, отвечают, раздается шорох, тяжелое дыхание, но меня приветствует не голос Яна. Это голос Лии, тихий и чуть слышный шепот-крик.

– Ян! Ян, открой глаза!

Я молчу, потому что не думаю, что она одна. Я не хочу выдавать ее за разговор со мной.

– Ян! – кричит она. – Адриан и Коля будут здесь. Они помогут.

– Заткнись, сука. – говорит голос на заднем плане, а потом она кричит.

Линия обрывается.

Я держу телефон в крепкой хватке, моя челюсть сжимается так сильно, что она вот-вот сломается.

– Что случилось? – неуверенно спрашивает Коля.

– Лию похитили.

Глава 25

Уинтер

Все произошло так быстро.

Только что Ян вел меня в машину, а в следующую секунду его подстрелили. Это было тихо, быстро, и я бы не заметила этого, если бы он не дернулся назад, врезавшись в меня.

Его плечо было в крови, но он все равно протянул руку, чтобы оттолкнуть меня.

Но было уже слишком поздно.

Пока я была занята попытками остановить кровотечение в его плече, негибаемые руки втащили меня в машину, которая рванулась вперед.

Ян держался за меня изо всех сил. Они снова выстрелили ему в плечо. Я прижалась грудью к его груди, чтобы они не смогли убить его, и использовала всю свою энергию, чтобы затащить его внутрь вместе со мной.

Я могу сказать, что они не хотят моей смерти, иначе они бы тоже застрелили меня, поэтому я использовала свое тело как щит против Яна. Ясное дело, что они не хотели, чтобы он присоединился к нам, и я, вероятно, должна была позволить ему упасть снаружи машины, чтобы другие нашли и помогли ему, но я не могла поверить, что они не переедут его по пути, просто чтобы убедиться, что он мертв.

Мое тело все еще прикрывает его после того, как один из мужчин впереди прервал мой разговор с Адрианом. Будем надеяться, что те крохи информации, которые я передала своему фальшивому мужу, позволят ему и его людям найти нас в ближайшее время. Не только потому, что у меня ужасное предчувствие насчет того, куда нас везут, но и потому, что Ян потерял много крови. Мои белые перчатки покраснели от того, как сильно я надавила на две дырки в его плече, но кровь не перестает сочиться.

Его губы бледны, и он продолжает пытаться оттолкнуть меня здоровой рукой, но я отказываюсь сдвинуться с места. Если я это сделаю, человек с фронта, который держит чертову винтовку, не колеблясь выстрелит в него.

Я не обратила внимания, куда мы едем, но дороги уединенные, тихие и темные. Впереди двое мужчин. Тот, что за рулем, одет в кожаную куртку, волосы спрятаны под шапкой, а черная маска закрывает все, кроме рта и носа. Он молчаливый, тот, кто не разговаривает с тех пор, как мы здесь. Другой мужчина прижимает к себе винтовку, как будто это его домашнее животное. Это он подстрелил Яна, по крайней мере во второй раз, и прервал мой телефонный разговор с Адрианом.

Они не разговаривают, поэтому я не могу сказать, какой они национальности, но Стрелок только что говорил по-английски с акцентом.

Я понятия не имею, что это такое, но почти уверена, что это связано с Адрианом. Они похищают меня, чтобы заставить его что-то сделать? Я не думаю, что это из-за выкупа, иначе они бы уже предъявили свои требования.

В том документе упоминалось, что Адриан был мишенью многих покушений. Из-за своего положения он знает больше, чем должен, и использует это на благо братства. Будь то захват власти, заказ убийства или кража сделок. Его контроль над критически важной информацией сделал его мишенью для многочисленных преступных организаций и картелей, включая классических союзников Братвы.

Огла как-то упомянула, что он работает из дома для собственной безопасности, и что Пахан предпочитает это, потому что это защищает от опасности самое ценное достояние братства, Адриана.

– Отпусти меня. – стонет Ян.

Я качаю головой, уткнувшись ему в плечо. Я оседлала его колени, обеими руками сжимая рану.

– Они убьют тебя.

Он поднимает бровь.

– Если они этого не сделают, это сделает босс.

Я хмурюсь.

– Сейчас не время думать о глупом собственничестве Адриана.

– Он действительно убьет меня за то, что я прикоснулся к тебе.

– Ты не прикасаешься. Я делаю это. – Я смотрю назад на молчащих мужчин. – Кто они?

Ян качает головой, и я не уверена, означает ли это, что он не знает или что я не должна говорить о них, когда они могут нас слышать. Возможно, и то, и другое.

Все, что я знаю, это то, что эти люди опасные, даже профессионалы. Им удалось проскользнуть под усиленной охраной на сегодняшней вечеринке и даже уйти незамеченными. У машины действительно тонированные стекла, что помогло, но все же. Ян и я были полностью застигнуты врасплох.

– Почему ты так спокойна? – спрашивает меня охранник Адриана, пот струится по его вискам.

Я смотрю на свои твердые руки. Даже дыхание у меня спокойное. Я не запаниковала, даже когда в Яна стреляли. Моей первой мыслью было вытащить его живым и невредимым из этого затруднительного положения. Так оно и есть.

Но с тех пор, как я получила то сообщение, у меня было предчувствие, что произойдет что-то плохое. Вот почему я практически умоляла Адриана отвезти нас домой.

– Паника нам не поможет, Ян.

– Ты так отличаешься. – Он хватает меня за руку своей неповрежденной рукой и пытается оторвать от себя.

Я отмахиваюсь от него как можно мягче.

– Перестань беспокоиться о реакции Адриана, когда ты вот-вот истечешь кровью.

– Это невозможно. Мы существуем ради него.

– Иисус. Это какое-то извращенное чувство верности.

– Он так ослеплен, хотя... – он замолкает, его голос слабеет. – Он потерял из виду то, что важно....

Я сильнее давлю на его рану, и он хрюкает, поджимая губы, чтобы подавить стон боли. Я чувствую, как мои силы убывают, а Ян все еще не перестает истекать кровью.

Ему не требуется много времени, чтобы потерять сознание. Он пытается сопротивляться, надо отдать ему должное. Он все пытается открыть веки, когда я зову его по имени, но потом отключается.

– Ян! Не падай в обморок. Подумай о своем глупом боссе, Коле и Джереми. – Мой голос настойчив, почти истеричен. Он – единственное подобие моего друга с тех пор, как я заняла на место Лии.

Его сухие губы дергаются, но он не пытается открыть глаза.

– Ян!

– Заткнись на хрен, сука! – Стрелок оборачивается и бьет меня по лицу кончиком винтовки. Боль взрывается в моем виске, и я ощущаю вкус металла на губах.

Слезы наполняют мои глаза от жгучей боли, но я не выпускаю их. Я также не отпускаю инертное, холодное тело Яна.

Машина останавливается, и я еще глубже вжимаюсь в Яна. Если они бросят его где-нибудь в глуши, он не сможет выжить.

– Пора тебе разобраться с этой сукой – Стрелок достает сигарету. – Я так устал от ее раздражающего голоса...

Сигарета выпала из его пальцев, когда водитель выстрелил ему между глаз. Его голова склонилась набок, лицо исказилось от удивления.

Я задыхаюсь, все мое тело напрягается. Он только что застрелил своего напарника.

Водитель наклоняет голову, и черная шляпа скрывает выражение его лица. Его рука, обтянутая черной кожаной перчаткой, лежит на руле, а другая, держащая пистолет, лежит на коленях. Его поза расслаблена, беспечна.

– Шумный ублюдок. – небрежно бормочет он.

Мои губы приоткрываются, когда осознание врезается в меня. Это тот же голос из моего кошмара.

Тот же тон.

Тот же тенор.

У тебя одна миссия. Нажми на гребаный курок.

Тень. Тень здесь.

– Давно не виделись, Герцогиня. – говорит он, не оборачиваясь. – Скучала по мне?

Я пытаюсь повернуться в сторону, чтобы увидеть его, но шапка и маска все еще скрывают его лицо.

– Кто ты? – Мой голос спокоен, но осторожен.

– Кто я – интересный способ выразить это. Кто ты, Герцогиня? Какова твоя миссия?

– У меня нет никакой миссии.

Он вертит пистолет в руке, указательным пальцем нажимая на спусковой крючок.

– Ты знаешь это. Я знаю это. Если ты этого не сделаешь, ты заплатишь за это.

– Я не понимаю, о чем, черт возьми, ты говоришь. – мои губы дрожат, когда слова покидают их.

– Искать возможность поговорить с тобой чертовски утомительно, Герцогиня. Перестань тратить мое время и сделай так, чтобы это произошло. Я скоро тебя проверю. – Он вылезает из машины и, прежде чем я успеваю вздохнуть, рывком распахивает мою дверцу и вытаскивает меня наружу.

Я держусь за Яна, и мы оба падаем на землю. На улице темно. Так темно, что я едва различаю контуры лица Яна.

Тень стоит передо мной, но я никак не могу понять, кто это. Он высокий, худой и пахнет... отбеливателем.

Отбеливатель... почему он так пахнет и почему это так знакомо?

– Я не терпеливый человек, Герцогиня. Так что не испытывай мои пределы.

И с этими словами он забирается в машину. Шины визжат по гравии и грязи, прежде чем он выстрелит вдаль.

Он бросает нас здесь?

У меня даже нет телефона, чтобы позвонить Адриану или хотя бы использовать его в качестве фонарика.

Ян издает стон, и я чувствую перед собой что-то теплое. Его рука. Слава Богу, это его рука, а не другой орган.

– Ян! Открой глаза.

Ответа нет, и когда я касаюсь его плеча, я чувствую, что кровь все еще сочится. Если я ничего не сделаю, он, несомненно, умрет.

Я напрягаюсь, чтобы уложить его на живот, затем опускаюсь перед ним на корточки, обхватываю его здоровой рукой за шею, а другой хватаюсь за край его куртки.

Встав, я пытаюсь нести его. Он тяжелее, выше и больше меня, так что эта миссия с самого начала провалилась. Но я не отпускаю его, даже когда весь его вес падает на меня.

Я не останавливаюсь.

Я сбрасываю каблуки и иду босиком, чтобы улучшить равновесие. Камешки впиваются в подошвы моих ног, как крошечные иглы. Поначалу мне кажется, что моя спина разломится надвое, но через несколько шагов по моим конечностям прокатывается волна адреналина.

Я помню те времена, когда я проводила ночи напролет в студии, танцуя и мучая свои ноги. Я практиковалась снова и снова, чтобы отточить свою осанку, свою технику и свое выступление. Если я смогла пережить то, смогу пережить и это. Потому что я ни за что на свете не оставлю Яна. Он принял эти пули из-за меня. Он умирает из-за меня.

Ночь тихая и темная. Нет даже луны, которая могла бы подсказать мне направление. Озноб охватывает меня с головы до ног, и мои мышцы кричат от боли.

Я хожу так долго, что начинаю терять чувствительность в ногах. Мне нужно найти место, куда можно позвать на помощь, и как можно скорее.

Мои пальцы касаются твердой поверхности, и я улыбаюсь, даже когда напрягаюсь, чтобы удержать его.

– Я нашла дорогу, Ян. Я собираюсь доставить нас в безопасное место.

Он не издает ни звука. Его пульс под моими пальцами слабеет, тело тяжелеет.

– Да ладно тебе. Останься со мной, Ян.

Вдалеке светят фары, и я пытаюсь выбраться на дорогу. Я останавливаюсь на полушаге, отпрянув назад, когда машина проносится мимо нас. Черт возьми. Это было близко. Если бы я была на дороге, нас бы сбили.

Машина останавливается впереди, ее красные огни светят, прежде чем она разворачивается на полной скорости, останавливаясь прямо перед нами.

Я чуть не плачу от радости, когда открывается пассажирская дверь и из нее вываливается Адриан. Я смотрю на его напряженное лицо и вытщенный пистолет. По тому, как он выглядит, как военачальник, готовый начать битву – и выиграть ее.

Он нашел нас.

Понятия не имею, как ему удалось сделать это так быстро, но я так рада, что он здесь. Он хватает меня за плечи.

– Ты в порядке?

Мне удается слегка кивнуть, затем я указываю на Яна.

– Его подстрелили. Дважды. Помоги ему.

Не успеваю я вымолвить ни слова, как Коля берет у меня Яна и несет его. Однако я не чувствую облегчения от того, что его вес исчез. Если уж на то пошло, мои пальцы дрожат от нахлынувших пессимистических мыслей. По крайней мере, когда он опирался на мою спину, я чувствовала его

сердцебиение, как бы тихо оно ни билось, и говорила себе, что он жив. Теперь я чувствую, что он ближе к смерти, чем к жизни.

За этой машиной останавливается вторая, и Коля осторожно сажает Яна внутрь.

– Лия.

– Что? – рассеянно отвечаю я, все еще глядя на безжизненное тело Яна.

– Лия!

– Что? – рявкаю я на Адриана.

Он вытирает мне глаза. Я чувствую вкус соли и тут понимаю, что плакала. Как долго, я понятия не имею, но прошло достаточно времени, чтобы я шмыгала носом и дрожала.

Адриан проверяет мои руки, платье и пальто.

– Она не моя. Яна, – говорю я, чтобы объяснить кровь.

Большой палец Адриана скользит под моей щекой, и я вздрагиваю, когда он касается моей рассеченной губы.

– Где ублюдок, который это сделал?

– Он мертв.

– Мертв?

– Его напарник убил его.

– А где его напарник?

– Он уехал на машине. – Я смотрю на него, когда машина, везущая Яна, отдаляется. – С ним все будет в порядке? Я чувствую нерешительность Адриана. Он увидел его. Он увидел кровь. Он знает, что его второй ближайший охранник может не выжить.

– Давай уедем. – Он ведет меня на заднее сиденье, а двое его охранников садятся впереди.

Адриан обнимает меня всю дорогу домой. Глупые слезы не прекращаются, и я продолжаю дрожать, как лист зимой.

Он снимает куртку и накидывает ее поверх моего окровавленного пальто, но это не облегчает боль, которую я чувствую глубоко в груди.

Я плачу, но не только из-за Яна. Я плачу, потому что думаю, что знаю этого человека, тень, того, кто сказал, что у меня есть миссия.

И что-то подсказывает мне, что эта миссия опаснее, чем я могу себе представить.

Глава 26

Уинтер

Я делаю первый настоящий вдох, когда доктор говорит, что Ян выживет. Он потерял много крови и все еще без сознания, но непосредственной угрозы его жизни нет.

Эти слова разрывают мне грудь и прижимаются к сердцу с силой, которая лишает меня равновесия. Я хватаю Адриана за руку и становлюсь на якорь, когда мы стоим посреди комнаты Яна, которая находится в гостевом доме, месте, куда Адриан никогда не позволял мне входить до сих пор.

Он лежит на спине, грудь забинтована, кровь больше не покидает его тело, но он также не открывает глаза. Его симпатичное модельное лицо бледное-бледное, а губы потрескались.

Коля рядом с ним, проверяет температуру, как ему показывал врач. Я не упустила то, что у них есть местный врач, или что он не задавал никаких вопросов о том, почему он должен был лечить пациента с огнестрельным ранением в доме Адриана.

Он просто кивнул и ушел, как будто это было обычным делом.

Наверное, так оно и есть.

– Как у него температура? – спрашиваю я Колю, когда он смотрит на устройство в своей руке.

Комната простая, с кроватью посередине и шкафом в углу. Единственный свет исходит от лампы на ночном столике, отбрасывая темные тени на бледное лицо Яна.

– Она высокая, но не тревожная. – Коля выпрямляется, и, хотя его обычный хмурый взгляд застыл на месте, в его позе чувствуется легкая настороженность. – Я позабочусь о том, чтобы такая продолжалась всю ночь.

Я делаю шаг вперед. – Я тоже останусь.

– Нет, – Адриан хватает меня за локоть и тянет назад. – Ты сделала свое дело. Оставь это Коле.

– Он прав, госпожа Волкова. Спасибо вам за все, что вы сделали. Если бы вы не несли его или не пытались остановить кровотечение, он бы не выжил.

– Коля улыбается. Он такой же, как и его начальник в этом отделе. Им не помешал бы урок-другой от живого Яна.

– Ничего особенного.

Я хочу остаться и присмотреть за Яном, но Адриан несет меня на руках и выходит из гостевого дома, направляясь к главному. Он делал так с самого начала, потому что на мне нет обуви, и я благодарна, потому что мои ноги не могут нести меня должным образом. Мои руки в окровавленных перчатках лежат на коленях, и я стараюсь не смотреть на них и не вспоминать, что случилось с Яном.

– Держись за меня, Лия. – строго говорит Адриан.

– Они окровавлены.

– Разве я выгляжу так, будто меня это заботит?

Ему плевать, но мне нет. Даже когда я обнимаю его за шею, я стараюсь держать перчатки подальше. Я не хочу запачкать его кровью.

Рядом с ним не должно быть крови.

Как только мы входим в комнату, я извиваюсь, чтобы он меня отпустил. В ярком свете я вижу алые пятна на перчатках, на пальто и на платье. Они повсюду, как вторая кожа.

Адриан ставит меня на ноги, и я убегаю. Он захлопывает дверь, и когда подходит ко мне, его глаза закрыты, темные, как будто в них назревает буря, или вулкан, или и то, и другое.

На его белой рубашке от смокинга остались пятна крови. На лбу у него тоже что-то есть. Мне это не нравится. Я не хочу, чтобы это было на нем, и я ненавижу себя за то, что я причина этого.

На нем действительно не должно быть крови.

Я хмурюсь. Вот уже второй раз за последние несколько секунд мне приходит в голову эта мысль. Я понятия не имею, почему меня это мучает, но я знаю, что не вижу на нем малинового цвета. Это тянет за темную часть меня, где существует тот черный ящик, в который я была поймана.

– Я... я собираюсь принять душ. – Я проскальзываю мимо него к двери.
– Я сделаю это в другой комнате.

Моя рука лежит на дверной ручке, когда его тело прижимает меня сзади, его твердые мускулы и высокое телосложение затмевают мое маленькое тело. Его ладонь накрывает мои окровавленные перчатки на дверной ручке, когда он шепчет мне на ухо.

– Как ты думаешь, куда ты собираешься?

– В душ... – Мой голос низкий, хриплый и звучит неискренне, потому что душ – это последнее, что я сейчас хочу делать.

– Ты хоть представляешь, как я волновался? – Он трется подбородком о мою голову, пока его пальцы расстегивают заколки, удерживающие мои волосы. Пряди падают мне на спину, и он утыкается в них носом, вдыхая меня.
– Я думал, что снова потерял тебя, Лия.

Мои глаза закрываются, впитывая глубокий, низкий тенор его голоса и ощущение его позади меня. Это безопасно и так чертовски знакомо. Мне не следовало бы думать об этом сейчас, когда он говорит о другой женщине, но я не могу думать без его присутствия. Его прикосновения. Его слов.

Я пристрастилась к нему вместо алкоголя. Его жестокие наказания и мои ошеломляющие оргазмы стали моей новой дозой, но он забрал ее, и это было больнее, чем не пить. По крайней мере, из-за отсутствия алкоголя это была головная боль. С ним все мое тело проходило через ломку.

Я так долго голодала – кажется, целую вечность, – а сегодняшние события только усилили мой голод.

Губы Адриана касаются изгиба моей челюсти и спускаются к впадинке на моем горле, покусывая, посасывая.

Мои мышцы теряют свою жесткость, и я расслабляюсь в его объятиях, мои пальцы отпускают дверную ручку. Адриан держит мою челюсть двумя пальцами, приподнимая ее, чтобы поцеловать мою шею, затем ключицу, прежде чем вернуться к челюсти.

Кровь его не останавливает. Как будто ее и не существует.

Он разворачивает меня, и я смотрю на него, когда мой зад встречается с твердой поверхностью двери.

Он смотрит на меня, снимает свой пиджак, за ним следует мое пальто. Я молчу, пока один предмет одежды следует за другим, собираясь кучей вокруг меня.

Адриан проводит пальцами одной руки по моим волосам, а другой находит молнию, расстегивая ее одним быстрым движением. Материал скользит по моим рукам, прежде чем присоединиться к остальной одежде, разбросанной по полу. Я стою в одном лифчике без бретелек и черных кружевных трусиках.

Я полуобнажена, и все же не чувствую себя уязвимой, потому что то, как Адриан смотрит на меня, горячо, обжигающе, в отличие от всех роботизированных взглядов, которые он бросал на меня за последние пару дней.

– Я так горжусь тем, что ты сделала, чтобы помочь Яну, Lenochka. – бормочет он мне в лицо, цепляясь пальцами за край моих трусиков.

– Ты гордишься мной? – Я хватаюсь за края его рубашки, чтобы сохранить равновесие.

– Я всегда гордился тобой. – Он делает паузу. – Давай изменим это на «в основном».

Я хочу спросить, включает ли это «в основном» меня или Лию, но решаю не портить момент. Мне все равно, кем он видит меня сейчас, потому что я здесь одна.

Не Лия.

Я.

Адриан расстегивает ремень, и я, затаив дыхание, смотрю, как он позволяет своим брюкам и боксерам упасть к его ногам. Он всегда представляет собой зрелище, от которого я не могу отвести глаз, даже когда мои инстинкты говорят мне, что он опасен.

Несмотря на эту опасность, или, скорее, из-за нее, я была поймана на его орбите без возможности сбежать.

Он поднимает одну из моих ног и обвивает ее вокруг своей талии. Я держу ее там, не в силах отвести взгляд от его члена. Он твердый, толстый и такой готовый, что мои внутренности трепещут от плотского желания.

Адриан входит в меня медленно, и даже с моим скользким центром, его член пробивается в мое тело, заполняя меня, не будучи полностью внутри. Пока он не торопится, я понимаю, что не только желание овладевает мной, разрывая мою плоть и находя убежище в моих костях. Это нечто более глубокое, темное и зловещее. В этот момент я хочу наблюдать за тем, как он овладевает мной, дюйм за дюймом. Я хочу посмотреть, как соединяются наши тела.

Хриплый стон наполняет воздух, и я понимаю, что это мой.

Адриан замолкает, и с его губ срывается довольный стон.

– Черт возьми, Lenochka... Знаешь, сколько раз я думал о том, чтобы услышать твой сексуальный гортанный голос?

Я хочу прикусить губу, чтобы покончить с этим, не позволить ему услышать мой голос, когда он все еще зовет меня именем другой женщины, но взгляд его глаз останавливает меня. Серый цвет насыщенный, но не резкий. Это как быть пойманной в ловушку яркого сна и знать, что я скоро проснусь, поэтому я должна наслаждаться каждой секундой этого.

– Ты такая красивая, – хрипит он, двигая бедрами, пока его член полностью не входит в меня. – Ты, чертов дом.

Я задыхаюсь и от его слов, и от того, как он наполняет меня до такой степени, что растягивает самым восхитительным образом.

Дом.

Он назвал меня домом.

Мои руки обвивают его шею, когда я поднимаюсь вверх по его телу, так что обе мои ноги обвиваются вокруг его талии. Меня не волнует кровь или то, что это, возможно, мой худший внешний вид.

Единственное, что продолжает звенеть у меня в голове, – это слово «дом». На самом деле у меня его никогда не было, и тот факт, что Адриан называет меня своим, пробуждает дремлющую часть меня, о существовании которой я и не подозревала.

Та часть, которая тоже хочет иметь дом и хочет, чтобы он показал мне, насколько я его дом.

Адриан медленно входит в меня, новое положение дает ему глубину, которая позволяет ему ударять меня в чувствительное место с каждым неторопливым толчком.

– Ты такая тугая, Lenochka. Ну же, откройся мне.

Тогда я понимаю, что он делает это медленно, чтобы не навредить мне. Несмотря на свою безжалостную натуру и безжалостные наказания, Адриан иногда обращается со мной так, словно я хрустальный бокал, который разобьется, если он надавит достаточно сильно.

Это может быть правдой, поскольку он, на самом деле, огромен. Он такой большой, что я чувствую жжение каждый раз, когда он толкается внутри, хотя я насквозь промокла. Но это изысканный тип. Тот тип, в котором мотыльки не возражали бы быть сожженными заживо, лишь бы попробовать его на вкус.

Я впиваюсь пятками в его задницу, молча подталкивая его. Губы Адриана захватывают мои, когда его ритм увеличивается. Его поцелуй соответствует ярости его толчков. Во-первых, они глубокие и неторопливые. Во-вторых, они быстро и безжалостно лишают меня рассудка.

За ним невозможно угнаться, даже если я попытаюсь. Моя спина ударяется о дверь, скользя по ней и ударяясь о нее, чтобы соответствовать острой силе его бедер, его поцелуя, всего его тела.

Я марионетка в его руках, но он не отнимает у меня логики. Он врезается мне в кожу. Он крадет мой здравый смысл и мое дыхание. Он открывает во мне двери, о существовании которых я и не подозревала.

С тех пор, как он начал целовать меня, я не жаждала воздуха. Теперь он мой кислород. Причина, по которой я изо всех сил борюсь за жизнь.

Оргазм поражает меня так сильно, что я не замечаю его приближения, пока он не взрывается мне в лицо. Я откидываю голову назад, мои губы на мгновение покидают его.

– Аааа... Адриан! Адриан!

– Черт, черт.

Его проклятия только усиливают мой оргазм. Обычно он не из тех, кто ругается, но, похоже, потерял часть своего железного контроля с тех пор, как заключил меня в объятия.

Он входит в меня с животной силой, трахая меня у двери глубокими, яростными толчками.

– Повтори это. Повтори мое имя.

– Адриан, – шепчу я, а потом стону. – Адриан!

На мгновение мне кажется, что я повисла в воздухе. У меня кружится голова и сердце. Мой шрам не покалывает, грудь не болит.

Я свободна.

В объятиях Адриана я свободна от всего и всех. Я – это просто я.

Эти мысли расширяют волну моего оргазма, когда он поглощает меня целиком. Это не похоже на то, что я когда-либо чувствовала раньше, и это пугает меня, но я все равно езжу на нем. Мои пальцы впиваются в плечи Адриана, когда долгий крик, смешанный со стоном, срывается с моих губ.

Потом кончает Адриан. Я чувствую, как его сперма согревает мои внутренности, когда его плечи напрягаются под моими пальцами.

– Черт. – выдыхает он мне в шею.

Но он даже не останавливается, когда выходит из штанов и боксеров и несет меня в ванную, пока он все еще внутри меня. Он снимает с меня перчатки

и лифчик и бросает их за спину. Мои руки в крови, но Адриан смотрит на них не с отвращением, а скорее с гордостью.

«Я горжусь тобой», – сказал он.

«Ты мой дом», – также сказал он.

Я все еще на седьмом небе от счастья из-за оргазма или из-за чего-то совсем другого?

Он ставит меня на ноги, и я немного пошатываюсь, поэтому он держит руку на моей руке, когда выходит из меня. Я дрожу от потери его, затем мои глаза опускаются, когда его сперма стекает по моим ногам.

Иисус. Это должно быть возбуждение?

Адриан наблюдает за доказательством его тщательного траха, когда он сбрасывает рубашку, открывая свои твердые мышцы и чернила, украшающие его руки.

Я хочу прикоснуться к ним, обнять его, но мне всегда кажется, что это не мое дело. Как будто у меня нет абсолютно никаких прав на то, чтобы изучать его татуировки.

Адриан нажимает на кнопку, и через секунду нас окатывает вода. Он медленно стирает кровь с моих рук и щеткой вытирает ее из-под ногтей. Затем он переходит к моему лицу, шее и рукам.

Я готова растаять от того, как он прикасается ко мне. От заботы в его глазах. Мягкости, которая не соответствует его характеру, которую он показывает только мне.

Закончив, он обхватывает меня руками за талию и приподнимает, впиваясь кончиками пальцев в мою задницу. Затем он вонзается в меня одним безжалостным толчком.

Я кончаю. Именно так.

Я даже не была настолько возбуждена, но, думаю, то, как он мыл меня, было настолько возбуждающим, что все, что ему нужно было сделать, это войти в меня, чтобы я достигла оргазма.

Дело даже не в физическом возбуждении, а в том, что за этим кроется смысл, нежность, забота в его серых глазах, которые он всегда посвящал только мне.

Я не утруждаю себя заглушить свои стоны, крики и радость, когда он трахает меня под душем. Я держу его обеими руками, не желая отпускать.

Ни сейчас, ни когда-либо.

Он не перестает трахать меня, владеть мной, время от времени меняя позу. Его руки повсюду, обхватывают мои груди, щиплют соски, тянут за волосы, чтобы он мог покусать чувствительное место на моем горле. Он целует меня, потом прикусывает язык. Он сосет мой сосок, потом дергает его. Он медленно проникает в меня, а затем доводит до непостоянного, сводящего с ума уровня.

Как будто он не может насытиться мной и хочет углубить нашу связь с каждым прикосновением. Он трахает так же, как говорит, с кажущимся спокойствием, но едва уловимой темнотой.

Я так возбуждена, что чувствую, как один оргазм перетекает в другой.

Моя передняя часть теперь упирается в прозрачную душевую кабину, когда он входит в меня сзади, держа оба моих запястья одной рукой на стекле надо мной.

Мой рот открыт в букве "О", когда я принимаю каждый восхитительный толчок и каждый укол боли, который приходит с ним.

– А-а-а... Адриан... Я кончаю...

Он увеличивает свой ритм, сжимая мои соски другой рукой, пока они не начинают болеть, и я кричу от боли.

– Такая чувствительная.

– Адриан! – Я падаю, не приземляясь. Я продолжаю падать и кататься, находя паузу, чтобы снова упасть.

Если бы я знала, каково это, я бы позволила ему услышать мой голос, и он бы давно меня трахнул.

Адриан все еще не кончил. Во всяком случае, мой оргазм заставил его стать тверже внутри меня. Его губы встречаются с моим ухом, когда он шепчет.

– Спасибо, что пригласила меня домой.

А потом он снова входит в меня. Я закрываю глаза, чтобы запомнить ощущение и его слова.

«Спасибо, что ты мой дом», – собираюсь прошептать я в ответ, но его голова падает в пространство между моей шеей и плечом, и он целует кожу там.

– Черт, я скучал по тебе, Лия.

Все мое тело обмякло. Все, что случилось сегодня. Его беспокойство, его необузданная страсть и даже то, как он покусывает мою кожу и слегка покачивает бедрами, никогда не были предназначены для меня.

Он меня не *видит*. Он видит только Лию.

Эта мысль пронзает меня так глубоко, что слеза скатывается по щеке, смешиваясь с водой и падая в канализацию.

Потому что я знаю, я просто знаю, что он никогда не увидит во мне Уинтер.

Я всегда буду Лией.

Глава 27

Адриан

Я не могу остановиться.

Я говорю, что сделаю это после еще одного раза, когда поднимаю ее и кладу на живот, широко раздвигая ее ноги и толкаясь в нее сзади.

Я сказал, что остановлюсь после того, как возьму ее еще раз в постели прошлой ночью.

Я сказал, что остановлюсь после того, как разбужу ее, мои зубы покусывали ее шею, а пальцы дразнили ее клитор.

Но я чертов лжец.

У меня нет ни желания, ни плана останавливаться. Чем больше я пробую ее на вкус и вдыхаю осязаемый аромат ее возбуждения, тем сильнее меня тянет насладиться им. Чтобы съесть ее, проглотить так глубоко, что она никогда не будет думать о том, чтобы найти выход. Я придумываю метод за методом, чтобы вырвать у нее один оргазм за другим.

Обычно я из тех, кто точно знает, когда остановиться. Вы не можете переусердствовать или недооценивать. Найти этот баланс невозможно для большинства людей, но не для меня. Я всегда преуспевал в том, чтобы быть тем типом людей, у которых есть золотая середина.

Я никогда не заботился слишком много или слишком мало. Никогда не перегибал палку, никогда не раздвигал границы. У меня никогда не было пристрастий или вещей, от которых я не мог легко избавиться.

Лия – исключение из всех этих правил.

Она – та зависимость, которую я не ожидал увидеть, и когда я наконец заметил ее, она уже текла в моей крови.

Она – та, чьи границы должны были быть раздвинуты, но в итоге я оказался в куче проблем.

Эта женщина опьяняет. Она прокралась под мою кожу и ввела свою черную магию в мои кости. Теперь она – причина, по которой я дышу. Я чувствую, что, если я перестану прикасаться к ней, если я отпущу ее, она снова исчезнет.

Я больше никогда ее не получу.

При этой мысли мои толчки становятся глубокими, острыми и животными. Я никогда не был таким твердым, как вчера вечером и сегодня утром. Мой член постоянно нуждается в том, чтобы заявить на нее права, владеть ею и научить ее, что она никогда никуда не уйдет – добровольно или неохотно.

Тело Лии дергается, ее пальцы сжимаются в поясе, который я обмотал вокруг ее запястий и прикрепил к крюку в столбике кровати. Она выглядит такой красивой и такой чертовски моей.

Она миниатюрная, ломкая и такая хрупкая, что больно подумать, что могло случиться с ней прошлой ночью. На подошвах у нее порезы, под глазом синяк. В тот момент, когда я увидел, что она задыхается, плачет и находится в состоянии легкого шока, я поклялся найти того, кто прикоснулся к ней, и сломать его гребаную шею голыми руками.

В то же время, когда я увидел, как она изо всех сил пытается удержать Яна на ногах, и понял, что, судя по царапинам на ногах, она, вероятно, долго несла его, я почувствовал глубокое чувство гордости. Потому что, хотя Ян должен был защищать ее, они оказались в перевернутом положении, и она не оставила мужчину позади.

Эта крошечная чертова женщина несла на спине большого мужчину, как будто это было нормально.

Эти мысли только наполняют меня еще большим желанием к ней, еще большей потребностью запечатлеть себя под ее кожей и в ее крови.

Я впиваюсь пальцами в ее ягодицу, а другой рукой слегка приподнимаю ее живот. С одним из моих коленей, твердо расположенном между ее открытыми бедрами, это положение дает мне больше места, чтобы войти в нее.

Лия кусает подушку, снова заглушая звуки. Она делает это с тех пор, как я вынес ее из душа прошлой ночью. Я отпускаю ее задницу и наклоняюсь так, что моя грудь прикрывает ее спину.

Ее мышцы изгибаются под моим прикосновением, чуть-чуть прогибаясь, когда ее стенки сжимаются вокруг моего члена. Я сунул два пальца ей в рот, открывая его.

– Не прячься от меня, Лия. Дай мне услышать твой голос.

Ее глаза встречаются с моими, в них собирается влага. Они тихие, но дерзкие. Решительные, но печальные, как стихийное бедствие, которое не хочет разрушать жизни людей, но знает, что это должно произойти в любом случае.

– Лия. *Открой.*

Она обхватывает губами мои пальцы и сильно кусает, пока ее внутренности душат меня. Я кончаю одновременно, мои яйца болят от интенсивности моего освобождения.

Колени Лии подгибаются, и она падает на матрас. Я тоже хочу упасть на нее, поцеловать в шею и покусать розовые возбужденные соски. Я хочу поклоняться всему ее телу, просто чтобы сделать это снова.

Но я вырываюсь из нее и удерживаю себя в положении отжимания, чтобы не раздавить ее своим весом. Она такая крошечная, что невозможно даже представить, как ей будет больно.

Лия перестает кусать мои пальцы и отпускает их, оставляя след слюны и следы зубов. Она пытается отвести взгляд, но я опускаю одно колено между ее ног и хватаю ее за волосы, заставляя оставаться на месте.

Я провожу кончиками указательного и среднего пальцев – тех, что она только что прикусила – по ее губам.

– Если тебе что-то нравится, признайся.

Она смотрит на мои пальцы, плотно сжимая губы, пока я провожу кончиком языка по ее горлу, прежде чем нахожу ухо. Все ее тело содрогается, и я чувствую ее похоть, даже не касаясь между ног. Ее глаза расширяются,

дыхание прерывается, а кожа становится горячей на ощупь, немного потной, немного грязной и такой чертовски идеальной.

– Почему ты снова заглушаешь себя, а? – тихо шепчу я, изо всех сил стараясь не дать волю своему гневу.

– Спроси себя. – говорит она, задыхаясь.

– Я тебя спрашиваю. Ответь мне.

Она снова поджимает губы.

– Ты в настроении для наказания, Лия? Прошло уже какое-то время, так что, возможно, твое тело жаждет этого удара боли.

Она усмехается.

– Это первое, Лия.

Ее взгляд встречается с моим, и я думаю, что это из-за наказания, но она стискивает зубы.

– Я *не* Лия.

– Второе. Ты – Лия.

Новые слезы наполняют ее глаза, когда она встает с кровати, пытаюсь оттолкнуть меня. Я легко могу одолеть ее, особенно когда она связана и готова к тому, чтобы можно было ее взять, но слезы останавливают меня.

Это не слезы удовольствия, как тогда, когда она рыдала во время оргазма, когда я ее шлепал.

Это слезы боли.

Я уступаю ей место и сажусь на колени, чтобы снять ремень с ее рук. Я пытаюсь помассировать ей запястья, но она отдергивает их и показывает на себя большим пальцем.

– Уинтер! Меня зовут Уинтер. Перестань называть меня Лией. Просто перестань!

Я стискиваю зубы.

– Третье.

– Да хоть сотое. Мне, черт возьми, все равно. – Она бьет меня в грудь сжатым кулаком. – Ты стираешь меня, Адриан. Ты стираешь меня с лица земли.

Я обхватываю рукой ее голову и притягиваю к себе, заставляя прекратить ее истерику. Она борется со мной еще немного, ее крошечные руки толкают меня, ее зубы кусают мою грудь, но ее энергия иссякает, когда рыдание вырывается из ее горла. Оно сырое, но отскакивает прямо от моей грудной клетки и исчезает.

Мне наплевать, почему она плачет.

Вскоре после этого ее дыхание выравнивается, хотя ее кулаки все еще прижаты к моей груди. Кажется, она заснула, пока не начала бормотать.

– Меня зовут Уинтер...

А потом она отключается.

Я кладу ее на кровать, иду в ванную и возвращаюсь с мокрым полотенцем, чтобы вымыть ее. Я поднимаю ее, снимаю простыни, мокрые от моей спермы и ее возбуждения, и заворачиваю в толстое одеяло.

В ее глазах все еще стоят слезы, и я вытираю их тыльной стороной пальцев. Она склоняется ко мне, потому что даже во сне ее тело настроено на меня.

Убедившись, что ей удобно, я быстро принимаю душ, одеваюсь и присоединяюсь к своим людям внизу. Еще немного рано, но для того, что мы должны сделать, нет времени. Они все на ногах, и я уже получил отчеты от своих хакеров.

Мои глаза сужаются, когда я читаю электронное письмо от одного из хакеров, которых я попросил взломать GPS моей машины после того, как она исчезла прошлой ночью. Он ответил, что они нашли ее под скалой, недалеко от того места, где мы выбрали Лию и Яна.

Я посылаю двух своих охранников на разведку, прежде чем полиция появится на месте происшествия. Если есть что убирать, они это тоже сделают.

Но больше всего мне нужно знать, кто, черт возьми, посмел похитить мою жену.

Мою. *Жену.*

Это даже не произошло на улицах или в незначительном месте. Они осмелились забрать ее с мероприятия, проводимого Сергеем в его собственном доме. У них есть яйца, следует отдать им должное, но я буду наслаждаться каждой секундой, когда буду резать их.

Я посылаю еще нескольких охранников обследовать дом Сергея на случай, если кто-нибудь узнает об инциденте. После того как я получил телефонный звонок от Лии, мои люди и я были достаточно осторожны, чтобы не предупредить остальных. Любая угроза безопасности в присутствии других криминальных семей плохо отразится на братстве и Сергее. Я не хотел давать ему еще одну причину копаться во мне или заставлять меня выкинуть Лию. Он, наверное, подумает, что я инсценировал все это чертово похищение и пожертвовал Яном, чтобы выглядеть невинным из-за фиаско итальянцев.

Это то, что сделал бы его чертов зять, Кайл, а не я. Муж Рай не колеблясь подвергнет себя опасности до тех пор, пока не сможет двигаться вперед. Я не такой. Я никогда не принесу в жертву своих людей и не подвергну Лию опасности ради собственной выгоды.

У Сергея на стоянке не так много камер, поэтому мне нужно, чтобы мои люди сказали мне, если что-то было заснято на пленку, и тогда я буду беспокоиться об этом.

Убедившись, что все мои люди на месте, я направляюсь в комнату Яна в гостевом доме.

Я на секунду задерживаю дыхание. Как бы этот ублюдок ни действовал мне на нервы, мне не нравится мысль о смерти Яна. Коля всегда шутил, что он похож на нашего ребенка, потому что мы в нем души не чаем. Увидеть, как его подстрелили, было равносильно тому, как несколько месяцев назад Джереми задыхался.

Через мгновение я толкаю дверь. Коля сидит на стуле возле кровати Яна и сжимает мокрое полотенце. Его глаза налиты кровью, но насторожены. Он определенно не сомкнул глаз прошлой ночью, потому что питает слабость к безрассудному ублюдку, лежащему на кровати.

Мой заместитель пытается встать, но я жестом приказываю ему остаться и спрашиваю по-русски.

– Как он?

– Жар спал. – отвечает Коля на том же языке. – Но он еще не проснулся.

– Он проснется.

– Я знаю. – Он колеблется. – Вы что-нибудь выяснили?

– Другие мужчины говорят, что еще не получили приказа двигаться к машине, поэтому они ничего не видели.

– Ян, наверное, хотел сначала отвести госпожу Волкову к машине.

– Да. – я смотрю на перевязанную грудь Яна, постукивая пальцем по бедру. – Помнишь, как Кайла подстрелили, когда он притворялся, что защищает Сергея, когда он стоял за нападением?

Коля хмурится, видимо, не понимая, к чему я клоню, но кивает.

Мое внимание остается на Яне, пока я говорю.

– Ты знаешь, почему он это сделал?

– Чтобы снискать расположение Сергея.

– Что в основном и было его маскировкой. Его прикрытием. Он принял не смертельную пулю в качестве жертвы.

Глаза Коли расширяются, наконец-то улавливая смысл моих слов.

– Вы же не хотите сказать... Вы же не обвиняете в том же Яна, не так ли?

Мое постукивание прекращается, когда глаза Яна дергаются.

– Хм. Кто знает?

– При всем уважении, сэр, Ян служит вам с самого детства. Он не какой-нибудь безымянный убийца вроде Кайла, который пытается завоевать чью-то благосклонность. Он получил две пули за вашу жену!

– Следи за своим тоном, Коля.

Он поджимает губы, но не извиняется. Через мгновение он сглатывает.

– Я только хочу сказать, что Ян не сделал бы этого с Вами.

– Ты так говоришь, потому что знаешь его всю жизнь. Тебе трудно подозревать его из-за вашей связи.

– По-видимому, с этим у Вас нет никаких проблем. Поздравляю.

– Я сказал, чтобы ты следил за своим тоном, и нет, Коля, у меня нет проблем с недоверием к людям.

– Ну и что теперь? Вы собираетесь убить его?

– Я не настолько жесток. Я не убью его, не допросив сначала.

По выражению лица Коли я вижу, что он взбешен, разочарован и, наверное, хочет дать мне по морде. Мы могли бы быть воспитаны вместе, но он знает, что я холоден и расчетлив по отношению к другим людям, а не к себе. Так что тот факт, что я направляю эти черты вовнутрь, на Яна, выводит его из себя, как ничто прежде.

– Я следующий? – тихо спрашивает он. – После Яна моя очередь?

– Не давай мне причины. – Я оборачиваюсь. – Сообщи мне, когда он проснется.

– Как бы вы ни ненавидели своих родителей, вы их точная копия.

Я не собираюсь отвечать ему, поэтому не делаю этого, когда захопываю за собой дверь.

Их точная копия.

Возможно.

В конце концов, монстры могут рожать только монстров.

Глава 28

Уинтер

Я больше не могу.

Я просто *не могу*.

Сегодня я проснулась в поту и слезах. Все мое тело тряслось так сильно, что я испугалась Джереми, когда он вошел в мою комнату.

Иногда я не помню своих кошмаров, но помню этот. Я вспоминаю, как Адриан трахал меня на кровати, мои руки и ноги обвилились вокруг него, когда Лия ворвалась в дверь с ножом. Однако на этот раз никакая тень не спасла меня от нее, когда она перерезала мне горло.

Адриан не взглянул на меня дважды, когда она была в комнате. Когда я схватилась за кровоточащую шею, он вышел из меня и подошел к ней.

Он обнял ее спереди так, как никогда не обнимал меня. Он вдохнул ее аромат и поцеловал в виски.

– Я скучал по тебе, Lenochka, - прошептал он ей, пока она держала окровавленный нож, которым перерезала мне горло.

– Наконец-то ты дома, – пробормотал он между поцелуями в ее щеку, рот и горло, пока я лежала там, булькая, извиваясь, *плача*.

«*Помогите!*» – закричала я про себя. «*Адриан, помоги мне!*»

Но он этого не сделал.

Все его внимание было приковано к Лие, к ее лицу, щекам, горлу, рту. Однако она посмотрела на меня. Ее глаза встретились с моими, и она ухмыльнулась, когда обняла Адриана в ответ и одними губами произнесла.

– Мой.

Вот тогда я и умерла.

Но потом меня втолкнули в другой кошмар, где мужчина схватил меня за руку и заставил нажать на курок. Кровь покрыла мою кожу, когда я закричала во всю мощь своих легких.

Потом все было кончено.

Джереми пытался разбудить меня, стоя у моей кровати и держа в руках одного из своих игрушечных солдатиков. Он отпрянул, когда я, вздрогнув, села.

Теперь он стоит возле комода, лицо его бледно, губы дрожат.

– Ты призрак, мамочка?

Мое дыхание тут же успокаивается, и меня охватывает совсем другое беспокойство. Джереми, кажется, боится меня, и это ранит больше, чем мне хотелось бы признать.

Я протягиваю ему руку.

– Мне так жаль, Джер, мамочке просто приснился кошмар. Теперь все кончено.

– Правда? – Он не выглядит убежденным, даже когда смотрит на мою руку.

– Правда.

– Ты не собираешься стать Призрачной Мамочкой?

– Конечно, нет, мой ангел.

Он осторожно делает шаг вперед и кладет свою крошечную руку в мою. Я улыбаюсь, и он улыбается в ответ.

– Ты моя мамочка.

– Так и есть.

Он забирается на кровать и обнимает меня своими маленькими ручками.

– Ты можешь всегда быть моей мамочкой?

Отчаяние и раздражение, которые я испытала ранее, застревают у меня в горле, когда я думаю, что сказать ему.

Я здесь больше не останусь.

Мне все равно, даже если полиция меня посадит. Я просто не могу ни при каких обстоятельствах оставаться в доме, от которого у меня мурашки бегут по коже, с человеком, который стирает меня из жизни.

С момента нападения прошла неделя. Целых семь дней прошло с тех пор, как он впервые трахнул меня.

С тех пор он делал это снова и снова. Иногда два раза в день. Иногда в качестве наказания. Прошлой ночью он понял, что я провела большую часть дня, заботясь о Яне – факт, который ему не понравился.

Он был жестким, непреклонным и не выходил из меня, пока мои губы не начали кровоточить от того, как сильно я их прикусила. Я рада, что он вымыл меня и одел в ночную рубашку, потому что меньше всего я хочу, чтобы Джереми видел меня в таком состоянии.

Но опять же, Адриан обеспечивает лучший уход, который я когда-либо видела. Я знала только эгоистичных мужчин, которые обращали внимание только на свое удовольствие, и к черту мое. Адриан не только следит за тем, чтобы я кончила первой – и много раз, – он также никогда не оставляет меня грязной. Он всегда купает меня, одевает, причесывает, укладывает и даже велит Огле приносить мне еду в постель, когда чувствует, что я слишком устала, чтобы двигаться.

Я хочу убедить себя, что мне все это не нравится. Что у меня нет другого выбора, кроме как быть с ним. Но так ли это, если мое тело всегда разрушается? Если я буду жаждать его, как только его рука коснется меня?

Его прикосновения – не то, что я ненавижу. Я ненавижу его и то, что он никогда не называл меня по имени.

Я перестала просить об этом, потому что это не только бесполезно, но и меня всегда за это наказывают. Жестко, скорее от боли, чем от удовольствия, как будто он хочет стереть эту мысль из моего мозга.

И именно поэтому мне нужно бежать. Мое сердце обливается кровью, когда я покидаю Джереми, который выжидающе смотрит на меня своими огромными серыми глазами. Если не...

Мое сердце колотится, когда в голове рождается безумная идея.

– Мапочка?

– Да?

– Ты мне не ответила.

Я усмехаюсь. Он определенно перенимает требовательный характер своего отца.

– Я всегда буду твоей мамочкой, Джер. Ничто этого не изменит.

– Мы можем сегодня поиграть вместе?

– Да, но сначала мы должны навестить Яна.

– Он все еще болен, потому что спас тебя, мамочка?

– Да.

– Тогда я подарю ему одну из своих игрушек.

– Ты такой хороший мальчик, Джер. Ну же. Давай собираться.

Когда мы одеваемся, я веду Джереми вниз завтракать. Огла странно смотрит на меня, но ничего не говорит. Я упаковываю тосты и джем, когда она, наконец, говорит.

– Куда вы их собираете, госпожа Волкова?

– Для Яна и Коли. Сейчас они почти не завтракают по-настоящему. – Хотя я почти не видела, как они – или другие охранники – едят раньше, я знаю, что Огла обычно берет их еду в какое-нибудь заднее здание, где они живут и едят.

– Вам нельзя навещать Яна.

Я поднимаю голову, прерывая свою работу.

– Что?

– Перед тем как уйти сегодня утром, господин Волков отдал особое распоряжение, чтобы вам не разрешалось навещать Яна.

– Да пошел он к черту со своими особыми распоряжениями.

Вежливые глаза Оглы расширяются, словно не веря, что я только что это сказала. На этот раз я лишила ее дара речи.

Джереми хихикает, дергая меня за платье.

– Плохое слово, мамочка.

– Прости, ангел. – Я улыбаюсь, затем перевожу взгляд на Оглу. – Скажи своему боссу, что он не может запретить мне ухаживать за пациентом.

С этими словами я беру еду и говорю Джереми, чтобы он пошел со мной.

Мы идем в гостевой дом. В отличие от других охранников, Коля и Ян, по-видимому, живут здесь. Как обычно, перед зданием стоят два солдата с оружием. Я готова поделиться с ними своими мыслями, если они попытаются остановить меня, но они этого не делают.

Когда мы входим в комнату Яна, он спит. Он проснулся несколько дней назад, но доктор прописал ему обезболивающее, которое заставляет его больше спать.

Он укрыт серым одеялом, натянутым до подбородка, на подбородке растет легкая щетина, но он не так бледен, как в первые дни.

Коля сидит рядом, стучит по ноутбуку. Я удивлена, что он здесь, потому что обычно он тень Адриана, а поскольку Огла сказала мне, что у Адриана сегодня дела вне дома, я подумала, что Коля будет с ним.

Но, с другой стороны, после травмы Яна между ними возникла напряженность. Они едва обращаются друг к другу, даже по-русски. Адриан много проводил время днем с другими мужчинами, а Коля почти не отходил от Яна

Когда мы входим, он закрывает ноутбук и встает.

– Ему лучше? – Я предлагаю Коле еду.

Он берет ее и кладет на тумбочку.

– Да.

Джереми сидит на полу, водя фигуркой по простыне, она достаточно далеко от Яна, чтобы не причинять ему дискомфорта.

– Госпожа Волкова.

Мое внимание скользит от Джереми к Коле.

– Да?

– Пожалуйста, уходите. Босс дал четкие инструкции о том, чтобы больше не принимать вас здесь.

Я стискиваю зубы. Этот гребаный мудака.

– Я никуда не уйду. – Я скрещиваю руки. – И, если Адриан что-нибудь скажет, скажи ему, что я настоящая.

Лицо Коли остается стоическим, когда он бормочет.

– Вы делаете дело Яна хуже, а не лучше, госпожа Волкова.

– Конечно, он не причинит вреда своему раненому, потому что я хочу навестить его.

– Нет, но он начнет больше подозревать его.

Я хмурюсь.

– Подозревать его?

– Босс считает, что за вашим похищением мог стоять Ян.

– Какого черта? Его подстрелили. Дважды.

Коля сжимает челюсти.

– Он думает, что Ян мог сделать это нарочно, чтобы выйти сухим из воды.

– Черт возьми. Твой босс – гребаный диктатор.

Я вижу, что Коля хочет защитить Адриана, но что-то его останавливает. Или кто-то. Инертное тело Яна. Так вот в чем причина напряженности между ними. Адриан подозревает Яна, и старшему охраннику это не нравится.

– Вы рассказали ему свою версию событий, госпожа Волкова?

– Конечно. – Этот ублюдок заставлял меня повторять это снова и снова, словно желая убедиться, что я ничего не выдумываю и пересказываю все, как было.

Я не упомянула о человеке-тени и о том, что он сказал. Я исказила некоторые детали, чтобы все выглядело так, будто похитители вышвырнули нас из машины и уехали. Я слышала, как Адриан разговаривал с одним из своих людей, который сказал, что они нашли обезображенный труп вместе с машиной, которая упала со скалы. Должно быть, это был Стрелок.

Никто ничего не говорил о другом мужчине. Тень, которая сказала, что у меня есть миссия, и назвала меня Герцогиней. Я сомневалась, что это хоть как-то поможет Адриану, и это было бы плохо для меня.

Потому что даже я до сих пор не понимаю, что означают его слова.

Но я не думала, что Адриан поверит, что Ян предал его. Он такой убудок, что подозревает своих самых близких.

– Мамочка. – Джереми дергает меня за платье.

– Да, ангел?

– Я хочу перенести сюда свою зону боевых действий.

– Ладно. – Я делаю паузу, прежде чем подчиниться. – Ты можешь это сделать, Коля?

– Я забочусь о Яне.

– Я сделаю это.

– Будет лучше, если вы не будете делать этого. Боссу это не понравится.

– Я же сказала, мне все равно, что ему нравится, а что нет.

Коля остается там несколько секунд, и когда становится ясно, что я не сдвинусь с места, он тихо вздыхает.

– Очень хорошо.

– Я тоже хочу пойти! Я тоже хочу пойти! – Джереми отпускает меня и идет к ближайшему охраннику своего отца. – Возьми меня, Коля.

– Не спускай с него глаз. – Коля наклоняет голову в сторону Яна, и я киваю.

Когда за ними закрывается дверь, я натягиваю одеяло на его тело.

– Ян, мне жаль, что твой босс – главный гребаный придурок.

Его губы шевелятся в подобии улыбки, прежде чем он открывает глаза.

Когда он говорит, его голос хриплый.

– Он всегда был таким. Ты заметила это только сейчас?

– Ян! Тебе что-нибудь нужно? Принести тебе воды или еды или...

Мои слова обрываются, когда он поднимает руку и обхватывает мою.

– Спасибо, что спасла меня.

– Не за что...

Взгляд его глаз вкупе с его прикосновениями сбивают меня с толку. За ними что-то есть, но что?

Словно почувствовав мою реакцию, он убирает свою руку.

– В знак благодарности я хочу, чтобы ты кое-куда сходила.

– Кое-куда?

– Коля – единственный охранник внутри. Так что теперь, когда его здесь нет, тебя никто не остановит.

– Остановит меня от чего?

– Второй этаж, госпожа Волкова. Тот, на который вы смотрите уже несколько недель.

Мое сердце подпрыгивает к горлу, когда я слышу его слова. Он заметил.

Я подумывала о том, чтобы подняться туда с тех пор, как у меня появилась возможность прийти сюда и навестить Яна, но Коля всегда, без сомнения, провожает меня после каждого визита.

И у меня не хватило смелости вернуться ночью, особенно с тем, как часто я теряю сознание из-за интенсивного траха Адриана.

– Коля – человек номер один и доверенное лицо Адриана. – говорит Ян.
– Его верность лежит на нем и всегда будет лежать, что бы ни делал босс. Не сомневайся, если он вас найдет, то без колебаний сдаст, так что вам лучше поторопиться.

– Что насчет тебя, Ян? Разве это не навлечет на тебя неприятности?

– Я всего лишь спящий пациент. Я сделаю вид, что ничего не знаю.

– Он подмигивает, и мое сердце громыхает.

Черт возьми. Я видела это подмигивание раньше, но где? *Где?*

– Иди.– шепчет он.

Какая-то часть меня не хочет этого, какая-то часть хочет зарыться головой в песок, как маленькая мисс Страус.

Но эта часть не побеждает.

Потому что большая часть меня хочет пойти туда и посмотреть, что происходит. Может быть, если я это сделаю, то смогу найти выход из ситуации, в которой нахожусь. Может быть, я, наконец, смогу избавиться от кошмаров.

Я сжимаю руку Яна в знак благодарности и выхожу из комнаты. Я поднимаюсь по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, потому что знаю, что Коля скоро вернется. Как только я оказываюсь на втором этаже, по моей коже ползут мурашки.

Марионеточные струны щелкают у меня на шее, когда я делаю механические шаги по коридору. Я не должна знать, куда иду, и все же мне кажется, что знаю.

Я не открываю ни первую, ни вторую дверь и вместо этого останавливаюсь перед последней справа. Комната с окном, которое я видела в тот день.

Мои пальцы дрожат, когда я поворачиваю дверную ручку. Я ожидаю, что она захлопнется и закроет меня, но в воздухе раздается тихий щелчок.

Когда она открывается, петли издают тихий скрипучий звук, как в фильмах ужасов и душераздирающих триллерах.

Я не знаю, почему я думаю, что монстр ждет меня на другой стороне.

Это не так.

Все гораздо хуже.

Кто-то лежит на простой кровати.

Провода подсоединены к руке человека. Они неподвижны, словно мертвые. Но сигнальная машина справа показывает нормальный ритм.

Гудок.

Гудок.

Гудок.

Мои потные пальцы отпускают дверную ручку, когда я медленно приближаюсь к кровати. Мои ноги вот-вот подведут меня, мое сердце стучит так громко, что сломало бы машину, если бы оно было прикреплено к одной из них.

Я прикрываю рот ладонями и смотрю на лежащего там человека.

На ней белая ночная рубашка, как в кошмарном сне, темные волосы разметались по подушке, а кожа бледная, как паста.

Шерстяная простыня закрывает ее до груди, а руки скрещены на животе, как будто она лежит в гробу.

Лия Волкова.

Настоящая Лия Волкова.

Я думала, она умерла. Как она может быть... Почему она...?

Мои мысли путаются друг с другом без четкого направления, когда тошнотворное чувство поселяется в моем животе, требуя, чтобы меня вырвало завтраком.

Ее глаза резко распахиваются, их голубые глаза сталкиваются с моими.

Я отшатываюсь назад, когда мой рот открывается в крике.

Глава 29

Уинтер

Это кошмар.

Это может быть только очередной кошмар. Я не проснулась сегодня утром, и мне опять снится кошмар.

Я зажмуриваюсь, потом снова открываю глаза.

Лия все еще там, смотрит, но не на меня. Ее взгляд не последовал за мной, когда я споткнулась.

Я щиплю себя в отчаянной попытке проснуться, но меня встречает только жгучая боль.

Все мое тело дрожит, когда я снова приближаюсь к ней. Она продолжает смотреть, но ничто на ее теле не шевелится. Ни ее руки, ни конечности.

Она как будто спит с открытыми глазами.

– Лия. – шепчу я, боясь, что что-нибудь более громкое заставит ее вскочить с кровати и перерезать мне горло, как в моем последнем кошмаре.

Она никак не реагирует на мои слова. Ее глаза все еще смотрят вперед, пойманные в чужой стране. Я провожу рукой перед ее лицом, но она не реагирует.

Она даже не моргает, полностью в трансе. Теперь, когда я больше не в шоке, я вижу, что ее глаза пустые, светлее моих, как будто чувства, которые делали их яркими, полностью исчезли.

Я медленно касаюсь ее плеча, хотя мое тело отвернуто, готовое в любую секунду выскочить отсюда.

Лия не двигается. Ни на дюйм.

Она парализована? Ее мозг мертв? Что именно заставляет человека оставаться в таком состоянии, не делая ни единого движения?

– Лия... – снова бормочу я.

Ничего.

Но это не приносит мне облегчения. Если уж на то пошло, то ужас и мрак из прошлого врезаются в мою грудную клетку и затягивают петлю вокруг моего сердца.

Моя нога вибрирует, и я задыхаюсь, думая, что Лия коснулась меня.

Это телефон. *Просто телефон.*

Дрожащими пальцами я достаю его. Текст, который приветствует меня, углубляет мое дрожащее состояние.

Неизвестный номер: Ты уже нашла свою миссию?

Мой взгляд скользит от экрана к Лие и обратно, сердце колотится где-то в горле.

Он... Тень имеет к этому какое-то отношение? Я набираю ответ.

Лия: Это как-то связано с Лией?

Неизвестный номер: Ты стала Лией Волковой не просто так. Найди это. Сделай это. Я теряю терпение, Герцогиня.

– Что, черт возьми, это должно означать? – бормочу я себе под нос.

Голова Лии поворачивается в сторону под неестественным углом, как будто вот-вот сломается. Ее глаза быстро моргают, а рот открывается, когда из него вырывается долгий стон боли. Он сырой, глубокий и чертовски навязчивый.

Я выбегаю из ее комнаты, хлопнув за собой дверь. Мои пальцы дрожат вокруг телефона, когда я бегу. Я не останавливаюсь, пока не оказываюсь снаружи.

Мое сердце колотится в горле, и я почти уверена, что охранники это замечают, но если и замечают, то никак не комментируют.

Я заставляю себя идти умеренным шагом, пока не добираюсь до главного дома. Я бегу вверх по лестнице, врываюсь в спальню и прячусь под одеялом.

Моя рука все еще крепко сжимает телефон, как будто это безопасная линия от призрачных пальцев, которые, как я чувствую, пытаются сорвать с

меня покрывало, или марионеточные нити, пытающиеся направить меня в темный туннель.

Что, если Лия последует за мной? Что, если она убьет меня сейчас?

Пот покрывает мой лоб, и мои пальцы одеревенели, когда я смотрю на свет телефона под темными одеялами.

Сообщения с неизвестного номера смотрят на меня. Он что-то знает. Он сказал, что я заняла ее место не просто так. Но почему? Если не считать того, что Адриан принудил меня к этому, у меня не было причин быть Лией. Я не *хочу* быть Лией.

Затем осознание того, что я увидела, ударило меня, как кувалда.

Она жива.

Лия Волкова жива.

Раньше я едва держалась на волоске, но теперь, когда я знаю, что она жива, я чувствую себя в десять раз хуже, чем сегодня утром.

Все, что Адриан сделал со мной, было испорчено, но я думала, что столкнулась с кем-то мертвым, с кем-то, кого не существует. Но она существует. Она дышит. Она прямо там, в том же чертовом доме, в то время как бездомный двойник трахает ее мужа изо дня в день.

Я забрала ее жизнь, ее сына, ее мужа. Всё.

Кажется, меня сейчас вырвет.

Неудивительно, что мне снились кошмары о том, как она убивает меня или пытается убить. Я бы сделала то же самое. Если бы мой муж, мужчина, которого я люблю, привел другую женщину, чтобы трахнуть ее под моей крышей, я бы убила его собственными руками.

Мне было бы все равно, что он называет ее моим именем или что он привел ее только в качестве замены. Она – не я.

Это измена.

Это чертовски *неправильно*.

Я могла бы молчать об этом раньше, но теперь, когда я знаю, я не могу продолжать в том же духе.

Я не так больна, как Адриан. Я не разлучница.

Другая женщина.

Ведя разговор с тенью, я знаю, что он единственный, кто может позволить мне сбежать.

В конце концов, он похитил меня с того дня рождения, посреди всей этой охраны, просто для разговора. Он может сделать это снова, если я совру и скажу, что знаю миссию.

На этот раз я не вернусь к Адриану и его больным, извращенным играм.

На этот раз, черт возьми, мне придется уйти.

Глава 30

Адриан

Когда я вхожу в нашу спальню, первое, что я чувствую, это запах... роз. На ночном столике горит несколько свечей, их огоньки мерцают в темной комнате.

Я останавливаюсь у входа и сбрасываю куртку. Сегодняшний день был чертовски утомительным, и встреча за столом Сергея была целиком посвящена вызовам. Хотя обычно я и глазом не моргаю, видимая угроза, которую демонстрируют мне Владимир и Сергей, заставила меня насторожиться.

К счастью, камеры в особняке Сергея ничего не зафиксировали о похищении той ночью. Я смотрел их сам, делая вид, что потерял свою карточку, но эта часть была полностью отрезана от записи. Последнее, что он увидел, было то, как Ян втолкнул Лию в мою машину, прежде чем она схватила его за плечо и потянула за собой.

Я просмотрел запись с противоположных камер, затем сделал паузу и увеличил изображение, чтобы увидеть лица нападавших, но они оба были в масках. Водитель был в шапке и никогда не поднимал головы настолько, чтобы я мог разглядеть его лицо.

Другой был не так осторожен, и это имеет смысл, поскольку я предполагаю, что именно его мы нашли у подножия утеса. Он был спецназовцем, ставшим убийцей. Наемник насквозь, без каких-либо реальных союзов, и, как большинство профессиональных спецназовцев, невозможно отследить, как он входил в контакт со своими клиентами.

Меня больше интересовал – и до сих пор интересует – ублюдок, который все это время прятал лицо, потому что он, казалось, держал в руках бразды правления всей этой операцией. В тот день я просмотрел все записи с парковки

и даже взял с собой. Он не появлялся на экране. Вообще. А это значит, что он знал о них все и старался проникнуть в их слепые зоны.

Он также знал, как подстрелить Яна так, чтобы его не засняли на камеру, а затем использовать дороги, которые не отслеживаются.

Так вот, это та часть, которая имеет нулевой гребаный смысл. Почему он прошел через все эти неприятности только для того, чтобы отпустить их? Он мог бы причинить мне больше вреда, если бы угрожал жизнью Лии.

Если Ян не причастен к этому, а я уверен на девяносто девять процентов, он мог просто убить моего охранника.

Какого хрена он отпустил их обоих?

Если только его целью не было захватить их.

Ян сказал, что большую часть поездки он был без сознания и почти ничего не помнил. Он лжет. Я могу сказать, когда Ян лжет. Но я все еще не могу понять, почему он лжет, поэтому я сказал ему, что его средства к существованию зависят от того, помнит ли он, что произошло в той гребаной машине.

Коля бросил на меня злобный взгляд, прежде чем понял, что не должен так на меня смотреть. Мой заместитель чертовски мягкосердечен, когда дело доходит до Яна, настолько, что даже он был одурачен его поведением. Он видит только свою боль, но я вижу гораздо дальше.

Я вижу связь, которая возникла между ним и Лией за то время, что он присматривал за ней – как бы сильно я это не ненавидел. Я вижу, что его преданность мне больше не абсолютна. Он разделен между мной и ней, и это только навредит ему в долгосрочной перспективе.

Я закрываю за собой дверь спальни. Когда Огла и Коля сказали, что Лия открыто пренебрегла моим приказом держаться подальше от Яна, я пришел сюда, чтобы наказать ее, но это было до того, как я увидел этот вид.

Лия сидит у комода, перебрасывая волосы через тонкое, нежное плечо. На ней голубая атласная ночная рубашка в тон ее сверкающим глазам.

Лямка спадает с кремового изгиба ее плеча, и она не утруждает себя тем, чтобы поднять ее. Ее внимание сосредоточено на зеркале, когда она медленно расчесывает блестящие пряди своих темных волос.

Я бросаю куртку на стул, и мои ноги несутся к ней. У меня нет выбора, я хочу быть рядом с ней. Это выгравировано в самом мозгу моих костей без возможности очистить его.

Аромат роз наполняет мои ноздри, когда я нахожусь на расстоянии прикосновения. Словно, наконец, почувствовав мое присутствие, пальцы Лии останавливаются на щетке, и она встречает мой взгляд через зеркало, приоткрыв рот.

Ее губы накрашены темно-красной помадой, по которой я хочу скользнуть языком и размазать по ее розовым щекам.

– Ты вернулся. – шепчет она.

– Я вернулся. – тихо говорю я, кладя руки ей на плечи. Вместо того чтобы поднять лямку, я опускаю другую ей на руку. Материал соскальзывает, обнажая ее бледные груди и мягкие розовые соски.

Я отпускаю одно из ее плеч и хватаю ладонью грудь. Она сидит так идеально, как будто была сделана для моей руки. Мой большой палец гладит ее сосок, и она делает глубокий вдох, когда обе ее руки лежат на коленях.

– Свечи? – спрашиваю я небрежно, как будто на самом деле не думаю о том, чтобы трахнуть ее прямо сейчас на полу. Она выглядит такой дразнящей, словно моя самая испорченная фантазия воплотилась в реальность.

Я говорю, чтобы отвлечь животное во мне от действия на эти плотские желания и как-то успокоить мой бушующий стояк.

Пока мы разговариваем, эта стратегия терпит неудачу.

– Они приятно пахнут. – Ее голос хриплый, чертовски эротичный, и это не помогает моей миссии. – Ты так не думаешь?

– Да. – я отбрасываю пряди ее волос и подношу их к носу, глубоко вдыхая. – Но не лучше, чем ты.

– Правда?

– Правда.

– А чем я пахну?

– Розами и чертовой зависимостью.

– Откуда ты знаешь, как пахнет зависимость?

– Я не знал. До тебя.

– *Меня?* – она растягивает это слово.

– Да, тебя. Хмм. Если бы я не знал тебя лучше, я бы сказал, что ты соблазняешь меня, *Lenochka*. – я щиплю ее за сосок, и она задыхается, прежде чем прикусить нижнюю губу.

Тот факт, что она заглушает себя, должен быть отключен, но я слишком далеко зашел, чтобы эта женщина это заметила.

Я отпускаю ее волосы и засовываю два пальца ей в рот, ожидая, что она меня укусит. По крайней мере, я чувствую, как сильно она меня хочет. Чем сильнее ее укус, тем больше она любит меня так же сильно, как я ее.

Это чертово чувство самоутверждения. Что-то, что держит меня на плаву. Я прекрасно понимаю, что она от меня отстанет, когда мы закончим. Что она повернется ко мне спиной и сотрет меня из своего мира. Но сейчас, когда я прикасаюсь к ней, она моя.

Мое, чтобы владеть.

Моя, чтобы, черт возьми, обладать.

Но вместо того, чтобы кусаться, *Лия* обхватывает языком мои пальцы. Ее глаза встречаются с моими через зеркало, тысяча искорок проходит через них, все сразу.

Я щиплю ее сосок, дергая тугой розовый бутон, и она задыхается вокруг моих пальцев. Я вытаскиваю их, прежде чем засунуть обратно. Она сосет их, старательно и с известной энергией, ее глаза не отрываются от моих.

– К черту все это. – Я поднимаю ее, одной рукой обнимая за талию. Она такая крошечная, что прижимается ко мне даже одной рукой.

Другой рукой я смахиваю то, что лежит у нее на комод, и она ахает, когда ее пальцы впиваются в мои плечи. Некоторые флаконы разбиваются о

землю, а другие падают. К счастью, здесь нет ни одной свечи, потому что я бы устроил пожар.

Лучшим вариантом было бы отнести ее в постель, быть гребаным человеческим существом, но у меня нет терпения, чтобы добраться до кровати прямо сейчас. Небольшое расстояние кажется световым годом. Мой стальной контроль не имеет силы, когда дело касается этой женщины.

Вот почему я держу ее подальше от братства. Вот почему я бы предпочел, чтобы мы не выходили на публику. Я всегда испытываю искушение пойти на убийство, если кто-то хотя бы посмотрит в ее сторону, не говоря уже о том, чтобы заговорить с ней. Меня всегда так и подмывает запереть нас обоих в таком месте, где нас никто не найдет.

Я расстегиваю брюки и стягиваю их вместе с боксерами, чтобы освободить свой набухший член. Лия смотрит на меня, не мигая, не двигаясь. Она даже на секунду перестает дышать.

Обычно она наблюдала за моей эрекцией с полу-ошеломленным, полу-возбужденным выражением лица, и я молюсь, чтобы возбужденная часть победила, потому что я на грани взрыва.

– Сегодня ночью я буду трахать тебя жестко и быстро, Лия. Я не буду нежным. Я не могу быть нежным, но, если я причиню тебе боль, если это станет невыносимым, скажи мне.

Ее грудь тяжело вздымается и опускается, ее розовые груди подпрыгивают вверх и вниз при каждом движении.

– Это ясно, Лия?

Она кивает, ее взгляд скользит по моему.

– Используй свои слова. Я хочу услышать тебя.

– Слышать меня?

– Твой голос. Я хочу его услышать, Лия. Поэтому, когда я трахну тебя, не отключайся от меня.

– Почему это так важно для тебя? – шепчет она.

– Потому что это вся ты. – *И потому что она будет моей Лией. Целиком. Полностью.*

Моя рука все еще обнимает ее за талию, когда я использую другую руку, чтобы раздвинуть ее бедра и разорвать ее нижнее белье. Оно рвется на одном дыхании, в сочетании с ее вздохом, когда я врываюсь в ее влажное тепло.

Она приглашает меня в свое тепло, стены сжимаются, ноги дрожат. Ее тело прижимается ко мне, ее руки обвиваются вокруг моих плеч, ногти впиваются в мою кожу с каждым движением бедер.

Как и обещал, я беру ее жестко и быстро. Ее спина ударяется о зеркало с каждым моим толчком. Я чувствую, как она сжимается вокруг меня, готовясь к оргазму.

Но не сейчас.

Я вырываюсь из нее, и она издает звук, что-то среднее между вздохом и стоном. Я прикусываю ее губу, прежде чем отпустить ее и перевернуть так, чтобы она оказалась лицом к зеркалу.

Ее глаза расширяются, когда она видит себя, полуобнаженную, в ночной рубашке, обмотанной вокруг талии. Она быстро наклоняет голову, когда я толкаюсь в нее. Я сжимаю ее челюсть, впиваясь пальцами в ее плоть, и наклоняю ее голову в сторону зеркала.

– Посмотри на свое лицо, когда я тебя трахаю. Посмотри, как твое тело реагирует на меня.

Она снова пытается разорвать зрительный контакт, по-видимому, стыдясь того, что видит, но я крепко держу ее за челюсть, обездвиживая.

– Посмотри на меня, Лия.

Она не делает этого, поэтому я двигаю бедрами, погружаясь глубже в нее, мои пальцы погружаются в ее ногу.

– Посмотри на меня.

Ее глаза встречаются с моими через зеркало, нерешительно, как будто она боится того, что найдет на моем лице. Я не уверен, что она видит – это

может быть моя животная потребность в ней, моя темная одержимость ею, или секреты и ложь, которые связывают наши жизни.

Что бы это ни было, оно удерживает ее на месте, пока я трахаю ее сильнее, входя в нее с сводящей с ума настойчивостью. Я кладу руку ей на живот, чтобы она не ударялась о край комода при каждом моем резком толчке.

Ее маленькие, упругие груди подпрыгивают, а ноги дрожат от силы моих бедер.

– Адриан... – стонет она, ее голос самый сладкий, самый эротичный, гортанный звук, который я когда-либо слышала.

Она не кусает губы, даже не пытается отвести от меня взгляд.

Стоны Лии поднимаются в воздух, как в тот раз, когда я трахал ее после похищения. Они сырые и голодные, покидают уголки ее души и врезаются прямо в мою.

Это только делает меня жестче, мой темп растет, а ритм выходит из-под гребаного контроля.

Тот факт, что она позволяет мне слышать ее голос, свободный, неизменный, наполняет мой пах и мою грудь непревзойденным чувством похоти, собственности и чего-то еще, совершенно другого.

Мне всегда было суждено погубить эту женщину, но я также могу владеть ею.

Забрать ее.

Иметь ее только для себя.

Лия кончает с хриплым криком, вцепившись пальцами в край комода. Вскоре я присоединяюсь к ней, изливая в нее свое семя и заявляя о своих правах.

Хриплое дыхание наполняет воздух, когда мы оба медленно спускаемся с высоты. Лия по-прежнему не отводит от меня взгляда, словно ее чарующие глаза застыли в трансе.

Я касаюсь губами ее плеч. Ее кожа блестит от пота, но мне на это наплевать. Все в ней – совершенство.

– Адриан? – шепчет она.

– Хм? – бормочу я, продолжая медленно покусывать ее кожу. Я просто даю ей немного времени перед тем, как отнести ее в постель и снова трахнуть. На этот раз медленнее. Хотя я уверен, что, когда я буду внутри нее, я не смогу контролировать себя.

Снова.

– Хорошо ли я себя вела?

– Очень, Lenochka.

– Разве я заслуживаю награды?

– Хм. – я провожу языком по ее горлу, прежде чем мои губы встречаются с ее ухом. – Чего ты хочешь?

– Я хочу выйти на улицу с Джереми.

– Ты делаешь это каждый день. – Я продолжаю покусывать ее шею, пальцы ласкают ее груди и соски, заставляя ее задыхаться.

– Н-не в сад.

– Тогда куда?

– В парке. Место с настоящими детьми и людьми, которых он может видеть.

– Угроза безопасности.

– Адриан, пожалуйста. – Она поворачивается ко мне лицом, так, что оказывается зажатой между мной и комодом, и кладет мягкую руку мне на грудь. – Дети его возраста должны выходить на улицу и встречаться с другими детьми. Это займет всего несколько часов, и я уверена, что твои охранники будут следить за нами.

Мне не нравится, когда они на улице, даже если с ними моя охрана. Но я знаю, что у нее стресс. Я чувствовал это по ее рассеянными жестам в последнее время и по нарастающей интенсивности ее ночных кошмаров. Если она не освободится от этого напряжения, она может – и она будет – начать скоро действовать.

Хотя я не уверен в степени того, что происходит.

Но вместо того, чтобы с готовностью согласиться, я поднимаю бровь.

– Одно условие.

Ее глаза загораются.

– Какое?

– С этого момента я буду слышать твой голос.

Она сглатывает, колеблясь, прежде чем кивнуть. Мне не нравится этот момент колебания, когда она хочет сказать «нет», но знает, что должна сказать «да», чтобы получить то, что хочет.

Но это не значит, что я не буду ее удерживать.

Я приподнимаю ее подбородок.

– Начиная с сегодняшней ночи.

– Значит ли это, что ты нам позволишь?

– Я все устрою.

– Спасибо. – Она широко улыбается, и я целую эту улыбку. Я наслаждаюсь этим, просовывая язык внутрь и целуя ее с такой силой, что она задыхается.

Мне нравится делать ее счастливой. Мне нравится, как она тает в моих объятиях, и я намерен показать ей, как сильно я люблю это всю ночь напролет.

Но даже я знаю, что эта фаза придет к концу. Что нам обоим нужно встретиться лицом к лицу с нашими демонами.

Я несу ее на руках к кровати.

Я буду беспокоиться об этом, когда это произойдет, потому что сейчас моя жена – единственная, кто имеет значение.

Глава 31

Уинтер

Я никогда не думал, что Адриан действительно выпустит нас.

Когда я придумала этот план, единственной переменной был Адриан. Он всегда держит меня в башне из слоновой кости, которую каким-то образом отгородил от внешнего мира.

Поэтому, когда я попросила его выпустить нас с Джереми на улицу, я подумала, что он откажется, хотя я использовала свое тело, чтобы немного расслабить его. Ну, это преувеличение. Я наслаждалась каждой секундой вчерашнего секса. На самом деле, я наслаждалась этим так сильно, что была немного напугана чистым желанием, которое я видела на своем лице в зеркале.

Но я также использовала это в своих интересах.

Адриан становится более открытым для меня, когда он внутри меня. Я бы не сказала, что он теряет бдительность, но он больше настроен на меня. И для этого я должна была полностью отпустить, пожертвовать своей борьбой, чтобы он больше в меня влюбился. Я не смогла бы этого сделать, если бы притворялась или сопротивлялась ему. Он слишком пронизателен, настолько методичен, что я всю ночь затаила дыхание, думая, что он поймает меня.

Я все еще задерживаю дыхание.

Джереми играет со своей игрушечной машиной, а мы сидим на скамейке в соседнем парке. Двое охранников Адриана стоят недалеко от нас, но я убедила их дать нам немного места. Они оба громоздкие, хмурые и чертовски страшные. Они будут привлекать больше внимания, вместо того чтобы отгонять его.

Небо затянуто облаками, воздух холодный, и ветер постоянно напоминает о холодном сезоне каждый раз, когда он сдувает мои волосы назад.

Но в парке, как я и надеялась, полно народу. Дети играют со своими игрушками, а взрослые бегают трусцой или катаются на велосипеде. Это тот тип хаоса, который держит охранников в напряжении и будет работать в мою пользу.

Неизвестный номер телефона – или «тень», как я люблю его называть – сказал, что он выйдет на связь. Я отправила ему сообщение, что буду сегодня в этом парке, прежде чем удалить весь разговор.

Я не уверена, что Адриан просматривает мой телефон, поэтому я не могла рисковать.

Ожидание контакта с тенью – это совершенно новая концепция нервотрепки. Последние полчаса я наблюдала за окружающими, как наркоман в поисках очередной дозы. Я заставила себя не шевелиться, чтобы не насторожить охранников. Они не Коля и не Ян, но все равно люди Адриана. Они бдительны и без колебаний сообщат своему боссу, если заметят что-то подозрительное.

В сумочке вибрирует телефон.

Мое сердце колотится, когда я достаю его. Адриан. Хотя я должна чувствовать разочарование, что это не тень, мой пульс взлетает еще сильнее.

Я хотела бы, чтобы был способ остановить себя от этой реакции всякий раз, когда Адриан вовлечен. Жаль, что я вождедею женатого мужчину.

Черт возьми.

Это не только похоть. Это нечто большее, и именно это вызвало слезы на моих глазах сегодня утром в душе.

Впрочем, это не имеет значения. Он не мой и никогда не будет моим. Вот почему мне нужно уйти.

Обычно он мне не звонит, но, с другой стороны, *обычно* он держит меня под присмотром дома.

Откашлявшись, я отвечаю.

– Эй.

– Вам с Джереми весело? – Слышится его спокойный, утонченный голос.

Я представляю, как он сидит за столом и постукивает пальцем по столу.

– Да. – я бросаю взгляд на Джереми, который сейчас занят наблюдением за армией муравьев, исчезающих за скамейкой.

– На улице холодно.

– Мы в пальто, шарфах и перчатках. Ты ведь позаботился об этом, помнишь?

– Я помню.

– Мы в порядке, Адриан. Мы действительно в порядке.

– Мне это нравится. – Его голос падает в пределах слышимости.

– Что тебе нравится?

– Вы оба в порядке.

Ты имеешь в виду Лию и Джереми. Но я этого не говорю, предпочитая молчать.

– Сходи со мной на свидание сегодня.

– С-свидание?

– Да. Это когда два человека проводят время один на один.

– Я знаю, что такое свидание. Я просто не понимаю, почему ты хочешь этого.

– Сейчас ты проводишь время один на один с Джереми. Почему не со мной?

– Ты ревнуешь к собственному сыну?

– Иногда. Что скажешь?

– Насчет чего?

– Свидание.

– Я вообще могу отказаться?

– Да, но будет веселее, если ты этого не сделаешь.

– Прекрасно.

– Увидимся позже, Lenochka.

– Иди к своей долбаной коматозной жене. – бормочу я, когда он отключается, и резко выдыхаю.

Я знаю, что все это игра, но это становится утомительным, и я хочу выйти из всей этой шарады. Я хочу стереть тот день, когда впервые встретила Адриана. Я хочу вернуться к тому, чтобы быть никем на улице, думая о своей следующей трапезе с Ларри.

Интересно, найду ли я теперь своего старого друга?

– Мамочка, смотри! – восклицает Джереми, указывая на проходящий мимо мини-цирк.

Мимо проходят несколько клоунов с большими воздушными шарами в руках. Человек на высоких ходулях бросает мячи в воздух, а другой человек с нарисованными белыми и черными глазами играет на губной гармошке. Внимание толпы переключается на них. Дети – в том числе и Джереми – полностью очарованы шоу.

Они останавливаются возле нас, клоуны танцуют и берут детей за руки. Один из них подсаживается к Джереми и дает ему воздушный шарик.

Мой маленький ангел берет его с широкой улыбкой на лице. Охранники Адриана начинают пересекать расстояние, между нами, вероятно, видя в клоунах угрозу.

Мой позвоночник резко выпрямляется, но совсем по другой причине. Мини-цирк окутывает Джереми. Он танцует с ними, смеется и зовет меня. Я пытаюсь добраться до него, но они не пускают меня, улыбаясь и жонглируя мячами в воздухе.

Я проталкиваюсь сквозь них, мои ладони становятся потными.

– Джереми!

Тяжелая хватка сжимает мое запястье, и я вскрикиваю, когда меня тянут назад, но звук заглушается рукой, прижатой ко рту.

Все, что я могу вдохнуть, – это кожа, когда он тащит меня прочь от толпы. Я пытаюсь пнуть его, но он хватает меня за волосы.

– Стой, мать твою, спокойно, Герцогиня. Мы же не хотим сейчас сломать твою прекрасную шею, правда?

– Джереми! – Я бормочу в его ладонь, но это едва ли выходит как слово.

Он не отпускает меня, пока мы не оказываемся в переулке, прижавшись спиной к стене. Тяжело дыша, я смотрю на него. На нем черная шапка и маска, закрывающая нос и рот. Видны только его глаза, карие, глубокие и такие знакомые.

– Я же сказала тебе, что возьму Джереми с собой. – говорю я, задыхаясь.

Он снисходительно хихикает.

– Ты думаешь, Адриан позволит своему единственному сыну уйти? Он перевернет для него весь мир.

– И все же...

– Заткнись на хрен со своим нытьем, Герцогиня. Ты сказала, что у тебя есть что-то для меня.

– Я не скажу тебе, пока ты не заберешь отсюда меня и Джереми.

– *Отсюда?* Твоя миссия здесь. Какого хрена тебе уходить?

– Но...

– Ты ведь не помнишь, правда? – Он преувеличенно тяжело вздыхает. – Ты просто заноза в чертовой заднице, Герцогиня. Так было всегда.

– Что?

Он снимает маску, и я задыхаюсь. Его лицо, с легкой щетиной и прямым носом. То же самое, что и в моем кошмаре. Человек, который держал меня за руку, когда я схватила пистолет и нажала на курок.

– Ты!

– Да, я. Твой единственный и неповторимый – или черт возьми когда-либо.

– Но ты не настоящий. Это был кошмар.

Он щиплет меня за щеку. Сильно

– Ай. Для чего это было?

– Так ты отличишь реальность от галлюцинации, Герцогиня. Боль означает, что она реальна. Отсутствие боли означает, что это больная игра, играющая в твоей голове.

У меня отвисает челюсть.

– Откуда... откуда ты это знаешь?

– Я знаю о тебе многое, но самое главное – я знаю, что ты не выполнила свою миссию, Лия.

– Я не Лия. – бормочу я. В первый раз слова прозвучали неискренне.

– Да, ты – Лия, Герцогиня.

– Нет. Настоящая Лия лежит в постели и смотрит в никуда.

Он поднимает бровь.

– Разве она настоящая? Ты испытала свою боль?

Мой язык прилипает к небу, и я с трудом опускаю его, бормоча.

– Я не Лия. Я – *Уинтер*.

– Ты действительно веришь в эту чушь, да? Как далеко ты зашла на этот раз?

– Это по-настоящему. – огрызаюсь я. Я не Лия.

Он наклоняется, чтобы прошептать.

– Тогда как ты помогла мне с покушением на Адриана год назад? Тот кошмар, в котором ты меня видела? Да, это было воспоминание, Герцогиня.

Я отчаянно трясу головой, не желая этого слышать, не желая, чтобы поток энергии, который течет по моим венам, ударил мне в голову.

Мои конечности дрожат, и я в ужасе от того, что принесет этот приток.

– Я – *Уинтер*. Меня зовут *Уинтер Кавано* и...

Воспоминание обрушивается на меня так сильно, что слова застревают у меня в горле.

Я стою посреди церкви и бормочу «Да», глядя на Адриана. Он в смокинге, который делает его в десять раз красивее, в то время как я в белом свадебном платье.

Его сильная рука обхватывает мой затылок, когда он притягивает меня к своей груди.

– Теперь ты моя, госпожа Волкова.

Его губы встречаются с моими во всепоглощающем поцелуе, от которого у меня перехватывает дыхание.

Я не отвечаю на его поцелуй.

Всё, о чем я думаю, это как покончить с его жизнью.

Я задыхаюсь, когда меня толкает обратно в настоящее.

– Теперь ты вспомнила? – спрашивает Лука. Вот как его зовут. Лука.

Мой партнер во всем этом.

И я действительно вспомнила.

Это правда.

Меня зовут Лия. Лия Волкова.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ